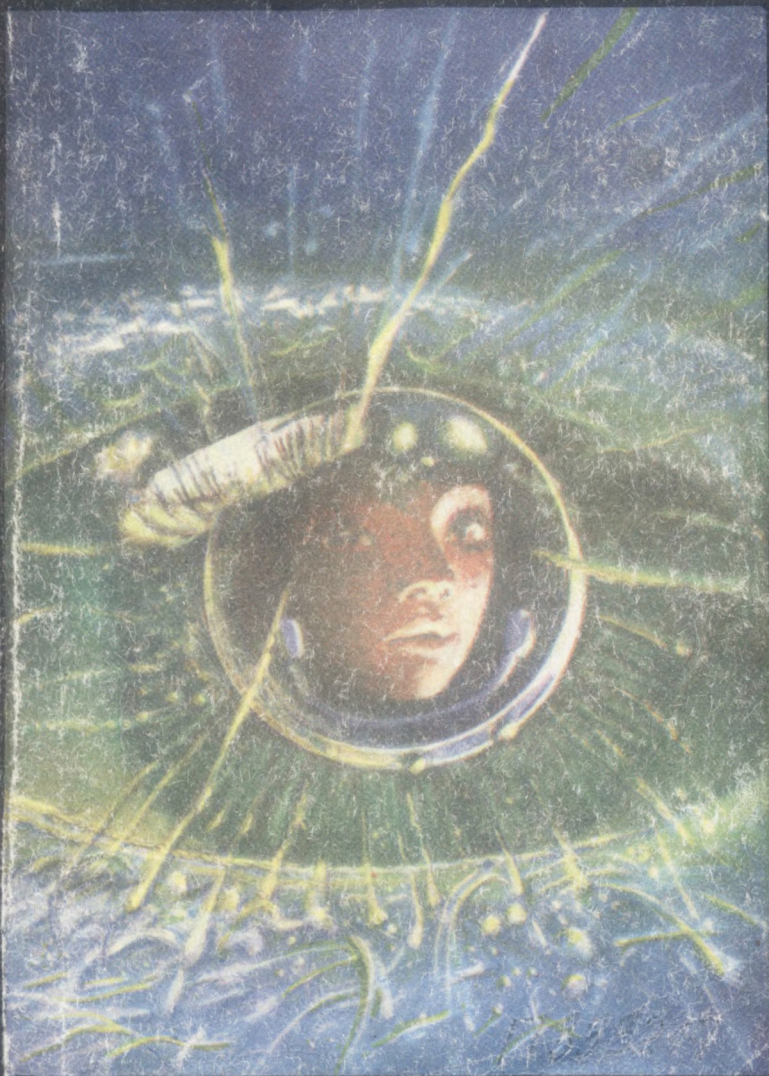

ISSN 0132-6783

НФ

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 30

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 30

Издательство «Знание» Москва 1985

ББК 84
С23

Рецензенты: Г. М. Г р е ч к о — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, доктор физико-математических наук; В. А. Р е з и ч — критик.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Э. А. Араб-оглы
И. В. Бестужев-Лада
Д. А. Биленкин
Е. Л. Войскунский
Вл. Гаков
Г. М. Гречко
В. П. Демьянов
М. Б. Новиков
Е. И. Парнов

С 23   Сборник научной фантастики. Вып. 30. Сост.
Бабенко В. Т.— М.: Знание, 1985.— 240 с.

1 р. 10 к.

150 000 экз.

Научно-фантастические произведения сборника объединены темой детства. В нем участвуют как признанные мастера советской фантастики, так и начинающие авторы.

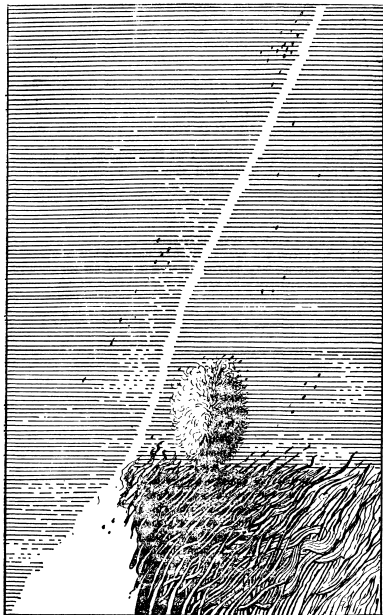
Зарубежная фантастика представлена рассказами Филиппа Дика, Фрица Лейбнера и Стивена Кинга.

В разделе «Публицистика» помещена статья Р. Арбитмава «Сквозь призму грядущего...», исследующая тему «Детство как художественный образ» на примерах из научной фантастики.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

С 4702010200—049 53—85
073[02]—86

ББК 84
СБ 1

■ ДЕЛАТЬ ДРУГИХ ЛУЧШЕ...

[От составителя]

Начнем с Демокрита.

Этот древнегреческий материалист высказал мысль, которая пронзила двадцать четыре столетия человеческой истории и дошла до наших дней, ничуть не потеряв своей справедливости.

«Хорошими люди становятся больше от упражнения, чем от природы».

Точная максима, но рецептом ее не назовешь. Что понимать под «упражнением»? Труднейший вопрос. Человечество решает его на первое тысячелетие.

Вся система воспитания молодого поколения — это упражнение, имеющее целью взращивание хороших людей.

Вся наука этики — это то же самое упражнение.

И все науки вообще. И все искусство.

И в частности, вся художественная литература.

И конечно, научная фантастика служит тому же упражнению. Ибо писатели-фантасты — по крайней мере лучшие из них — пишут не о космосе, не о роботах, не о машинах времени (как кажется на первый взгляд), а о людях. И как бы далеко в прошлое или будущее ни уносились их герои, фантасты всегда имеют в виду сегодняшний день. Единственный же смысл труда писателя, обращающегося в своем творчестве к людям сегодняшнего дня, заключается в стремлении помочь формированию гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Произведения фантастов, собранные в этом выпуске, объединены темой детства. Детства в широком смысле.

Детская фантастика и фантастика о детстве — разные вещи. Первая — о детях и предназначена для детей. Вторая — о людях любых возрастов и предназначена тоже для всех возрастов, но преимущественный ее адрес — взрослые, детство же — лишь непрменный сюжетобразующий атрибут. Пример первой — «Девочка с Земли» К. Булычева. Пример второй — «Малыш» А. и Б. Стругацких, где на фоне детства встают проблемы недетские.

Повесть Александра Мирара «Главный полдень», составляющая ядро сборника, тяготеет к детской НФ литературе. В центре произведения два мальчика — Степан и Алексей. Дети как дети, при случае могут и напроказить, любопытны... Но вот они становятся свидетелями загадочных, тревожных событий. Именно детское любопытство, неистребимое свойство мальчишек совать свой нос

везде и всюду помогает им раньше взрослых распознать грозную опасность, нависшую над Землей. Дети необыкновенно чутко реагируют на ложь, фальшь, обман, и неудивительно, что они первыми вступают в бой! Одно из достоинств повести — минимум допущений, минимум условности, предельная детализовка, привязка к нашей реальности создает тот самый «эффект достоверности», не всегда, к сожалению, присутствующий в НФ произведениях.

Главную мысль автора — против зла можно и нужно бороться, зло — победимо, каким бы оно ни выглядело всемогущим, — доказывают своими поступками дети и взрослые в этой повести.

К повести А. Мирера сюжетно примыкает его же рассказ «Перелепи мое лицо».

«Распознавать благо и зло, иметь сознание долга — это не дело ребенка», — писал Жан Жак Руссо в романе-трактате «Эмиль, или О воспитании». А вот повесть и рассказ А. Мирера как раз отражают иную позицию — ту, на которой стоит советская педагогика. С раннего возраста принавать детям сознание долга, учить их распознавать благо и зло, и не только распознавать, но и защищать добро, а злу давать бой — в этом суть «упражнения» на тему воспитания.

О том, что такое воспитание и как его сделать правильным, идет разговор в рассказе Эрнеста Маринина «Искатели удовольствий». Но сначала — почему зашел этот разговор. Дело в том, что в рассказе автор, намеренно выбравший тему контакта двух цивилизаций (дорожку даже не протоптанную уже, а вытопанную), сталкивает двух разумных существ, совершенно противоположных по жизненному багажу: земного школьного учителя и пришельца Кмыха, не знающего ни своих родителей, ни учителей, ни наставников (на планете Кмыха разумных выращивают в «выращателях»). Противоположны и этические установки героев рассказа: пришелец ищет только удовольствий, он приучен лишь брать от жизни, земной человек — судя по всему, хороший педагог — смысл своего существования видит в том, чтобы давать: «Вот смысл моей жизни — делать других лучше, чем они были раньше». Такой итог подводит землянин откровенной полемике разумных.

В советской фантастике есть множество произведений, где старшие и младшие, поколение отцов и поколение детей, пытаются вместе найти решение сложных проблем, с которыми их сталкивает действительность. Вот, например, можно ли однозначно определить коллизию, изображенную в рассказе Дмитрия Биленкина «Здесь водятся проволоки...»? С одной стороны, в финале конкретный герой произведения — философ — спасает конкретного ребен-

ка, пораженного неизвестной формой жизни (псевдожизни). Но с другой стороны, кто как не дети — в абстрактном плане — спасают все человечество, указав ему на опасность, порожденную экологической небрежностью? Все мы несем ответственность за будущее — и взрослые, и дети, говорит писатель, но дети более уязвимы — дети первыми уязвимы — в том случае, когда ответственность сдает позиции перед беспечностью.

Вот и прозвучало слово «ответственность» — слово, обозначающее комплекс понятий, которые служат камертоном для советской фантастики.

Кто несет ответственность за допущенную ошибку — личность или коллектив? Учитель или ученик? На чьи плечи должен ложиться груз ответственности за свершенное? А за несвершенное — за то, что только может еще произойти в будущем? Эти вопросы подвергаются тщательному художественному анализу в рассказе Эдуарда Геворкяна «Высшая мера», написанном на высоком нравственном накале. Высказывание Руссо: «Воспитатель! — какая возвышенная нужна тут душа... Поистине, чтобы создать человека, нужно самому быть или отцом, или больше, чем человеком...» — вполне могло бы стать эпиграфом к этому рассказу.

Тема детства, воспитания не может не включать в себя тему игр. Игры детей, игры взрослых, игрушки, покоряющие все возрасты, игры с компьютером, спортивные игры и военные, игровая компонента обучения и воспитания — эти явления действительности, особенно в их современном аспекте, пока не стали объектом художественного осмысления, но необходимость такого анализа и с позиций научной фантастики с каждым днем становится все более актуальной.

В сборник вошли четыре произведения, посвященные играм.

В рассказе Александра Силецкого «И даже очень...», наполненном светлой лирикой, мы так до конца и не узнаем, где в нем игры детей, а где «взрослая» реальность. То ли был космический корабль с Венеры, то ли не был, то ли обрел плюшевый мишка волшебные свойства, то ли нет — да это в общем-то и не важно. Важен вывод, который заставляет сделать нас автор рассказа: качества Человека надо воспитывать в себе с детства, и чем раньше — тем лучше.

Рассказ Дмитрия Бродского и Владислава Петрова «Победитель» относится к категории рассказов-предупреждений. В аллегорической, хотя и весьма прозрачной форме авторы напоминают о том, в какие «игры» играют милитаристы и что из этого может получиться.

Американский фантаст Филип Дик смог в рамках небольшого рассказа отобразить реализацию принципа «обучай, играя». О том,

чему могут научить земных детей игры внеземной цивилизации, читатели узнают, прочитав рассказ этого автора.

Стивен Кинг — тоже американский писатель-фантаст — словно бы полемизирует с Филипом Диком. Он описывает земную игру, предназначенную для земных же детей, — но какую!.. Крошечные живые пехотинцы, боевые вертолеты, ракетная установка, наконец, термоядерный заряд. На первый взгляд, главного персонажа рассказа — наемного убийцу Джона Реншо — всего лишь постигло заслуженное возмездие. Но вдумаясь: игра называется «Вьетнамский сундучок американского ветерана Джо». Прозрачный намек на связь между «грязной войной» и воспитанием американских детей в духе милитаризма (игрушки — ведь тоже воспитание!) звучит грозным предостережением.

В рассказе «Ведро воздуха» Фрица Лейбера изображена наша планета, перенесшая тяжелейшую природную катастрофу. Но заряд гуманизма, который вложил в свое произведение прогрессивный американский фантаст («человек всегда останется человеком!» — утверждает он), его основная мысль — покуда в этом мире есть дети, есть и надежда — искупают перерасход мрачных красок.

Раздел публицистики в сборнике представлен статьей молодого филолога Романа Арбитмана. Пожалуй, это первая в нашем литературоведении работа, исследующая тему «Детство как художественный образ» на примерах из научной фантастики.

География авторов сборника достаточно широка: Д. Биленкин, Э. Геворкян, А. Мирер, А. Силецкий — москвичи, Э. Маринин представляет Харьков, Р. Арбитман — Саратов, Д. Бродский и В. Петров — соавторы из Тбилиси.

Три автора — Р. Арбитман, Э. Геворкян и В. Петров — были участниками I и II Всесоюзных семинаров молодых писателей, работающих в жанрах приключений и научной фантастики, которые ежегодно проводятся Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР в Доме творчества писателей «Малеевка» под Москвой.

■ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

АЛЕКСАНДР МИРЕР

Главный полдень

ЗАЧЕМ ЭТО НАПИСАНО

Сурен Давидович, Анна Егоровна и профессор Быстров сказали, что мы со Степаном должны написать о «Щекинских событиях». Потому что никто из взрослых не знает того, что знаем мы. А писать мы должны толково и не пропускать подробностей: любое событие состоит из подробностей, как машина из деталей. Пропустишь одну деталь, и вся машина развалится. Наш рассказ они хотят послать «там, кому следует позаботиться, чтобы десантники не смогли приземлиться еще раз».

Сурен Давидович сказал, чтобы записывал я, Алешка, то есть Соколов Алексей.

Я пишу быстро, и у меня «есть литературная жилка» — это он так говорит, а ему виднее.

Я записал вот это и показал Сурену Давидовичу, что в первом абзаце три «что» и еще один раз «чтобы». Он обещал литературно обработать это дело, а мне велел писать поразборчивей.

Часть I

НАЧАЛО. ФЕДЯ-ГИТАРИСТ

В тот день с утра было очень жарко и солнечно. От жары я проснулся рано, позавтракал вместе с матерью и рано, задолго до восьми, пошел в школу. Помню, как на проспекте сильно, терпко пахло тополевыми чешуйками, и липы были дымные, светло-зеленые, и солнце горело в витринах универмага. Дверь магазина была заперта, но Федя-гитарист уже сидел на ступеньках со своей гитарой и жмурился. Я еще подумал, что на молокозаводе кончилась ночная смена и Федя прямо с работы явился на свидание с Неллой, продавщицей из обувной секции. Я прошел по другой стороне улицы, свернул за угол, к школе, и тогда уже удивился — не такой он человек, Федя, чтобы сидеть и ждать. Он лучше встретит девушку около дома и проводит о

громом, с гитарой — э-эх, расступись! Он такой парень. Утро, вечер — ему все нипочем. Я думал о нем и улыбался, потому что мне такие люди нравятся. Потом я стал думать, удастся ли днем, после школы, накопать червей для рыбной ловли.

Я прошел по пустой лестнице, положил портфель в стол и посмотрел в окошко.

Федя-гитарист по-прежнему сидел на ступеньках универмага и держал на вытянутых руках гитару. Понимаете? Он ее рассматривал и хмурился: что это, мол, за штука? Пожал плечами. Взял несколько аккордов и еще пожал плечами... Потом он стал притопывать ногой и с удивлением смотрел на свой ботинок, заглядывая сбоку, на петушиный манер, — гитара ему мешала.

Я опять заулыбался — наш знаменитый гитарист будто заново учился играть на гитаре. Выдумает же — забавляться так чудно и в такую рань!

Минуты через две-три у универмага появился заведующий почтой — наверно, Федя его окликнул. Мне через стекла было не слышно, что сказал Федя-гитарист, но заведующий почтой поклонился, свернул и подошел к ступенькам.

И тогда произошло вот что. Заведующий сделал неверный шаг, двумя руками схватился за грудь, сразу выпрямился, опустил руки и зашагал дальше, не оглядываясь на Федю. Через полминуты стеклянная дверь почты блеснула на солнце, заведующий скрылся за ней, а потом до меня долетел резкий стук закрывающейся двери. Федя сидел на ступеньках, словно ничего не произошло, и постукивал по гитаре костяшками пальцев. А я уж смотрел на него во все глаза — что он еще выкинет? На улице сталолюдно — шли служащие и продавцы на работу, из всех подъездов выскакивали ребята и мчались к школе. До звонка оставалось всего пять минут. Степка давно пришел и, торопясь, сдувал с моей тетради задачки по геометрии. Я смотрел, значит, целых полчаса, а Федя все сидел, опустив гитару к ноге, и равнодушно жмурился на прохожих. И вдруг он поднял голову... Тяжко подрагивая при каждом шаге, к почте торопился седой, грузный телеграфист, важный как генерал. Он всегда проходил мимо в это время, всегда спешил и перед угловой витриной универмага смотрел на часы и пытался прибавить шагу. Он весит килограммов сто, честное слово! Именно его Федя выбрал из всех прохожих и что-то ему говорил, просительно наклоняя голову. Тот обернулся, поперек тротуара пошел к ступенькам — даже его спина, туго обтянутая форменной курткой, выражала недовольство.

Я приподнялся. Старый телеграфист будто налетел на неви-

димую веревку. Нырнул всем корпусом, просеменил и остановился, схватившись обеими руками за грудь. Я думал, он упадет. Гитарист равнодушно смотрел на свой притопывающий ботинок, не приподнялся даже. Старик же мог насмерть разбиться о ступеньки. К счастью, он не упал — выпрямился и как будто взял у гитариста что-то белое. И сразу пошел дальше, прежней походкой. Хлопнула дверь почти, только солнце уже не блеснуло в стекле. А Федя-гитарист встал и пошел прочь.

Гитара осталась на ступеньках...

Я оглянулся — учителя еще не было — и прыгнул со скамьи прямо к двери. Кто-то вскрикнул «ух!», я вылетел в коридор и ходом припустился вниз, торопясь проскочить мимо учительской, чтобы вдруг случайно не встретиться с Тамарой Евгеньевной.

Звонок заливался воясю, когда я выбежал из подъезда. Улица казалась совсем другой, чем сверху, и гитары не было на ступеньках универмага. Я пробежал вперед, на газон между полями, и увидел совсем близко Федю — он успел вернуться за гитарой и опять отойти шагов на двадцать. Черный лак инструмента отражал все, как выпуклое зеркало на автобусах, — дома, деревья, правый корпус грузовика, проезжающего мимо. И меня, а рядом со мной кого-то еще. Я оглянулся. Рядом со мной стоял Степка, совершенно белый от волнения.

ТАКСИ

— Ты что? Тревога? — спросил Степка.

— С ним что-то неладно. — Я кивнул на спину гитариста.

— С Федором? А тебе-то что за дело? Ну и псих...

Я не знал, как быть. Мы торчали посреди улицы, где любой учитель мог нас взять на карандаш и завернуть обратно в школу. А гитарист удалялся по проспекту вниз, к Синему Камню — это у нас поселок так называется, два десятка домов за лесопарком. Тут выглянула из школы техничка тетя Нина, и нам пришлось перебежать улицу и прятаться за киоском.

Гитарист неторопливо вышагивал, здоровался со знакомыми, встряхивая чубом. Мы вылезли из укрытия и пошли за ним. Зачем пошли? Я этого не знал, а Степка тем более. Он взъерошился от злости, но вел себя правильно — шел рядом и молчал. Так мы прошли квартал, до нового магазина «Фрукты — соки», перед которым стояло грузовое такси. Оно тоже было новое. Взрослые на такое не обращают внимания, а мы все знали, что в городе появились два новых грузовых такси, голубых, с белыми полосами и шашками по бортам и с белыми надписями

«таксомотор». Сур нам объяснил, почему «таксомотор»: когда автомобили только появились, их называли «моторами». Так вот одно из новых такси красовалось у тротуара и уютно светило зеленым фонариком. Мордатый водитель сидел на подножке, насвистывая Федину любимую песню «По Смоленской дороге снега, снега...». Мы видели по гитаристовой спине, что он и такси заметил, и водителя, и свою «Дорогу» услышал и узнал отлично. Он небрежно вышагивал — высокий, поджарый, в черных брюках и рубашке и с черным инструментом под мышкой. Конечно, водитель с ним поздоровался. Федя остановился и сказал:

— А, привет механику!

Я подхватил Степку за локоть, и мы прошли мимо и остановились за кузовом машины. Степка, молча, сердито выдернул локоть. Машина дрогнула, завизжал стартер... Я пригнулся, заглянул под машину и увидел ногу в черной штанине. Нога поднималась с земли на подножку. Это гитарист садился в кабинку. «Давай!» — сказал я, и мы разом ухватились за задний борт, перескочили в кузов, под брезентовую крышу, пробежали вперед и сели на пол. Спинами мы прижимались к переднему борту, и нас не могли заметить из кабины. И машина сразу тронулась. Пока она шла тихо, я рискнул приподняться и заглянуть в окошечко — там ли Федя. Он был там. Гриф гитары постукивал о стекло.

Я прижал губы к Степкиному уху и рассказал о заведующем почтой, телеграфисте и вообще о Фединых фокусах. Машина ехала быстро, на ухабах нас било спинами и головами о доски борта. Поэтому, может быть, посреди рассказа я стал сам с собой спорить. Сказал, что я дурень и паникер и напрасно втянул Степку в историю. Конечно, Федя вел себя очень странно, да какое наше дело? Он вообще чудной. А я — паникер.

Степка убрал ухо и сморщился. Он моей самокритики не выносит. Он показал, как играют на гитаре, и прошипел:

— А это он что — разучился? Ты видел, чтобы он гитару забывал?

Я зашептал в ответ, что после ночной смены можно голову позабыть, а не гитару. Что Феде просто надоело ждать Нелку. А пока он сидел, ему было скучно, и он шутил со знакомыми. Например, так: «А почту вашу ограбили». Почтари — будь здоров! — хватались за сердце. Потом он решил поехать Нелке навстречу, воспользовался своей популярностью и поехал на грузовом такси. Нормальное поведение. Друзей у него в городе каждый третий. Ну, каждый пятый, не меньше...

— К Нелке поехал? — сказал Степка. — Она живет в обратной

стороне вовсе.— Он подумал и добавил:— Хороши шуточки. А с гитарой на завод не пускают.

— Его везде пропустят.

— Это молокозавод,— сказал Степка.— Там чистота и дисциплина. А ты — идиёт.

Я все-таки рассердился. Ну паникер, ну шпионских книжек начитался, но почему я идиот?

— Потому. Федька вчера выступал в совхозе, в ихнем клубе. Загулял, наверно. А ты — лапша. Начал дело — доведи его до конца.

— Вот сам и доведи до конца,— окрысился я и полез к заднему борту, чтобы спрыгнуть, и в эту секунду по кузову забарабанили камешки, машина резко прибавила скорость — кончился город, пошло шоссе. Мы слышали, как смеются в кабине те двое, а машина летела, как реактивный самолет. Приходилось ехать дальше. В два счета мы проскочили стадион, сейчас будет подъем, и там спрыгнем... В-з-з-з! — внезапно провизжали тормоза, машина встала, и мы ясно услышали голос гитариста:

— ...Пилотируешь, как молодой бог. Будь здоров.

— Да что там! — говорил водитель. — Будь здоров!

Степка влепил кулаком себе по коленке... Здесь, на юру, из машины не вылезешь — кругом поле. Но гитарист небрежно сказал:

— А поехали со мной, механик... Пятьсот метров. Покажу тебе — не пожалеешь.

Степка развел и сложил ладони: ловушка, мол... Я кивнул. Мы ждали, выкатив глаза друг на друга. Удивительно был прост этот «механик»! Он только проворчал:

— Поехать, что ли... Не садем?..

Дверца хлопнула, машина прокатилась до лесопарка и свернула на проселок.

Нас кидало в кузове, пыль клубами валила сзади под брезент. Зубы лязгали. Я чихнул в живот Степке. Но машина скоро остановилась.

— Пылища — жуть, — произнес Федин голос. — Топчем, механик?

Водитель не ответил.

— Э, парень, да ты чудак! — весело сказал Федя. — Столько проехал, полкилометра осталось... Ленишься? Езжай тогда домой.

— На «слабо» дураков ловят, — прошептал Степа.

Водитель шел неохотно, оглядывался на машину. Место было подходящее для темного дела — опушка елового питомника. Елочки здесь приземистые, но густые и растут очень тесно. Сна-

чала скрылся за верхушками русский хохол гитариста, потом голова шофера в грязной кепке.

Мы прыгнули в пыль, переглянулись, пошли. По междурядью, по мягкой прошлогодней хвое. Впереди, шагах в двадцати, был слышен хруст шагов и голоса.

ЕЛОВЫЙ ПЕНЬ

Междурядье было недлинное. Еще метров пятьдесят, и откроется круглая полянка. Туда и вел Федя таксиста, причем их аллея попадала аккуратно в середину поляны, а наша как бы по касательной, вбок. Я было заторопился, а Степан махнул рукой, показывая: «Спокойно, без спешки!»

Эх, надо было видеть Степку! Он крался кошачьим шагом, прищурив рыжие глаза. Мы с Валеркой знали, и Сур знает, что Степка — настоящий храбрец, а что он бледнеет, так у него кожа винозата. На это многие нарывались. Видят — побледнел, и думают, что парень струсил, и попадают на его любимый удар — свинг слева.

Значит, Степка, такой белый, что хоть считай все веснушки, и я — мы проползли последние два-три метра под еловыми лапами и заглянули на поляну.

Солнца еще не было на поляне. Пробивались так, полосочки, и прежде всего я увидел, как в этих полосках начищенными монетами сияют одуванчики. Две пары ног шагали прямо по одуванчикам.

— Ну вот, друг мой механик, — говорил Федя. — Видишь ли ты пень?

— Вижу. А чего?

— Да ничего. Замечательный пень, можешь мне поверить.

— Пе-ень? — спросил шофер. — Пень, значит... Так... Пень... — Он булькнул горлом и проревел: — Ты на его смотреть меня заманил... балалайка?

— А тише, — сказал Федя, — тише, механик. Этого пенечка вчера не было. Се ля ви.

— «Ля ви!» — визгливо передразнил шофер. — Значит, я тебя довез. А кто твою балалайку обратно понесет? — заорал он, и я быстро подался вперед, чтобы видеть не только их ноги. — И кто тебя обратно понесет?

Федя сиганул вбок, и между ним и шофером оказался тот самый пень. Шофер бросился на Федю. Нет, он хотел броситься, он пригнулся уже и вдруг охнул, поднял руки к груди и

опустился в одуванчики. Все было так, как с двумя предыдущими людьми, только они удерживались на ногах, а этот упал.

Впрочем, он тут же поднялся. Спокойно так поднялся и стал вертеть головой и оглядываться. И гитарист спокойно смотрел на него, придерживая свою гитару.

Я толкнул локтем Степана. Он — меня. Мы старались не дышать.

— Это красивая местность,— проговорил шофер, как бы с трудом находя слова.

Гитарист кивнул. Шофер тоже кивнул.

— Ты — Треугольник тринадцать?— спросил гитарист с улыбкой.

Шофер тихо рассмеялся. Они и говорили очень тихо.

— Он самый,— сказал шофер,— Жолнин Петр Григорьевич.

— Знаю. И где живешь, знаю. Слушай, Треугольник...— Они снова заулыбались.— Слушай... Ты — водитель. Поэтому план будет изменен. Я не успел доложить еще, но план будет изменен без сомнения...

— Развезти эти... ну, коробки, по всем объектам?

— Устанавливаю название: «посредник». План я предложу тебе — отвезти большой посредник в центр города. Берешься?

Шофер покачал головой. Поджал губы.

— Риск чрезвычайный... Доложи, Угол три. Я — как прикажут...

Степка снова толкнул меня. Я прижимался к земле всем телом, так что хвоя исколола мне подбородок.

— Меня Федором зовут,— сказал гитарист.— Улица Восстания, пять, общежитие молокозавода, Киселев Федор Аристархович.

Шофер ухмыльнулся и спросил было:

— Аристархович?— Но вдруг крикнул и закончил другим голосом:— Прости меня. Эта проклятая... ну, как ее... рекуперация?

— Ассимиляция,— сказал гитарист.— Читать надо больше, пить меньше. Я докладываю. А ты поспи хоть десять минут.

Они оба легли на землю. Шофер захрапел, присвистывая, а Федя-гитарист подложил ладони под затылок и тоже будто заснул. Его губы и горло попали в полосу солнечного света, и мы видели, что под ними шевелятся пятна теней. Он говорил что-то с закрытым ртом, неслышно; он был зеленый, как дед Павел, когда лежал в гробу. Я зажмурился и стал отползать, и так мы отползли довольно много, потом вскочили и дали деру.

Далеко мы не убежали. У дороги, у голубого грузовика, спокойно светящего зеленым глазком, остановились и прислушались. Погони не было. Почему-то мы оба стали чесаться — хвоя налезла под рубашки или просто так,— в общем, мы боялись

чесаться на открытом месте и спрятались. Напротив машины, за можжевельниками. Эта часть лесопарка была как будто нарочно приспособлена для всяких казаков-разбойников: везде либо елки, либо сосенки, можжевельник еще, а летом потрясающе высокая трава.

— Дьявольщина! — сказал Степка. — Они видели нас... Ох как чешется.

— Они — нас? И при нас это все говорили?

— Ну да, — сказал Степка. — Они понарошку. Чем нас гнать, отвязываться, они решили мартышку валять. Дьявольщина!.. Чтобы мы испугались и удрали.

— Хорошо придумано, — сказал я. — Чтобы мы удрали, а после всем растрезвонили, что шофер Жолнин — «треугольник тринадцатый». Тогда все будут знать, что он сумасшедший или шпион. Т-с-с!..

Нет, показалось. Ни шагов, ни голосов. Через дорогу, у обочины, тихо стоял грузовик. Солнце взбиралось по колесу к надписи «таксомотор».

— Да, зря удрали, выходит, — прошептал Степка.

Зря? Меня передернуло, как от холода. Все, что угодно, только не видеть, как один храпит, отвалив челюсть, а второй говорит с закрытым ртом!

— Хорош следопыт, — фыркнул Степка. — Трясешься, как щенок.

— Ты сам удра, первый!

— Ну, врешь. Я за тобой пополаз. Да перестань трястись!

Я перестал. Несколько минут мы думали, машинально почесываясь.

— Пошли, — сказал Степка. — Пошли обратно.

Я посмотрел на него. Не понимает он, что ли? Эти двое нас пришибут, если попадемся. А подкрадываться, не видя противника, — самое гиблое дело.

— Они же шпионы, — сказал я. — Мы должны сообщить о них, а ты на рожон лезешь. Слышал — клички, пароли, «большой посредник»? А «коробки» — бомбы, что ли? Надо в город подаваться, Степка. Ты беги, а я их выслежу.

— В город погодим. Пароли... — проворчал Степан. — Зачем они сюда забрались? Допустим, весь разговор был парольный. А место что, тоже парольное? Кто им мешал обменяться паролями в машине?

— Ладно, — сказал я. — Главное, чтобы не упустить.

— У него, гада, ларингофон, — сказал Степка. — Понимаешь? В кармане передатчик, а на горле такая штука, как у летчиков, чтобы говорить. Микрофон на горле. Дьявольщина! Кому он мог

докладывать? В общем, либо они мартышку валяли, либо шпионы. Здорово! И мы их открыли.

Я промолчал. По-моему, шпионы — гадость, и ничего хорошего в них нет. Выследили мы их удачно, только я, хоть убейте, не понимал, почему так переменился шофер возле этого пенька... Был обыкновенный шофер и вдруг стал шпионом! Этот — «угол третий» — с утра вытворял штуки, а шофер был вполне обыкновенный... Может, и «Смоленская дорога», которую он свистел, тоже пароль?

У Степана очень тонкий слух. Он первым услышал шаги и быстро стал шептать:

— Я прицеплюсь к ним, а ты лупи в город. К Суру. Там и встретимся.

Я прошептал:

— Нет, я прицеплюсь!

Но спорить было поздно. Затрещали веточки у самой дороги. Первым показался Федя — красный, пыхтящий, он тащил что-то на плече. За ним потянулось бревно. «Вот что, они вдвоем тащат еловое бревно!» — подумал я. И тут показался шофер. За его плечами торчали какие-то рога. Он пыхтел и спотыкался.

Можжевельник градом сыпал иголки мне за шиворот. Я искололся, стараясь разглядеть рогатую штуковину... Лося они убили, что ли?

Медленно, с большой натугой, шофер и Федя перебрались через канаву. Вот так здорово — они тащили пень! Тот самый, о котором говорилось, что вчера его не было, с белой полосой от сколотой щепы — знаете, когда валят дерево, то не перепиливают до конца, оставляют краешек, и в этом месте обычно отщепывается кусок.

Шофер открыл дверцу в заднем борту, и вдвоем они задвинули пень внутрь — машина скрипнула и осела. Чересчур он казался тяжелым, честное слово...

Федя отряхнул рубашу. Гитара торчала за его спиной. Почему-то она была засунута грифом под брючный ремень, а тесьма куда-то подевалась. Я помнил, что утром тесьма была. Федя изогнулся и выдернул гитару из-под ремня, а шофер подал ему узелок, связанный из носового платка.

Мне показалось, что в узелке должны быть конфеты, так с полкило.

Откуда конфеты? Но тут же Федя проговорил:

— Конфет купить, вот что... В бумажках. — Он осторожно потрянул узелок, шофер кивнул. — Лады, Петя. Я сяду в кузов.

— Незачем, — сказал шофер. — Садись в кабину.

— Мне надо быть с ними.

— Слушай,— сказал шофер,— эти вещи я знаю лучше, я водитель с десятилетним стажем. Включу счетчик, поедем законно. Увидят, как ты вылезашь из пустого кузова, будут подозрения. Поглядывай в заднее окно. Доведем!

— Ну хорошо.— Киселев прикоснулся к чему-то на груди, под рубахой. Наклонился, чтобы отряхнуть брюки, и на его шее мелькнула черная полоска. Что-то было подвешено у него под рубахой на тесьме от гитары...

Они полезли в кабину.

Я знал, что мы должны выскочить не раньше, чем машина тронется, потому что шоферы оглядываются налево, когда трогают. Я придержал Степку — он стянул мою руку. Федя в кабине спрашивал:

— Деньги у тебя найдутся внести в кассу? Я пустой.

— На-айдутся, какие тут деньги... Километров тридцать — трешник... Зачем они теперь, эти деньги?!

Они вдруг засмеялись. Заржали так, что машину качнуло. Взревел двигатель, и прямо с места машина тронулась задом, с поворотом, наезжая на наш можжевельник. Мы раскатылись в стороны.

Голубой кузов просунулся в кусты — р-р-р-р! — машина равнулась вперед, и Степка прыгнул, как блоха, и уцепился за задний борт. Я чуть отстал от него, и этого хватило, чтобы Степка оттолкнул меня ногами, сшиб на землю и перезаилился в кузов. И вот они укатили, а я остался.

ПУСТОЕ МЕСТО

Я не ушибся, мне просто стало скверно. Минуты две я валялся, где упал, а потом увидел перед своим носом Степкину авторучку, подобрал ее и поднялся. Пыль на дороге почти осела, только вдалеке еще клубилась над деревьями. Я постоял, посмотрел. Закуковала кукушка — близко, с надрывом: «Ку-ук! Ку-ук!..»

Она громко прокричала двадцать два или двадцать три раза, смолкла, и тогда я побежал на еловую поляну. Мне надо было мчаться в город, и поднимать тревогу, и выручать Степку от этих людей — все я знал и понимал. Меня, как собаку поводком, волокло на поляну, я должен был посмотреть — тот пень или не тот? И я вылетел на это место и едва не заорал: пень исчез.

И если бы только исчез!

Он совершенно следа не оставил, земля кругом не была разрыта, никакой ямы, лишь в дерне несколько неглубоких вдавлений.

Значит, Федя не соврал, говоря шоферу, что вчера этого пня

не было. Его приволокли откуда-то. Судя по траве, недавно. Ночью или утром — трава под ним не успела завянуть. А вот следы шофера и Феи. Даже на поляне, где земля хорошо просохла, они пропечатались, а в сырых аллеях были очень глубокими.

Пень весил центнер, не меньше.

«Вот уж действительно дьявольщина», — подумал я. То притаскивают этот несчастный пень, то увозят... И больно он тяжел для елового лня.

Фея сказал так: «Взять в машину «большой посредник» и отвезти в город»...

«Большой посредник»... Посредники бывают на военных играх, они вроде судей на футболе и хоккее — бегают вместе с игроками.

Да, но люди, не пни же... Ставят, увозят...

Совсем запутавшись, я начал искать следы тех, кто принес «посредника» сюда. Не мог он прилететь по воздуху и не мог потяжелеть, стоя здесь, правда? Так вот, никаких следов я не обнаружил, хотя излазил все аллеи до одной. Минут пятнадцать лазил, свои следы начал принимать за чужие, и так мне сделалось странно, не могу передать. Когда рядом со мной взлетела птица, я совсем перепугался и без оглядки помчался на большую дорогу.

АВТОБУС

Я выбежал на шоссе, на свежий полевой ветер. Он разом высушил спину, мокрую от испуга и беготни, и я удивился, до чего хорош наступающий день. Солнце было яркое, а не туманное, как в предыдущие дни. Синицы орали так звонко и густо, будто над лесопарком висела сеть из стеклянных иголок. Несмотря на ранний час, асфальт уже подавался под каблучком и хотелось искупаться. Я представил себе, что сбрасываю тяжелые брюки и лезу в воду. Купанье!.. О нем и думать не стоило. Надо было мчаться к Суру, поднимать тревогу.

Флажок автобусной остановки желтел слева от меня, высоко на подъеме. Пробежав к нему, я сообразил, что надо было бежать в обратную сторону, не навстречу автобусу, а от него, и не в гору, а вниз. Но возвращаться уже не стоило, и, если некогда купаться, я хоть мог поглядеть с холма на пруды.

И правда, от остановки открывалась панорама: прямо по шоссе дома и водокачка Синего Камня, лезе — лес и пруды с песчаными берегами, потом лесопарк и, наконец, весь наш городок,

как на блюдечке. Три продольных улицы и пять поперечных, завод тракторного электрооборудования, элеватор, молокозавод — вот и все. Мне, как всегда, стало обидно. Люди живут в настоящих городах, с настоящими заводами, а наш — одно название, что город. Это электрооборудование делают в четырех кирпичных невзрачных корпусах. Правда, молокозавод новый, хороший.

Я стал поворачиваться дальше, налево, обводя взглядом круг. По той стороне шоссе тянулись поля и пруды совхоза, перелески и дальше гряда холмов, уходившая за горизонт. Их я нарочно приберег напоследок, потому что на ближнем холме стоял радиотелескоп. Он был отлично виден — плоская чаша антенны на сквозной раскоряченной подставке. Антенна тоже сквозная, она только казалась сплошной и маленькой, с чайную чашку. На самом деле она была почти сто метров в диаметре, нам говорили на экскурсии. Под телескопом белели три коробочки: два служебных корпуса и один жилой, для научных сотрудников. Забор казался белой ниточкой, огибающей холм. Здорово! Очень хотелось увидеть, как телескоп поворачивается, но чаша неподвижно смотрела в небо, и ее огромная тень неподвижно лежала на склоне. Я загляделся, а тем временем приблизился автобус, который я давно видел на шоссе. Маленький, синий, с надписью «служебный». Не стоило и руку поднимать, этот автобусик был с радиотелескопа.

И вдруг он остановился. Дверцу даже открыли и крикнули: «Садись, мальчики!»

Я не стал бы рассказывать так дотошно про автобус и дорогу в город, если бы не Вячеслав Борисович. Он ехал в этом автобусе, он меня и посадил: водителю и Ленке Медведевой это бы в голову не пришло. О нем я знал, что он научный сотрудник с радиотелескопа, что-то в этом роде. Довольно молодой, светловолосый, в сером костюме. Приезжий. Их там было человек десять приезжих, остальные местные, как Ленка Медведева — радиотехник.

Вячеслав Борисович вел себя не по-начальнически. Он смеялся все время, подшучивал надо мной: почему я такой красный и взъерошенный и что я делал в лесопарке в учебное время. Я как-то растерялся и грубо спросил:

— А вы зачем в рабочее время катаетесь?

Он захохотал, хлопнул себя по ноге и сказал Ленке:

— Вопрос ребром, а? — И спросил у меня: — А знаешь ли ты, что такое нетерпение сердца?

Я покачал головой.

— На почту пришел пакет, — сказал он нежно. — Голубенький. Ты можешь не улыбаться. Настала моя очередь. И нетерпение

сердца велит мне получить голубое письмо немедленно. В самое рабочее время.— Он потер ладони и притворно нахмурился:— Но оставим это. Хороши ли твои успехи в королеве наук — математике?

Я сказал:

— Не особенно.

Вячеслав Борисович мне страшно понравился, и пусть Сур говорит, что по-русски нельзя сказать «страшно понравился». И мы очень весело доехали. Даже Ленка вела себя как человек. Понимаете, эти девчонки, едва наденут капроновые чулки, начинают на людей смотреть... ну, как бы вам сказать? У них на лицах написано: «Нет, ты не прекрасный принц и никогда им не будешь». Но веселый нрав Вячеслава Борисовича действовал на Ленку Медведеву положительно. Она улыбалась всю дорогу и сказала на прощанье: «Будь здоров, привет Симочке». Симка — моя сестра, старшая.

Меня высадили на углу улицы Героев Революции, наискосок от тира, и я перебежал улицу, спустился в подвал и дернул дверь оружейной кладовой. Она была заперта. Все еще надеясь, что Степка в зале, вместе с Суреном Давидовичем, я метнулся туда.

В стрелковом зале было темно, лишь вдалеке сияли мишени. Резко, сухо щелкали мелкокалиберные винтовки — трое ребят из техникума стреляли с колена. Сурен Давидович сидел у корректировочной трубы, а Степки не было.

ТРЕВОГА I

Когда я вошел, Валерка замахал мне со стопки матов, а Сурен Давидович проговорил, не отрываясь от трубы:

— Зачем пришел?.. Хорошо, Верстович! — это уже стрелку.

Мы могли ввалиться к Суру хоть среди ночи, с любым делом или просто так. Только не во время работы. Сур — замечательный тренер, и сам стреляет лучше всех. Проклятая астма! Сур был бы чемпионом Союза, если б не астма, я в этом убежден.

— Восьмерка на «четыре часа»¹, — сказал Сур. — Дышите, Ильин, правильно.

Я спросил у Верки:

— Давно стреляют?

— Только начали, — прошептал Верка. — А Степа где?

---

¹ Инструктор говорит стрелку, что пуля попала в восьмой пояс мишени, ниже и правее центра — по линии часовой стрелки, показывающей на циферблате цифру «четыре».

— Помолчите, гвардейцы,— сказал Сурен Давидович.— Хорошо, Ильин! Бейте серию с минимальными интервалами!

Я сам видел, что тренировка началась недавно — мишени чистые. Значит, Сур освободится через час. Раньше не отстреляются.

— Не узнаю вас, Оглоблин. Внимательней, мушку заваливаете! Невозможно было целый час ждать. Я подобрался к Суру и прошептал:

— Сурен Давидович, тревога, Степа в опасности...

Он внимательно покосился, кашлянул, астал:

— Стрелки, продолжайте серию! Валерий, корректируй...

Верка, счастливый, кинулся к трубе, а мы вышли в коридор. Мне казалось, что Сурен Давидович очень рассержен, и я стал торопливо, путаясь, рассказывать:

— Степка уехал не новом такси из лесопарка, а в такси сидели шпионы...

— Какие шпионы?— спросил он.— Откуда шпионы?

Я вернулся к началу — как шел в школу и увидел Федю-гитариста. Сур слушал вполуха, поглядывая на дверь, глаза так и светились в темном коридоре. Я заспешил. Скоренько рассказал, как шофер свалился у пня. Сурен Давидович повернулся ко мне:

— Что-о? Тоже схватился за сердце?

— И еще упал. Это не все, Сурен Давидович!

— Подумай только, не все...— пробормотал он.— Рассказывай, Лешик, рассказывай.

Я рассказывал, и мне становилось все страшней. В лесопарке я на четверть — да что, на десятую так не боялся. Там мы смотрели со стороны... А где сейчас Степка? Может, они его убили?

Когда я закончил, Сурен Давидович проворчал:

— Непонятная история... Лично мне Киселев был симпатичен.

— Федя? Еще бы!— сказал я.— А теперь видите, что получается!

— Пока вижу мало. Пень был очень тяжелый, говоришь?— Он покосился на дверь, откуда слышались выстрелы, и тогда я понял...

— Оружие в нем, а в платке патроны!— завопил я.— Сурен Давидович! А на шее автомат, на гитарном шнуре!

— Лешик, не торопись. Оружие?— Он вел меня за плечо к кладовой.— Шпионам незачем прятать оружие. Я даже думаю, что шпиону просто не нужно оружие. Пистолетик, может быть... Но маленький, маленький. Бандит, грабитель — другое дело.

— Шпиону и оружия не нужно? Что вы, Сурен Давидович! Везде пишут: бесшумный пистолет, авторучка-пистолет...

— Авторучка — понятно, — говорил Сур, входя в кладовую. — Маленький предмет, укромный. Хранится на толе. Зачем целый пень оружия? Через пень-колоду... Где мой блокнот? Вот мой блокнот. Сядь, Лешик. Я думаю, что шпиону совсем не нужен пистолет. Шпион, который выстрелил хоть однажды, уже покойник... Побег, пожалуйста, и пригласи сюда Валерика.

Верка не особенно обрадовался приглашению. Он корректировал стрельбу больших парней, покрикивал гордым голосом. Они тоже покрикивали — Верка путал, где чья мишень. Он вздохнул и побежал за мной, спрашивая:

— А что? Тревога? Вот это да!

Сур уже написал записку. Он сказал:

— Валерик, время дорого. Лешик все расскажет тебе потом, ни в коем случае не по дороге. Так? (Я кивнул.) Так. Вот что я написал заместителю начальника милиции капитану Рубченко: «Дорогой Павел Остапович! Ты знаешь, что я из-за болезни не могу выйти «на поверхность». Очень тебя прошу: зайди ко мне в тир, очень срочно. Не откладывай, пожалуйста. Твой Сурен». Валерик, беги быстро. Если нет дяди Павла, передай записку майору. Если нет обоих — дежурному по отделу. Запомнил? Ты же, Лешик, ищи Степана. Тебе полчаса срока... нет, двадцать минут. А ты, Валерик, передай записку и сейчас же возвращайся. — Он посмотрел на нас и, чтобы подбодрить, сказал: — Гвардия умирает, но не сдается. Бе-гом ар-рш!

МЫ НАЧИНАЕМ ДЕЙСТВОВАТЬ

Мы вылетели «на поверхность» и припустили по дворам. Что я мог успеть за двадцать минут? Пробежаться по улицам да заглянуть на почту. Милиция тут же, рядом. (Почта выходит на проспект, а милиция — на улицу Ленина, но двор у них один, общий, с универмагом и химчисткой.)

У нас есть правила, как вести себя при «тревоге». Сегодня я объявил ее, а вообще мог объявить каждый, от Сура до младшего, то есть Верки. Сурен Давидович никогда не приказывал, его и так слушались, но всегда обсуждали, как лучше сделать то или это. Когда же объявлялась тревога, споры-разговоры кончались. Сур становился командиром, и ему приходилось приказывать, хоть он этого терпеть не мог. Мне было приказано двадцать минут разыскивать Степку, а Верке — передать записку и возвращаться. Значит, я не должен заглядывать в милицию, хотя Степка, конечно уж, постарался навести милицию на след. И Верка напрасно поглядывал на меня, пришлось ему идти одному.

Я посмотрел, как он нерешительно поднимается на крыльцо, а сам побежал дальше. На углу остановился, пригладил волосы. Казалось, все насквозь видят, зачем я иду на почту.

...Автобуса уже не было. Солнце теперь светило вдоль улицы, мне в лицо. Кто-то выглядывал из окошка математического кабинета на третьем этаже школы. Чудно было думать, что сейчас я виден из этого окна совершенно так же, как были видны Федя-гитарист и остальные два часа раньше. Только я шел лицом к школе, а не спиной, как почтари, и Федя не сидел на ступеньках.

Ударила стеклянная дверь. Пахнуло сургучом, штемпельной краской — нормальный запах почты. Я заставил себя не высматривать этих двух, которые хватались за сердце. Шел с небрежным видом, руки в карманах...

Народу было немного, по одному у каждого окошечка. Степки не было. В самом деле, черта ли ему в этой почте... Кто-то оглянулся на меня. Пришлось для конспирации купить открытку за три копейки. От барьера я увидел, что оба почтаря на местах: один сидел за столиком с табличкой «Начальник отделения» связи, второй работал на аппарате, трещал как пулемет. Рядом с окошком, в котором продавались открытки, висело смешное объявление, написанное красным карандашом: «Объявление! До 16.00 сего числа междугородный телефон не работает, т. е. линия ставится на измерение». Как они ее будут мерить, эту линию? Я даже засмеялся, взял свою открытку, и тут мне навстречу открылась дверь и вошел Федя-гитарист. Открытка выскочила из моих пальцев и спланировала в угол, к урне...

Я не спешил поднять открытку. Носком ботинка загнал ее за урну и, кряхтя, стал выуживать — смаял, конечно. А Федя с изумительной своей улыбкой придвинулся к окошечку с объявлением и попросил своим изумительным баритоном:

— Тамар Ефимовна, пяточек конвертиков авиа, снабдите от щедрот!

Та, ясное дело, заулыбалась. Я подобрал открытку и с дурацким видом стал подходить к улыбающейся Тамар Ефимовне, а Федя установил ноги особенным, шикарным образом и разливался:

— Такая погода, вы же тут сидите, не щадя своей молодости... — и всякую такую дребедень.

Поразительно, как быстро я его возненавидел. Два часа назад я смотрел на него с восторгом, — что вы, Федор Киселев, первая гитара города, фу-ты ну-ты! Сур только что сказал, что Киселев ему нравится, а сейчас тревога, поэтому «нравится» Сура надо считать приказом.

Понимаете, до чего надо обалдеть, чтобы такие мысли полезли в голову?

— А, пацан,— сказал Федя,— получи конфету.

Он вынул из правого кармана карамельку «Сказка». На бумажке тощий розовый кот с черным бантиком на шее и черными лапами. Внутри — настоящая конфета. Я развернул ее, но есть не стал. Купили они конфет все-таки! Зачем? Вот дьявольщина!

А Суру я забыл рассказать про конфеты!

— Это вам, Тамар Ефимовна,— сказал Федя и подал ей такую же конфету.— Вам... прошу вас... угощайтесь.— Он обошел все окошки, все его благодарили.

Прошло уже десять минут, но я отсюда уходить не собирался.

— Те-тенька, Тамара Ефимовна,— проныл я,— открытку я испортил,— и показал ей смятую открытку.

— Так возьми другую открытку, цена три копейки,— услышал я.

Услышал. Лица Тамар Ефимовны я не видел, потому что смотрел на Федю, а он достал из другого кармана конфету и ловко перебросил ее на стол начальника.

— Угощайтесь, товарищ начальник!.. И вы, пожалуйста!— Это уже старшему телеграфисту.— И вам одну.— Он обращался к девашке, подающей телеграмму, и достал очередную конфету опять из правого кармана.— Я сегодня деньрожденник, угощайтесь!

— Те-тенька, у меня денег больше нет,— с ужасом гудел я в это время, потому что был уверен: конфеты из правого кармана отравлены. И я не мог закричать: «Не ешьте!» До сих пор стыжусь, когда вспоминаю эту секунду. Мне, идиоту, казалось важнее поймать шпиона, чем спасти людей. Правда, у меня был приказ...

— Тетенька, дайте тогда конфе-е-тку...

Но поздно, поздно! Она уже хрустела этой карамелькой, а бумажка с идиотским розовым котом, аккуратно разглаженная, красовалась под стеклом на ее столе.

— Вот какой!— сказала Тамара Ефимовна.— Какие наглые пошли дети, просто ужас! Вы слышали, Феденька?

Все уставились на меня, лишь толстый телеграфист трещал на своей машине.

Федя обмахивался конвертами, как веером.

— Любишь сладенькое, а? Ты ж эту не съел, сладенка...— Он приглядывался ко мне очень внимательно.

Я начал отступать к двери, бормоча:

— Симке, по справедливости... Одну мне — одну ей... Сестре, Симке...— Без всяких усилий я выглядел совершенно несчастным

и желким. Девушка, подающая телеграмму, покраснела — ей было стыдно за меня. Федя сказал:

— Держи, семьянин, оп-ля!

Я не шевельнулся, и конфета (из правого кармана) упала на кафель.

В эту секунду я почувствовал, что телеграфист, не поднимая головы и ничего не говоря, подал знак Феде. И сейчас же со мной случилось ужасное: будто меня проглотило что-то огромное, и я умер, но только на секунду или две. Огромное выплюнуло меня. Конфета еще лежала на чистом квадратике линолеума, между мной и гитаристом, и он смотрел на меня как бы с испугом.

Кто-то проговорил: «Очень нервный ребенок». Девушка сумела поднять конфету, но Федя нагнулся сам, опустил конфету мне в руку и пегонько подтолкнул меня к двери. Ба-м! — ударила дверь.

Я стоял на тротуаре, мокрый от волнения, как грузовая лошадь.

А за стеклом почты уже все двигали челюстями, жевали проклятые конфеты. Даже толстый телеграфист — я видел, как он сунул карамельку за щеку.

Они оживленно разговаривали. Кто-то показал пальцем, что я стою за окном, и я сорвался с места и ринулся в тир, к Сурену Давидовичу.

ДВОЙНАЯ ОБЕРТКА

Степка не вернулся. В кладовой, у железного шкафа с оружием, сидел Верка и чистил мелкокалиберный пистолет. Сурен Давидович брился, устроившись на своей койке под окошком, в глубине кладовой.

— Гитарист раздает отравленные конфеты! — выпалил я. — Вот!

Я держал их на ладони: одну в бумажке и одну развернутую. Сур выключил бритву.

— Эти конфеты? Почему же они отравлены? Вот водичка, пейся...

Правда, я отчаянно хотел пить. Глотнул, поперхнулся. Верка тут же врезал мне между лопаток.

— Отстань, краснобровкин! — зарычал я. — На почту он пришел и раздает конфеты. В правом кармане отравленные, а в левом — не знаю.

— Опять почта? Сегодня слишком много почты. — Сур взял

развернутую конфету, посмотрел.— Ты говоришь, отравлены? Тогда яд подмешали прямо на фабрике. Смотри, поверхность карамели абсолютно гладкая. Давай посмотрим другую.— Он стал разворачивать вторую конфету и засмеялся:— Лешик, Лешик! Ты горячка, а не следопыт...

Валерка захихикал. Дураку было понятно, что отравитель не станет заворачивать конфету в две одинаковые бумажки. Сур снял одного розового кота, а под ним самодовольно розовел второй такой же.

— Кот в сапогах,— сказал Сур.— Автомат на фабрике случайно обернул дважды.

Ох, я осел... Я невероятно обрадовался и немного разозлился. С одной стороны, было чудесно, что конфеты не отравлены и Тамар Фимна и остальные останутся в живых. С другой стороны, зачем он раздавал конфеты? Если бы отравленные, тогда понятно зачем. А простые? Или он карманы перепутал и своим дал отравленные, а чужим — и мне тоже — хорошие? Но я-то, я, следопыт!.. В конфетной обертке не смог разобраться. Действительно, кот в сапогах. А я все думал: почему нарисован кот с бантиком, а называется «Сказка»? Сапоги плохо нарисованы — не то лапки черные, не то сапоги. «Попался бы мне этот художник...» — думал я, рассказывая о происшествии на почте.

Я упорно думал о неизвестном художнике, чтобы не вспоминать про то, как я умирал на секунду. Об этом я не рассказал, а насчет всего остального рассказал подробно. Верка таращил глаза и ойкал: наверно, Сур объяснил ему кое-что, пока меня не было.

Сур записал мой доклад в блокнот. Потыкал карандашом в листок:

— Из правого кармана он угощал всех, а из левого кармана — по выбору. Так, Лешик! В лесу он же говорил, что надо купить конфет... Хорошие дела...

— В лесом отравленные! — страшным шепотом заявил Верка.— Точно, дядя Сурен!

— Не будем торопиться.— Он включил бритву.— Романтика хороша в меру, гвардейцы. (Ж-ж-ж-жу-жу... — выговаривал бритва.) Думаю, что все объяснится просто и не особенно романтично.

— Шпионы! — сказал я.— Тут не до романтики.

Он выключил бритву и посмотрел на меня с сомнением:

— Лешик, ты знаешь, что такое презумпция невиновности?

Мы с Веркой этого не знали. Я что-то слышал, да забыл.

— «Презумпция» — значит «предположение». Презумпция невиновности — предположение, что человек не виноват. Судья, сле-

дователь и любой юрист должен приступить к делу с предположением, что подозреваемый человек невиновен в преступлении.

— А почему же он тогда подозреваемый?— спросил я.

— Ха! Подозрение — не вина еще. Если следователь будет так рассуждать, как ты, он незаметно для себя подтасует факты и обвинит. Пока нет неопровержимых доказательств, юрист обязан считать человека невиновным. Поняли?

— Мы поняли,— сказал я.— Но мы ведь не юристы и не следователи. Мы же так, предполагаем просто.

— Все равно,— сказал Сур.— Мы советские люди. Если я скажу тебе, что, возможно — понимаешь, возможно,— Киселев затеял ограбление? Горячка! Ты будешь считать его виноватым! А так даже думать нельзя, Лешик.

— Вот так так! А что можно?

— Изложить факты капитану Рубченко, когда он придет сюда. Только факты. Долгонько же он собирается...

Верка сказал:

— Он обещал быстро прийти. Говорит, освободится и живой ногой явится.

Сур кивнул и посмотрел на часы. Я понял его. Он думал о Степке. Но кто разыщет Степку лучше, чем милиция?

Мы стали ждать. Сурен Давидович велел мне быть в кладовой, а сам пошел в стрелковый зал. Верка побежал во двор, чтобы высматривать капитана Рубченко. Я от волнения стал еще раз надраивать пистолет, только что вычищенный Веркой. Гоня шомпол, заглянул в блокнот Сура.

Внизу листа было написано жирно и дважды подчеркнуто: «Почему все трое хватались за сердце?»

Он был прав. В пенке хранится оружие, с конфетами передаются, предположим, записки, но почему все хватались за сердце?

И тут Верка примчался в тир с криком:

— Дядя Сурен, дядя Павел пришел!

КАПИТАН РУБЧЕНКО

Павел Остапович Рубченко — однополчанин и друг Сура. Раньше они дружили втроем, но третий, Валеркин отец, умер позапрошлой осенью. Для нас Павел Остапович был вроде частью Сура, и я чуть не шею ему не бросился, когда он вошел. Большой, очень чистый, в белоснежной рубашке под синим пиджаком. Он редко надевал форму.

— Здравия желаю, пацан!

Я сказал весело:

— Здравия желаю, товарищ капитан!

— Какие у вас происшествия? Пока вижу — проводите чистку оружия. Опять школой пренебрегавшь?

— У, такие происшествия... Вы Степку не видели?

Он Степку не видел. Тут заглянул Сур и попросил одну минуту подождать, пока он примет винтовки. Рубченко кивнул и покачал пальцем. Сур сказал «вас понял» и позвал меня оттащить винтовки. Ого! Рубченко не хотел, чтобы его здесь видели, следовательно, уже известно кое-что... Я выскочил, бегом потащил винтовки. Сур даже чистку отменил, чтобы поскорее выпроводить студентов из тира, и сам запер входную дверь. Теперь нам никто не мог помешать, а Степка в случае чего откроет замок своим ключом или позвонит в звонок. Наконец Сурен Давидович прикрыл дверь в кладовую, закурил свой астматол и показал на меня: — Вот наш сегодняшний докладчик. Понял, Остапович?

Рубченко поднял брови и посмотрел довольно неприветливо. По-моему, каждый милицейский начальник удивится, если его притащат по жаре слушать какого-то пацана.

Сур покраснел и сказал:

— Алеша — серьезный человек. Рассказывай подробно, пожалуйста, — и открыл свой блокнот.

Я стал рассказывать и волновался чем дальше, тем пуще. «Где же Степка?» — колотило у меня в голове. Я вдруг забыл, как Федя познакомился с таксистом, какие слова они говорили у пенька. Сур подсказал мне по блокноту. Рубченко теперь слушал со вниманием, кивал, поднимал брови. Когда я добрался до разговора о конфетах — первого разговора, на проселке, — хлопнула входная дверь, протопали шаги, и в кладовую влетел Степка.

Мы закричали: «У-ру-ру!». Сурен Давидович всплеснул руками. Степан порывался с ходу что-то сказать и вдруг побелел, как стенка. «Что за наваждение, как наянлся он бледнеть! — подумал я. — Упустил он гитариста, что ли?»

Степка стоял у двери и смотрел в пол — как воды в рот набрал. Таким белым я его еще не видывал.

Наверное, Сур что-то понял. Почувствовал, вернее. Он быстро увел Степку под окошко, посадил на койку и налил воды, как мне только что. Степка глотал громко и выпил два стакана кряду.

— Набегался, хлопчик, — ласково сказал Рубченко. — Вода не холодная в графине? Напьешься холодного — раз-раз и ангина!

Степка и тут промолчал. Даже Верке-несмышленишу стало известно — он заулыбался и засиял своими глазами: не обижайся, мол, дядя Павел, Степка хороший, только чудной.

Сурен Давидович сказал:

— Степа тоже принимал участие в этом деле. (Рубченко кивнул.) После Алеши он тоже кое-что расскажет. Хорошо, Степа?

Степка пробормотал:

— Как скажете, Сурен Давидович.

Кое-как я продолжал говорить, а сам смотрел на Степу. Они с Суром сидели напротив света, так что лица не различались. Я видел, как Сур подал ему винтовку и шомпол, придвинул смазку. Сам тоже взял винтовку. И они стали чистить. Степка сразу вынул затвор, а Сур, придерживая ствол под мышкой, открыл тумбочку и достал пузырек с пилюлями против астмы. Я в это время рассказал про пустую поляну и про следы в одну сторону, а Рубченко кивал головой и приговаривал:

— Так, так... Не было следов? Так, так... Подожди, Алеша.— Он повернулся к Степке:— Ты, хлопчик, до самого города проехал в такси?

Степка сказал:

— До места доехал.

— Куда же?

— Въехал в ваш двор со стороны улицы Ленина. Через арку.

— Они тебя обнаружили?

— Я прыгнул под аркой. Не обнаружили.

— Молодец!— горячо сказал Рубченко.— Ловко! Проследил, что они делали впоследствии?

В эту секунду Сурен Давидович щелкнул затвором и вскрикнул:

— Каковы мерзавцы! Патрон забыли в стволе!

Капитан повернулся к нему:

— Прошу не мешать! Речь здесь идет о государственном преступлении!

Во! Я чуть не лопнул от гордости. Говорил я им, говорил — шпионаж! Я страшно удивился, когда Степка швырнул винтовку на кровать и сказал тихим, отчаянным голосом:

— Сурен Давидович... Вон он,— Степка ткнул пальцем прямо в Рубченко,— он тоже хватался за сердце перед пеньком. Он — «Пятиугольник двести». Я видел.

Мы замерли. Мы просто ошолбенели. Представляете? И капитан сидел неподвижно, глядя на Степу. Сурен Давидович прокрипел:

— Остапович, как это может быть?

Но капитан молчал. А Степка вдруг прикрыл глаза и откинулся к стене. Тогда Рубченко выставил подбородок и ответил:

— Объясню без свидетелей. Государственная тайна!— и опять уставился на Степана.

Он смотрел сурово, с уверенным ожиданием, словно Степка

должен был отречься от своих слов. Но где там! Степка вскочил и выкрикнул:

— Объясняйте при нас!

Сур прохрипел снова:

— Остапович, как это может быть?

— Пустяки, пустяки,— ответил Рубченко и живо завожился руками у себя на груди.— Ничего не может быть...

А-пах!— поперек комнаты ширкнуло прозрачное пламя, щелкнула винтовка. Я ничего не понял еще, а капитан Рубченко уже падал со стула. Сурен Давидович смотрел на него, сжимая винтовку, и из стены, из громадной черной дыры, сыпался шлак. Дыра была рядом с головой Сура.

НЕСЧАСТЬЕ

Говорю вам, мы ничего не поняли. Мы будто ослобнели. В косом столбе солнечного света блеснул седой ежик на голове Павла Остаповича — капитан падал головой вперед, медленно-медленно, в полной тишине. Только шуршал черный шлак, осыпая белую клеенку на тумбочке. Степка еще стоял с поднятой рукой — так быстро все произошло. Я еще без страха, будто во сне, смотрел, как капитан грудью и лицом опустился на половицы, как из-под его груди снова ширкнуло пламя, ударило под кровать, и оттуда сразу повалил дым. Потом Сур вскрикнул: «Остапович!» — и попытался поднять капитана, а Степка неуверенно взял графин и стал плескать из него под койку, откуда шел дым. Я очнулся, когда Верка закричал и закатил глаза.

Мне пришлось выпалить его в коридор. Он сразу перестал кричать и вцепился в меня, трясясь. У меня до сих пор синяки — так он крепко ухватился за мои руки. Я сказал Верке:

— Сейчас же прекрати истерику! Надо помогать Сурену Давидовичу. А еще гвардеец...

Он немного ослабил руки. Кивнул.

— Ты, может, домой побежишь? — спросил я.

— Я буду помогать,— сказал Верка.

— Нет, уходи домой,— сказал я, но это были пустые слова.

Верка по-детски, с перерывами, вздохнул и пошел за мной.

В кладовой остро пахло дымом. Павел Остапович лежал на кровати. Сур стоял над ним и жалобно говорил по-армянски, ударяя себя по лбу кулаками. Он совсем задыхался. Мрачный, но несколько не испуганный Степка стоял набычившись и не смотрел в ту сторону.

Я прошептал:

— Степ, как это получилось? Он умер?

Степка дернул плечом. Я понял: умер. Но я все еще думал о случайном выстреле и поэтому хотел понять, как Сур, такой опытный стрелок, мог случайно выстрелить, доставая патрон из ствола?

Тогда Степка сказал:

— Смотри,— и показал куда-то вбок.

Я не мог отвести глаз от Сура и не понимал, куда Степка показывает. Он за плечи повернул меня к столу.

На столе лежал поразительный предмет. Он был ни на что не похож, только с первого взгляда смахивал на стальную палку. Стоило секунду приглядеться, чтобы понять — эта штука не стальная, и даже не металлическая, и не палка уж наверняка. Даже не круглая. Овальная? Нет, бугристая, будто ее мяли пальцами. Зеленовато-блестящая. На одном конце был черный, очень блестящий кристалл, а у другого конца выступали две пластинки вроде двух плавников. Несколько секунд я думал, что это сушеный кальмар — пластинки были похожи на хвост кальмара или ракетицы. В длину штука имела сантиметров тридцать.

— Видел? Это бластер,— прошептал Степа.

У меня совсем ослабели ноги. Бластер. В некоторых фантастических рассказах так называются ружья, стреляющие антимагией, или лучевые. В фантастических рассказах, понимаете? Но мы-то были не в рассказе, а в Щекине, поселке городского типа. В доме три по улице Героев Революции, в подвальном этаже, переделанном под тир. И здесь, на столе оружейной кладовой, лежал настоящий бластер, который принес под пиджаком капитан Рубченко, заместитель начальника милиции. Теперь я понял, что за пламя ширкало, почему в бетонной стене выжжено углубление размером с голову и, главное, почему выстрелил Сурен Давидович.

Бластер настоящий, Степка был прав. В косом свете он отливал то зеленым, то серым, волчьим, цветом. Он был абсолютно ни на что не похож.

Я держался за край стола. Ох, слишком многое случилось за одно утро, и конца событий не было видно.

ШНУРОК

Было страшно заговорить, взять в руки бластер, взглянуть на Сурана Давидовича. Степка же был не таков. Он потрогал бластер и сказал нарочито громко:

— Совершенно холодный!

Сур услышал и обернулся. Ох, вспомню я эту картину... Как

он смотрит коричневыми, яростными глазами на разорение, на дрожащего Верку, на винтовки, валяющиеся в лужах, и на бластер... Так он посмотрел и внезапно заметался, открыл железный шкаф с оружием и быстро-быстро стал закладывать в него винтовки. Потянулся к бластеру — Степка перехватил его руку.

— Это спуск, Сурен Давидович, эти вот крылышки.

Сур начал крепко тереть виски. Тер со злостью, долго. Потом проговорил:

— Конечно, спуск. Вот именно... Где шнурок?

Степка показал пальцем — на полу, а я поднял. Черный шнурок от ботинок, вернее, два шнурка, связанных вместе. Все четыре наконечника были целы, торчали на узлах.

— Понимаю, — сказал Сур. — Брезгуешь... — Принял у меня шнурок, положил в шкаф. — Напрасно все-таки брезгуешь, Степан.

— Он предатель, — сказал Степка, показывая на Рубченко, — а вы его жалеете!

Я вздрогнул — рядом со мною закричал Верка:

— Врешь! Дядя Павел — папин друг, а не предатель, врешь!

— Так, мой мальчик... Степан, слушай меня: если Павел Рубченко предатель, то и я предатель. Таких людей, как он... — Сур закашлялся. — Он не только честный воин. Не только храбрый и добрый человек. На моих глазах он двадцать лет проработал в милиции. И на фронте. И всегда был настоящим рыцарем...

Степка молчал. Трудно было не согласиться — такой человек на виду, как в стеклянной будке. Зато Сур очнулся от своего отчаяния и продолжал говорить:

— Мы потеряли много времени... Необходим врач. Кто позвонит в «скорую помощь»? Ты, Лешик? Придержите дверь. — Он осторожно поднял бластер и перенес в шкаф. Запер на два оборота. — Ах, Остапович!.. Ах, Остапович! Лучше бы... — Он осекся.

Я знал почему. Он сто раз дал бы себя сжечь этим бластером, лишь бы не стрелять в друга. Он выстрелил, спасая нас.

И, посмотрев на нас, он подобрался, тряхнул головой, стал по виду прежним, даже погладил Верку, как всегда, от носа к затылку.

— Да, тяжелое положение... В «скорую» нельзя обращаться. Степа, Алеша! Этот дом, четвертый подъезд, квартира шестьдесят один. Доктор Анна Георгиевна... Пригласите ее сюда. Что сказать? У нас раненый.

Мы побежали. Степка на ходу сказал:

— Правильный приказ.

— Почему? — спросил я.

Он ответил:

— А вдруг эти уже на «скорую» пробрались?

— Кто — эти?

— С бластерами.

— А зачем им пробираться?

Степка только свистнул. Тогда я возразил:

— Доктор Анна Георгиевна тоже могла пробраться.

— Чудной... — пропыхтел Степка. — Она же пенсионерка, дома принимает. Видишь табличку?

Я видел. Квартира 61, медная яркая табличка: «Доктор А. Е. Владимирская».

Степан позвонил и вдруг сказал свистящим шепотом:

— Он меня было... того, Рубченко ваш...

— Он же не в тебя стрелял — в Суря!

— Да нет, — прошептал Степка. — Не из бластера. Он так... Глазами, что ли. Я будто помер на полсекунды.

— Ой, а меня... — заторопился я, но тут дверь отворилась, и из темной прихожей спросили:

— Ко мне?

Степка подтолкнул меня. Я ответил, что к доктору и что в тире лежит раненый.

— Сейчас, ждите здесь, — сказал голос, как мне показалось, мужской.

В прихожей зажегся свет, мы вошли, но там уже никого не оказалось. Будто с нами разговаривали здоровенные часы, которые стучали напротив двери. Потрясающие часы. Выше моего роста, с тремя гирями, начищенными еще ярче дверной таблички. Часы тут же проиграли мелодию колокольчиками и стали бить густым тройным звоном — одиннадцать часов. Я охнул, потому что все началось ровно в половине девятого, всего два с половиной часа назад. В школе прошло три урока — и столько всего сразу! И Верка еще. А Верка очень нежный и доверчивый. Позавчера подошел к милиционеру и спросил: «Дядь, почему вам не дают драчных дубинок?»...

Зазвенело стекло. Кто-то закричал тонким старушечьим голосом. Резко распахнув дверь, в прихожую выскочила женщина в белом халате, с чемоданчиком, совершенно седая. Она стремительно оглядела нас синими эмалевыми глазами. Спросила басом:

— Раненый в тире? — и уже была на лестнице.

А мы едва поспевали за ней. Вот так пенсионерка! Из квартиры пищали: «Егорова!» Она молча неслась вниз по лестнице, потом по дорожке вдоль дома и по четырем ступенькам в подвал. Степка забежал вперед, распахнул дверь и повел докторшу по коридору в кладовую.

ДОКТОР АННА ЕГОРОВНА

Сурен Давидович был в кладовой наедине с Рубченко. Стоял, прислонившись к шкафу, и хрипел астматолом. Когда мы вошли, он поклонился и проговорил:

— Здравствуйте, Анна Георгиевна. Вот.— Он показал на койку.

— Вижу. Меня зовут Анна Егоровна... Ого! Детей — за дверь.

— Я расстегнул рубашку,— сказал Сур.

Она доставала стетоскоп из чемоданчика. Мы, конечно, остались в комнате, в дальнем углу, под огнетушителями. Анна Егоровна что-то делала со стетоскопом, вздыхала, потом стукнула наконечником и бросила прибор в чемоданчик.

— Давно произошел несчастный случай?

Сур сказал медленно:

— Убийство произошло двадцать минут назад.

Анна Егоровна опять сказала «Ого!» и быстро, пристально посмотрела на Сурена Давидовича. На нас. Опять на Сура.

— Что здесь делают дети?

Степка шагнул вперед:

— Мы — свидетели.

Она хотела сказать: «Я не милиция, мне свидетели не нужны». У нее все было написано на лице. И удивление перед такой странной историей, перед почти прямым признанием Сура, и мы тоже показались ей не совсем обычными свидетелями, правда? Она сказала:

— Моя помощь здесь не требуется. Смерть наступила мгновенно.— И повернулась к двери.

Но Сур сказал:

— Анна Георгиевна...

— Меня зовут Анна Егоровна.

— Прошу прощения. Я буду вам крайне благодарен, если вы согласитесь нас выслушать. Слово офицера, вам нечего бояться.

Как она вскинула голову! Действительно «Ого!» Она была бесстрашная тетка, не хуже нашего Степана. Она успела крепко загореть и выглядела просто здорово: круглое коричневое лицо, белые волосы, крахмальный халат и круглые ярко-синие глаза.

— Слушаю вас,— сказала Анна Егоровна.

— Я прошу разрешения прежде задать вам два вопроса.

Она кивнула, не сводя с него глаз.

— Первый вопрос: вы ученый-врач?

— Я доктор медицинских наук. Что еще?

— Когда вы последний раз выходили из дому?

— Вчера в три часа пополудни.— Ее бас стал угрожающим.— Чему я обязан этим вопросом?

Сур прижал руки к сердцу так похоже на тех, что мы вздрогнули. Но это был его обычный жест благодарности.

— Доктор, Анна... Егоровна, сейчас вы все, все поймете! Очень вас прошу, присядьте. Прошу, прошу. Итак, сегодня в восемь часов утра...

Сурен Давидович рассказывал совсем не так, как я. Без подробностей. Одни факты: заведующий почтой, старший телеграфист, поездка на такси, оба разговора Феди-гитариста с шофером, история с конфетами, потом капитан Рубченко и выстрел.

О выстреле он рассказал так:

— Эта история была сообщена Павлу Остаповичу не вся целиком. Он остановил Алешу... Когда, Лешик?

— Когда пень грузили в такси,— поспешно подсказал я.

— Да, в такси. Павел Остапович начал расспрашивать второго мальчика...

— Вот этого,— сказала Анна Егоровна.

— Да, этого, Степу. Он сообщил, что пень доставили во двор милиции.

— И почти...

— Да. В этот момент я разрешил себе восклицание, не относящееся к делу. Павел Остапович меня осадил. Меня это крайне удивило. Мы с ним дружили почти тридцать лет...— Он закашлялся.

Докторша смотрела на него совершенно ледяными глазами.

— Да, тридцать лет! Мальчики об этом знают. И Степик в эту секунду сорвался и заявил, что капитан Рубченко тоже хватался за сердце, стоя перед пенком.

— Вот как,— сказала Анна Егоровна.

— Павел Остапович не возразил. Напротив, он начал поспешно извлекать из-под пиджака некий предмет, подвешенный на шнурке под мышкой. Не пистолет, Анна Егоровна. Пистолет, подвешенный таким образом, стреляет мгновенно. Этот же предмет... Я вам его покажу.

Шкаф отворился с привычным милым звоном. Степка пробормотал: «Дьяволищина!» Вот он, бластер... Не приснился, значит.

— Этот предмет, доктор, он висел на этом шнурке, видите? Прошу вас посмотреть, не касаясь его.

— Странная штука.

— Именно так, доктор. Она висела на петле-удавке, никаких антабок не имеется. Висела неудобно. Ему пришлось извлекать этот предмет три-четыре секунды.

— Вы настолько точно заметили время?

— Я кадровый военный. Это мой круг специфических навыков.

Она кивнула очень неодобрительно.

— Вы понимаете, Анна Егоровна, что я следил за Остаповичем с большим интересом. Предмет не походил на оружие, и я подумал о каком-то вещественном доказательстве, с которым хотят нас ознакомить. Но... смотрите сюда. С конца предмета сорвалось пламя, пролетело рядом с моей головой. Я сидел вот так — видите? Отверстие в бетонной стене он прожиг за долю секунды. А дети? Здесь были дети, понимаете?

— Скорее ниша, чем отверстие, — задумчиво сказала докторша. — Покажите ваше левое ухо... М-да, ожог второй степени. Больно?

— Какая челуха! — крикнул Сур. — «Больно!» Вот где боль! — кричал он, показывая на мертвого. И снова осекся.

Помолчали. Теперь Анна Егоровна должна была спросить, почему Сур беседовал с Рубченко, держа в руках винтовку. Или просто: «Чем я могу помочь, я ничего не видела». Она сказала вместо этого:

— Я обработаю ваше ухо. Поверните голову.

— Вы мне не верите, — сказал Сур.

— Разве это меняет дело?

— Доктор! — сказал Сур. — Если бы речь шла о шайке бандитов!

— М-да... О чем же идет речь? — Она бинтовала его голову.

— До сегодняшнего дня я думал, что подобного оружия на земле нет. На всей земле.

— Вы бредите, кадровый военный, — сказала докторша с полным равнодушием. — Лазерных скальпелей не достанешь — что верно, то верно. Погодите... Вы серьезно так думаете?

— Эх, доктор... — сказал Сур. — Лешик, открой дверь. Смотрите осторожно, из-за косяков. И вы, доктор, выйдите. Смотрите из коридора.

Он прижался вплотную к стене, оттолкнул ногой дверь и сказал: «Стреляю...» Мы услышали — ш-ших-х! — и стенка над шкафом вспучилась и брызнула огненными шариками, как электро-сварка. Сурен Давидович с черным, страшным лицом, в белом шлеме повязки, вышел из-за косяка.

— Входите. Этой штукой, доктор, можно за пять минут сжечь наш город дотла. Может быть, люди с таким оружием уже захватили почту, милицию, телеграф... Вы понимаете, о чем я говорю?

ЧТО ВИДЕЛ СТЕПКА

Тело Павла Остоповича покрыли простыней. Нам троим докторша дала по успокоительной таблетке. Мы устроили военный совет. Первым выступил Степка.

Его приключения начались у кондитерского магазина, где водитель покупал конфеты, а Федя охранял свой ценный груз. Степка всю дорогу сидел в правом переднем углу кузова, потому что пень положили у левого борта, на мягкие веревки для привязывания мебели. А едва машина остановилась у кондитерской, Федя-гитарист как тигр метнулся из кабины и сунулся в кузов.

Степка успел забраться под скамью — знает, такие решетчатые скамьи вдоль бортов. Втиснулся и загородился свернутым брезентом и оттуда выглядывал, как суслик из норы. Федя же осмотрел «посредник», вздохнул и принялся поглаживать этот пень, «Дьяволыщина!» — рассказывал Степка. — Я даже поверил, что чурбан живой. Курица так с яйцом не носится. Ну, потом шофер принес конфеты и сказал, что оставшиеся два квартала будет ехать медленно, чтобы Федя успел подготовить хотя бы дюжину-другую. И они поехали медленно и не напрямик, а в объезд, проулком»...

Степка не рискнул посмотреть в окошечко, что они там делают, в кабине. Он выбрался из укрытия и, когда машина въехала под арку, метнулся к заднему борту и прыгнул. Такси проехало в глубину двора — Степка шел следом — и развернулось таким образом, что задний борт встал напротив одного из сараев. Гитарист тут же вылез, забрался в кузов и переложил «посредник» — машина закачалась. А шофер прямо направился к водителю милицмейской «Волги», которая стояла чуть поодаль. Водители поговорили, подошли к заднему борту такси и заглянули внутрь. И тут, как выразился Степка, «началась самая настоящая дьяволыщина».

Сержант с милицмейской машины был здоровенным парнем, еще крепче таксиста. Он посмотрел в кузов, крикнул, схватился за сердце и стал падать. Шофер Жолнин не смог его удержать, такого здоровяка, и он ударился лицом о борт машины, разбил губы до крови. Киселев из машины схватил его за волосы, тряхнул. Тогда он пробормотал: «Это красивая местность», на что Жолнин ответил: «Вижу, все в порядке», и стал утирать ему лицо носовым платком. Причем сержант очень сердился и плевался кровью. Жолнин что-то ему сказал на ухо. Держа платок у лица, сержант ушел в милицию, вернулся с ключом от сарая и вложил его в височный замок. Другой милиционер — старшина Потапов, мы

его знали — спросил, за каким шутком он везет в сарай и что у него с физиономией. Сержант ответил: «Мебель из ремонта привезли». — «Нет у отдела мебели в ремонте», — сказав Потапов и, естественно, заглянул в кузов машины. Ну, опять хватанье за сердце, и «красивая местность», и буквально через полминуты старшина Потапов вместе с Киселевым и сержантом вывалился из машины этот пень... Вот дьяволищина! Они поставили пень сразу за дверью, и Степка было замкнувал, что сможет все видеть, да рано обрадовался — они повозились в сарае и расчистили от старья небольшую площадку в глубине. Они работали как одержимые, а устроив «посредника», стали водить к нему разных людей. Степка поместился на пустых ящиках и коробках, сваленных у заднего хода универмага, и, хотя не мог видеть «посредника», отмечал всех людей, которых к нему приводили. Вот список. Продавщиц универмага — пятеро. Первой была, конечно, Нелла, и привел ее Федя-гитарист, а остальные приводили друг друга, по цепочке. Из милиции побывало восемь человек, с почты и телеграфа — шестеро. Других людей, которых Степка не знал, двадцать три человека. Да еще две продавщицы газированной воды. Они шли и шли, эти люди, пока Степан не сбился со счета. Побывавшие у «посредника» уже вели себя во дворе как хозяева. Степку шуганули с ящиков, у сарая поставили милиционера. Тогда Степка догадался обождать во двор, а соседний двор и стал искать дырку в задней стене. Повезло! Сарай был щелястый. Широкая щель нашлась рядом с «посредником».

Степка сменил позицию как раз тогда, когда «в тире» рассказывал Суру об утренних чудесах. Вот почему в это понял: первыми Степан увидел в сарае начальника почты и Вячеслава Борисовича, научного сотрудника с телескопа.

Вячеслав Борисович сердился и говорил раздраженно-вежливо:

— Не заходит ли шутка слишком далеко? Звонят о письме, потом говорят: ошибка... Почему вы храните мою посылку в этом бедлам?

— Исключительно для скорости, товарищ Портнов... (Они подходили к «посреднику».) Не споткнитесь... сейчас подъедет ваш водитель...

Готовой! Он схватился за сердце, бедный веселый человек. Постоял, как будто размышляя о чем-то, и спросил:

— Это красивая местность? Нелепо...

— Что делать, — сказал почтарь. — Вот и автобус.

— Где Угол третий?

— Ты прошел мимо чего — гитарист Федор Киселев.

— А, удачно! Зову водителя. Связью снабдит Киселев!

Почтарь кивнул. Вячеслав Борисович вышел и вернулся с водителем автобуса...

Степка говорит, что Вячеслав Борисович оставался на вид таким же веселым и обаятельным, а остальные обращались с ним почтительно и звали его «Угол одиннадцать».

Да, Степке было о чем рассказать! Одним из последних явился Павел Остапович Рубченко. Он говорил сердитым начальственным басом:

— Отлучиться нельзя на полчаса! Паноптикум! Что здесь творится, товарищ дежурный?

— Чудо природы, товарищ капитан! — отпарентовал дежурный. — Вот, у задней стенки!

Капитан шагнул вперед, присматриваясь в полутьме... Ну, и ясно, чем это кончилось. Правда, он тоже показал свой характер. Не произнеся еще пароля, распорядился поставить охрану у задней стенки сарая, снаружи:

— Весь состав прошел обработку? Хорошо. Потапова нарядите, с оружием!

Дежурный сказал:

— Есть поставить Потапова.

И они вышли.

Степану приходилось снова менять место. Он вспомнил, что окна лестничных площадок над универсамом тоже выходят в этот двор, и побежал туда и еще полчаса добрых смотрел. С трех наблюдательных позиций он насчитал примерно пятьдесят человек, приходящих в сарай, кроме тех, кто являлся по второму разу, как провожатый. С нового поста было видно, как Киселев распоряжается у сарая и каждому выходящему что-то сует в руку. Потом он ушел. Да, в самом начале милицейский «гази» укатил и вернулся через сорок минут. Сержант привез тяжелый рюкзак, затешил его в сарай. За ним поспешили несколько человек, видимо, дожидавшихся этого момента. Степка заметил, что они теперь выносили из сарая небольшие предметы — кто в кармане, кто за пазухой. Среди них был и Вячеслав Борисович. А любопытных детей и пенсионеров в сарай не пускали.

СНОВА КАПИТАН РУБЧЕНКО

Пока Степан рассказывал, я только кряхтел от зависти и досады. Как я не догадался пробежать на почту через двор, уму непостижимо! В двух шагах был от Степки, понимаете?

Анна Егоровна слушала и все чаще вытягивала из кармана палиросы, но каждый раз смотрела на Сура и не закуривала.

Сур исписал второй лист в блокноте. Когда Степка закончил словами: «Я подумал, что вы с Алехой беспокоитесь, и побежал сюда», Анна Егоровна вынула папиросу. Сур сказал:

— Прошу вас, не стесняйтесь, Анна Егоровна.

Она жадно схватила папиросу губами, Сур чиркнул спичку.

— Литром дыма больше, литром меньше,— сказал Сур.

— Пожалуй, такого не придумаешь,— сказала Анна Егоровна.— Еловое полено!.. Покажите ваши записи, пожалуйста... Так, так... Киселев устойчиво именуется Третьим углом. Хорошенький уголочек! Он руководит, он же обеспечивает связь... Складывается довольно стройная картина.

— Какая?— живо спросил Сур.

— Гипноз. Пень, который они называли «посредником», маскирует гипнотизирующий прибор. Жуткая штука! Но кое-что выпадает из картины. Дважды гипнотизировал сам Киселев, и вот этот разговор: «Развезем коробки по всем объектам». И абсолютно неясны их цели.

— Вижу,— сказал Сур,— коробки эти мог потом уже привезти в рюкзаке сержант. Осмелюсь вас перебить, Анна Егоровна. Картина может быть та или иная, дело все равно дрянь. Время идет. Первая задача — известить райцентр. Как быть с ним, ваше мнение?— Сур показал на койку.

— Сейчас надо заботиться о живых,— сказала Анна Егоровна.— Правильно. Необходимо ехать в район.— Она повернулась к Степке:— Горсоветовских работников ты знаешь в лицо? Некоторых... Они приходили в сарай? Нет? Впрочем, все течет, могли и побывать покамест...

— Телефон и телеграф исключаются,— сказал Сур.

Она кивнула, сморщив лицо. Теперь было видно, что она уже старая.

— У меня машина,— сказала докторша,— «Москвич». До райцентра-то пустяк ехать, два часа, но кто знает положение на дорогах. Ах, негодяи!— сказала она и ударила по столу.— Знать бы, какую пакость они затеяли!

Степка сказал:

— Может, все-таки шпионы?

Сур промолчал, но докторша презрительно махнула рукой.

— В Щекине шпионы? Брось это, следопыт... Секрет приготовления кефира и реле зажигания для «Запорожцев»! Брось... У меня такое вертится в голове,— отнаслась она к Суру, но Степан не унимался.

— Дьявольщина?— спросил он.

Докторша серьезно ответила:

— Это бы полбеды, потому что черти — простые существа.

Их обыкновенным крестным знамением можно спровадить. Как действует это оружие — лазер?

— Что такое «крестное знамение»?— спросил Степка шепотом.

Я ответил, что не знаю, а Сур в это время говорил, что не может судить об этом оружии — о бластере то есть, так как за долю секунды, пока оно работало, ничего было не понять.

— В конце концов неважно, как оно действует,— сказала Анна Егоровна.— Мне что важно: форма очень уж странная. Смоделировано отнюдь не под человеческую кисть. Простая палка. Ни ручки, ни приклада... Антабок этих ваших нету, прицела...

— Анна Егоровна,— сказал Сур,— именно на эти странности я вам и указывал в начале разговора.

— Вы думаете...— сказала она.

Сур кивнул несколько раз. Теперь я не выдержал и влез в разговор:

— Марсианское оружие бластер! Видели, как пыхнуло? Аннигиляционный разряд, вот что!

— Ну, пусть марсианское,— сказала она.— Я не люблю оружия, следопыты. Слишком хорошо знаю, как плохо оно соотносится с человеческим организмом. Товарищ Габриэлян, я хотела бы забрать этот бластер с собой, в район. Очень хорошо убеждает слушателей... Да, и одного из мальчиков. Лучшее этого.— Она показала на меня.— Второй пригодится здесь, вы совсем задыхаетесь. Бластер придумали!..

— Бластер,— поправил я.

— Бластер, бластер...— проворчала Анна Егоровна.— Пакость! Что-то у меня было противоастматическое, для инъекций...

Она нагнулась к своему чемоданчику, откинула крышку. Сур рассматривал бластер, направив его кристалл в потолок. Вдруг докторша тихо проговорила: «Ого!», очутилась около Рубченки, тронула его веко и молниеносно нагнулась к груди. Мы вскопили. Анна Егоровна тоже встала. Лицо у нее было красное, а глаза сузились. Она сказала:

— Сердце бьется нормально. Он ожил.

Ну, это было чересчур... Ожил! Степа и тот попятился в угол, а у Сурена Давидовича начался сердечный приступ. Анна Егоровна «вкатила» ему словую дозу аналгина. Потом «занялась бывшим покойником» — это все ее выражения, конечно. Движения у нее стали быстрые, злые, а голос совершенно хриплый и басистый. Раз-раз! — она выслушивала, выстукивала, измеряла, а наш бедный Сур смотрел изумленными глазами из-под бинтов. Вот уж было зрелище! А время только подбиралось к двенадцати, понимаете? За четыре часа разных событий накопилось

больше, чем за двадцать шесть лет — сколько мы со Степаном вдвоем всего прожили. Едва Сур немного оправился, докторша приказала ему запаковать бластер для дороги. Я принес из мастерской футляр от чертежей, забытый кем-то из студентов, — кожаная труба такая, разъемная и с ручкой сбоку. Сур обмотал бластер ветошью, опустил его в трубу, плотно набил ветошь, как пыж, повернул бластер и закрыл крышку. Она была свободная — Сур подмотал лист бумаги. Мы помогали. Докторша в это время еще возилась с Павлом Остаповичем. Ему тоже забинтовала голову; бинтов пошло меньше, чем на голову Сурена Давидовича. Оказывается, ухо забинтовать труднее, чем лоб с затылком.

— Ну, я готова, — сказала Анна Егоровна. — Раненому ухода не требуется. — Она посмотрела на Степкино лицо и пробасила: — Дьявольщина! На выходном отверстии уже соединительная ткань.

Для нас это была китайская грамота. Сур спросил:

— Доктор, вы не ошиблись, когда установили... гм...

— Смерть? Голубчик, это входит в мой круг специфических навыков. — Она язвительно ухмыльнулась. — Но предположим, я ошиблась. Бывает. А вот чего не бывает: за сорок минут, прошедших от одного осмотра до другого, свежая рана приобрела вид заживающей, трехдневной давности. Поняли?

— Нет, — сказал Сурен Давидович.

— Признаюсь, и для меня мне непонятно. Да, вот еще, посмотрите...

Мы придвинули головы. На клочке марли докторша держала овальный кусочек такого же материала, из которого был сделан бластер. Серый с зеленым отливом или зеленый с серым — он все время менялся и был похож на травяного слизняка.

— Это было прикреплено к твердому нёбу раненого, вдоль.

— Как прикреплено, боже мой... — простонал Сур.

— На присоске. У вас найдется коробочка?

Степка нырнул под стол, выудил пустую коробочку из-под мелкокалиберных патронов. «Слизняк», положенный на дно, сразу прихватился к нему — прилип.

— Оп-ля! — сказала Анна Егоровна. — Класть в вату не требуется. Прячь в карман, Алеша. Через пять минут я подгоню машину.

Я спрятал «слизняк» в карман. Докторша пожала руку Сурену Давидовичу:

— Ну, держитесь. Учтите, спустя полчаса он может и подняться. Честь имею...

— Какая женщина! — потрясенно сказал Сур. — Гвардейцы, вы познакомились с русской Жанной д'Арк!

В этот момент на меня накатило. Если с вами не случается,

так вы и не поймете, как нахатывает страх в самое неподходящее и неожиданное время. До пятидесяти пяти минут двенадцатого я не боялся, а тут меня затошнило даже. А возможно, есть захотел. Я сказал:

— Не поеду никуда. Пускай едет Степка.

— Вот еще какой!— сказал Степка.

— Почему я должен ехать? Я останусь с Суреном Давидовичем!

— Ты лучше расскажешь, у тебя язык хорошо подвешен,— уговаривал Сур.

— У всех подвешен!— отругивался я.— Не поеду!

— Боевой приказ,— сказал Сур.— Выполняй без рассуждений.

Я вздрогнул. У моей ноги заговорил очень тихий, очень отчетливый голосок: «Пятиугольник двести! Вернись к посреднику». Пауза. Потом снова: «Пятиугольник двести! Вернись к посреднику».

Степка зашипел:

— Рация. Понял? Федька с поляны докладывал. Понял? Опять геометрия!

Я выудил эту штуку из кармана. Она пищала: «Пятиугольник двести, отвечай». И сейчас же на полтона ниже: «Пятиугольник, говорит Угол третий. Я иду к тебе».

— Киселев,— с тоской произнес Сур.— Ну ладно, Киселев...

Его обмякшая фигура вдруг распрямилась. Он выдернул из шкафа боевой пистолет— «Макарова»,— сунул за пазуху, запер шкаф, оттиснул печать на дверце, ключи бросил Степке, выхватил у меня «слизняк» и переложил его в железную коробочку из-под печати, сунул ее в мой нагрудный карманчик и рявкнул еще не слыханным нами голосом:

— Алексей! Бегом! Перехвати доктора у гаража, сюда не возвращаться! Степан! Наблюдать снаружи, не вязаться! Марш!

Он, задышав, протащил нас по коридору, выкинул наружу и захлопнул дверь. У меня в руках был бластер в чехле для чертежей.

Я — «ИНФЕКЦИОННЫЙ БОЛЬНОЙ»

— Ну, выполняй приказ,— выговорил Степка, сильно морщась нос и губы.— Выполняй!

— А ты?

Он выругался и побежал. Шагах в двадцати он обернулся, крикнул: «Иди, гад!»— и побежал дальше. Я понял, куда он бежит,— к пустой голубятне, стоящей посреди двора. Я, кажется, за-

ревел. К гаражам явился с мокрой физиономией — это я помню. Из третьего или четвертого кирпичного гаражика выползал серый «Москвич», мирно попыхивая мотором. Анна Егоровна как была в халате, так и сидела за рулем. Она открыла правую заднюю дверцу, и я влез в машину.

— Вытри лицо,— сказала докторша.

Я полез в карман за платком.

— Погоди, Алеша. Знаешь, не вытирайся. Так будет лучше.

Я не понял ее. Тогда она объяснила:

— Видишь, я в халате? Везу тебя в районную больницу. У тебя сильно болит под ложечкой и вот здесь, запомни. Ложись на заднем сиденье, мое пальто подложи под голову.. Погоди! Это спрячь под мое сиденье.

Я положил бластер под сиденье и лег. Наверно, у меня был подходящий вид для больного — докторша одобрительно кивнула.

— Больше ничего не произошло, Алеша!

— Произошло. Киселев идет к Рубченко на выручку.

— Ты видел его?

— Нет. Маленькая штука заговорила...

— Понятно,— перебила Анна Егоровна.— Держись.

Мы поехали. От гаражей сразу налево, пробираясь по западной окраине, в обход города. Так было немного ближе, и дорога ничуть не хуже, чем мостовая на улице Ленина, и все-таки я знал: мы нарочно объезжаем город. «Лежи друг, лежи»,— приговаривала Анна Егоровна. За последним домом она поехала напрямик, по едва просохшей строительной дороге, чтобы миновать пригородный участок шоссе. Потом сказала: «Садись». Я сел и посмотрел в заднее окно. Город был уже далеко. Окна домов не различались, крошечные дымки висели над красным кубиком молокозавода.

— В сумке еда,— сказала докторша, не оборачиваясь.— Поешь.

— Не хочется, спасибо.

— Откуси первый кусок — захочется.

Я послушался, но без толку. Еле прожевал бутерброд, закрыл сумку. И трясло здорово — она так гнала машину, что ветер грохотал по крыше.

— А гараж вы нарочно оставили открытым?— спросил я.

— А больно наплевать. Ты смотри, чтобы твой бластер не шарахнул из-под сиденья.

— Нет, Сур его хорошо запаковал. Маленькую штуку тоже — в стальную коробочку.

— Чтобы не разговаривал? Догадлив твой Сур.. Как его звать по-настоящему?

Я сказал.

— Армяне — хорошая публика... Но подумай — никого не обгоняем, уже восемь километров проехали!

Я возразил, что обгоняли многих. Анна Егоровна объяснила, что эти все грузовики идут по окрестным деревням, а в райцентр или на железную дорогу никто не едет. Откуда она знает? Водительский глаз. Она тридцать лет ездит, с войны.

Так мы разговаривали, и вдруг она сказала:

— Ложись и закрой глаза. Дыши ртом, глаза не открывай. Приехали, кажется...

— Глаза для чего?

— Для больного вида. Ладно, полузакрой и смотри между ресниц.

«Уй-ди, ох, уй-ди...» — выговаривал гудок. Мы ехали, не сбавляя скорости. Потом провизжали тормоза, и Анна Егоровна крикнула:

— Попутных не беру — инфекционный больной!

Ответил мужской голос:

— Проезд закрыт. На дороге авария.

— Я объеду. Ребенок в тяжелом состоянии.

Вмешался второй мужской голос:

— Извините, доктор, — служба. Мы бы с милым сердцем пропустили, так начальство нас не помилует...

Первый голос:

— Что разговаривать, возвращайтесь. В Щекине хорошая больница. Проговорите, мальчишка пока и помрет.

Анна Егоровна:

— Покажите ваше удостоверение, сержант. Я должна знать, на кого жаловаться в область.

Второй голос:

— Пожалуйста, пожалуйста. Мы бы с милым сердцем!

Новый мужской голос:

— Доктор, не подхватите до города? Они меня задержали, и мое мотоцикло испортилось от злости.

— Не могу, голубчик... — флегматично проговорил бас Анны Егоровны. — У меня больной. Жиклер продуйте... Сержант, гарантирую вам вызыкание.

Кто-то отошел от нашего «Москвича» — стало светлее. Тогда третий голос зашептал:

— Доктор, я знаю объезд через Березовое... В район требуется, хоть вешайся... Возьмите, я иммунный!

— А машину бросите?

— Жениться еду, не до машины. Отбуксируют эти же, я им трояк дам! — торопился голос.

— В детстве чем болели?— спросила Анна Егоровна. (Я чуть не прыснул.)

— Свинкой, ветрянкой, этой... коклюшем...

— Договаривайтесь о машине, только быстро!— И после паузы:— Алеша, ты лежи. Если я чихну, начинай стонать... Давайте, давайте!

Облака в окошке развернулись, солнце с моих ног перебралось на голову — мы ехали обратно.

— Что с мальчиком?— спросил новый попутчик.

— Свинка,— стрезала докторша.

— Ай-яй-яй... Очень плох?

Она промолчала. Потом спросила:

— Поворачивать на Березовое, говорите? Там бревно, слагбаум.

— Объедем, ничего. Отличный грунт. Я на рыбалку там проезжал две тысячи раз. Или чуть поменьше.

— Резвитесь, жених?

— Мое дело жениховское, доктор. Почти молодожен.

— Значит, объезд через Березовое тоже запрещен? И там авария?

— Это почему?— спросил попутчик.

— Не знаю. Вы-то не сказали при милиции об этом варианте. В город просились...

Молчание. Я осторожно приоткрыл глаз и увидел, что попутчик внимательно смотрит на докторшу. У него был вздернутый нос и рыжие ресницы.

— Вот и бревно,— сказала она.— А вы для жениха не староваты, юноша?

Тогда он выпалил:

— Ох, доктор! В нашем городе творится неладное.

Машина остановилась. Нас обогнал грузовик. Анна Егоровна тоже повернулась на сиденье и прищурилась на попутчика.

— У вас ангина,— сказала она.— Господи, где моя зажигалка?

— Доктор!— застонал попутчик.— Какая ангина?

— Покажите горло... ну! (Он испуганно открыл рот.) Хорошо. Алеша, ты можешь сесть. Мы едем на Березовое. Что вы заметили неладного в городе?.. Осторожно, ухаб... И как ваше имя-отчество?

Понимаете, дядька тоже ехал в райком, чтобы поднять тревогу. Он знал совсем чепуху: что телефон междугородный не работает, автобусы отменены до семнадцати часов и что заводу тракторного оборудования запретили отправлять продукцию на железную дорогу — ближняя станция тоже в райцентре. Он говорил, путаясь от волнения:

— Я мальчуганом оставался в оккупации, под фрицами. Вы небось военврач. Майор медицинской службы? Ну, вы страха не знали...

— Как сказать...

— Извиняюсь, конечно,— поспешно сказал попутчик.— Вы того страха не знаете. Словно бы воздух провонял — отовсюду страшно. От приказов страшно, от всего... И сейчас завоняло на дороге. Кто же тут виноват?— Он испуганно смотрел на Анну Егоровну.— Авария — это действительно. Сорвало мост, конечно, столбы повалило...— Он вертелся на сиденье, глядя то на меня, то на докторшу.— И телефон порван. Доктор!— вскрикнул он.— Я вам точно говорю. Точно! Фактов нет, только воняет. Туда нельзя, сюда...

— Что же вы поехали, без фактов?

— С испугу,— жалким голосом признался дядька.— Польза будет, и ноги унесу. Страшно. Меня в гестапо били.

— Вот как,— сказала докторша.— Однако же чутье вас не обмануло. Подчас и с испугу действуют правильно.

— Не обмануло? И факты есть?— вскинулся он.— То-то я смотрю — мальчик и не болен вовсе.

— А вы не смотрите,— сказала докторша.

Я не помню, как звали попутчика — то ли Николаем Ивановичем, то ли Иваном Николаевичем. Мы расстались очень скоро. Дело в том, что березовский деревянный мост сгорел незадолго перед нашим приездом — свая еще дымились и шипели уголья, падая в воду.

— Чистая работа,— сказала Анна Егоровна.— Парома здесь не держат?

Мальчишки завопили, набегая на машину:

— Тетенька, за старницей брод! Хороший, грузовики перебираются!

Один, маленький, прошепелявил:

— Овшы тоже перебираются..

Другой малыш развесил губы сковородником, заревел и пропустил наутек — испугался белого халата. Попутчик сказал:

— Правильно, хороший брод. В малую воду тормоза будут сухие.

— Едем.— Она тронула машину.

Я тоже знал эти места — чуть выше по реке водились крупные раки. До города отсюда рукой подать, не больше пяти километров, и с высокого старого берега можно было рассмотреть телескоп. Я с самого начала не хотел уезжать, и теперь, когда мы начали крутиться, не удаляясь от города, мне стало паршиво. Пускай теперь рыжий трус изображает больного! И я страшно обрадовался, когда Анна Егоровна спросила:

— Отправить тебя домой, Алексей?

Она курила и хмуро поглядывала на темный склон старого берега. Лучшего места для засады нельзя придумать: мы внизу, освещены солнцем — бей, как курапатов...

— Я постою тут, пока вы перевозжаете, — сказал я. — Не заблужусь, отсюда телескоп виден.

— Виден, да по дороге все надежнее, — сказала она. — Возьми сверток с бутербродами, коробочку давай сюда.

Я отдал коробочку со «слизнякам», взял ненужные бутерброды, открыл дверцу и зацепился ногой за бластер. «Зачем мне эти бутерброды?» — подумал я и покосился на Анну Егоровну. Она что-то регулировала на приборном щитке. Я зацепил футляр пальцем, выкинул в траву, вылез и захлопнул дверцу. Попутчик в подвешенных брюках уже шлепал по воде — он пойдет впереди машины.

— Счастливо, мой мальчик...

Серый «Москвич» осторожно пополз в воду, заблестели мокрые колеса, а я стоял на берегу и смотрел, пока машина, забирая влево, не перевалила через гребень высокого берега. Мелькнул белый рукав, хлопнула дверца, и остался только запах бензина. Тогда я поднял футляр с бластером и напрямик, через холмы, побежал в город.

ЧЕРНАЯ «ВОЛГА»

Отличный, солнечный был день. Тихий, по-весеннему жаркий. Над березовыми перелесками кричали кукушки, в овраге пели десятки зябликов. Перелески светились насквозь; между березовыми стволами зелена сверкали, как спинка зимородка. А я мчался, как мотоцикл, волоча бластер и пакет с бутербродами. Холм с телескопом служил мне ориентиром, я держал его справа, почти под прямым углом к своему направлению. Понимаете, я мог выбрать дорогу немного короче, прямо к восточной части Щекина, через совхозную усадьбу. Идти через усадьбу не хотелось, и я знал почему. В совхозном клубе, что в центре усадьбы, вчера выступил Федя-гитарист.

На бегу я пытался понять, что такое трусость. Рыжий попутчик — несомненный трус. У них всегда чутье на опасность, как у Кольки Берсенева из нашего класса. Едва запахнет дракой, он исчезает. Он как барометр. Если он исчез из компании, то наверняка жди неприятностей — подеремся, либо из кино выведут, либо затеют на овраге слалом и переломаем лыжи... Ладно. Трусы есть трусы. Этот по крайней мере побежал в верном направлении.

Я не задумывался, правильно ли было — воровать бластер у Анны Егоровны. Гордясь своей храбростью, я топал по тропинкам, надеясь сегодня же пустить бластер в дело, и неожиданно выскочил на шоссе рядом с памятным местом. Метрах в тридцати справа темнеет въезд на ту самую проселочную дорогу, ведущую к поляне «посредника». Я чувствовал — пора отдохнуть, но побежал дальше, инстинктивно держась боковой грунтовой тропки. Так же инстинктивно я остановился за кустарником, когда услышал шум встречной машины. Ф-р-р-р! — черная «Волга» промчалась мимо. И как будто в ней я увидел Сура на заднем сиденье.

Сначала я решил, что обознался. Сурену Давидовичу чистая гибель в такую погоду вылезать из подвала. Он и домой ходит только по ночам, чтобы принять ванну. Из-за проклятой астмы он и в тире стал работать — в сыром подвале ему хорошо дышится. «Их болезнь — наше здоровье», — говорит он о подвале. Нет, в черной «Волге» Сура быть не могло...

Стоп! Киселев, туда собирался Киселев! В подвале железная дверь, и на окнах решетки, но ведь Сур сам откроет дверь, не побоятся! И я помчался за машиной, вылетел на холм. Так и есть... Пустое шоссе сверкало под солнцем — «Волга» свернула в лесопарк. Они приходили к Суру и увезли его на поляну «посредника» — машине другого пути не было. Или по шоссе прямо, или на ту дорогу, в лесопарк.

И я перепрыгнул через канаву и побежал в сторону поляны. Лишь теперь я догадался бросить докторские бутерброды.

НАХОДКА И ПРОПАЖА

Лес был тих. Даже синицы молчали. Душный воздух пахнул пылью, которая уже успела лечь на землю после машины. Следы новеньких покрышек на мягкой дороге вились узорчатыми змеями. Метрах в ста пятидесяти от шоссе свернули влево. Я удивился: поляна «посредника» была справа. Но машина вилась между деревьями, держась уверенно одного направления. Иногда буксовала, продирая траву до земли... Хлоп! Из-под ног метнулся заяц! Это было здорово. Это было бы здорово, если бы заяц удирал от меня, как полагается. А он, прежде чем скрыться за кустом, остановился и несколько секунд сидел спиной ко мне и крутил левым глазом вниз-вверх — рассматривал меня, понимаете? И тогда я увидел, что «Волга» шла по колее другой машины. Той же ширины, но колеса другого рисунка...

Я даже попытался и шепотом спросил у зайца: «А твое какое дело?» Получалось, что он показал мне вторые следы: длинные

отпечатки его задних лап — елочкой — тянулись аккуратно по следам неизвестной машины.

Это было довольно далеко от дороги. Я стоял и смотрел на следы, когда зафыркал мотор. Я отошел, спрятался за елкой. Черная машина проплыла назад между деревьями. Водитель сидел один и смотрел на дорогу, вытянув шею. Оказывается, машина стояла совсем близко: вот два полукруга следов, где они разворачивались и поехали обратно. А кругом натоптано каблуками — много и разными. Но людей не видно. Ни шагов, ни голосов — тихо. И птицы молчали, будто они рыбы, а не птицы.

Я искал глазами: хоть заяц-то здесь?

Он был здесь. Сидел перед можжевельниковым кустом, приподняв толстую морду над кучкой хвороста. Когда я топнул на него ботинком, заяц переложил уши и лениво отпрыгнул за куст. Я заставил себя не обращать на него внимания и принялся отыскивать следы Сурана Давидовича.

Прямо передо мной была прошлогодняя тропа к оврагу, еще не просохшая под густым орешником. Издали казалось, что после снега по ней не ходили. Я сунулся туда — на обочине следы... В десятке шагов дальше, уже посреди тропы, след левого ботинка Сура. Тупоносый, с рифленой плоской подметкой, так называемая «танкетка». Веркина мать ему покупала.

Я почему-то взвесил на руке бластер и двинулся к оврагу.

Теперь послушайте. Я шел по этой тропинке в сотый раз за последние два года и отлично знал, что она выводит к глубокому бочагу в ручье, что на дне оврага. Я ногами — не головой — знал, что от места, где развернулась «Волга», и до оврага метров пятьдесят. Первый поворот, налево, у сухой сосны, а спустя еще двадцать метров, где кончается орешник, второй поворот и сразу спуск в овраг. Так вот, я прошел первый поворот, не теряя следов Сура, но после второго поворота тропа исчезла. Вместе со следами она словно растворилась в земле, а впереди, взамен оврага, оказался ровный, густой осинник.

Сначала я подумал, что проскочил второй поворот. Вернулся к сухой сосне... Опять то же самое! Минувая орешник, тропа исчезла вместе со следами. Ну ладно. Тропу весной могло смыть. Я двинулся напрямик через осинник и вышел к оврагу, но не к бочагу, а много левее. Странное дело... Я пошел вправо, держась над оврагом, и потерял его. Я даже взвыл — запутался, как последний городской пиджон! А плутать-то негде, овраг все время был справа от меня. Естественно, я взял еще направо, чтобы вернуться к обрыву, и очутился знаете где? На том же месте, откуда начал, — у поворота тропы. Совсем разозлившись, я продрался через

кусты вниз по склону и пошел вдоль ручья, еле выдирая ноги из грязи. И через двадцать метров уперся в откос. Овраг, который должен был тянуться еще на километр, внезапно кончился. Чертыхаясь, едва не плача, я выбрался наверх и очутился опять у второго поворота тропы! Поодаль, в кусте боярышника, сидел заяц — столбиком — и делал вид, что мои мучения его абсолютно не интересуют...

Я проголодался и устал. Из ботинок текла грязь. Футляр с бластером был весь залепан. Я никак не мог взять в толк, что происходит, пока мне не пришла в голову одна мысль. Под крышкой футляра была подмотана бумага, а в кармане у меня была Степкина авторучка. Я достал то и другое и нарисовал план местности, как я помнил ее, до всех этих оползней.

Маршрут I — я пошел с тропы прямо и должен был выйти к бочагу, а оказался далеко справа. Маршрут II — от того же места я взял левей и оказался теперь далеко, слева от бочага. Маршрут III — я шел низом, по ручью, натолкнулся на откос и, оказываясь, описал петлю снова влево, хотя воображал, что лезу прямо, никуда не сворачивая. Понимаете? Большого куска оврага вместе с песчаным бочагом, зарослями малинника, чертовыми пальцами на дне ручья, таволгой, птичьими гнездами, отличным лыжным спуском не существовало. Часть оврага сгнула, и ничего не оставалось взамен. Как бы вам объяснить? Если вы возьмете простыню и в середине ножницами вырежете дырку, то куска материи не будет. Но останется дырка. Если бы овраг рухнул в одном месте, то оставалось бы что-то вроде дыры. А тут получалось, будто вокруг вырезанного места продернули нитку и затянули ее, так что совсем ничего не оставалось — ни вырезанной материи, ни дырки. Ошалеть можно! Мне казалось, что надо попробовать еще раз, и еще, и еще. Я весь изодрался о кусты и лез к несуществующему бочагу, как черепаха на стену ящика, в который ее посадили. А толстый заяц мелькал то здесь, то там и нагло усаживался поодаль, когда у меня опускались руки.

Потом он показал мне конфету или принес — я так и не знаю до сих пор. Он перепрыгнул дорогу, аскинул мордой — одно ухо торчком — и исчез, а в метре от конца тропы, под листом подорожника, блеснула на солнце конфетная бумажка. Та самая конфета, с розовым котом в сапогах-недомерках.

Я поднял кота. В нем было что-то завернуто — не конфета, другой формы... «Слизняк!» Говорящая зеленая штуковина!

Разворачивая ее и рассматривая, я машинально брел вперед. И, подняв глаза, увидел, что стою на пропавшем куске тропы, за вторым поворотом. Подо мною был спуск, истыканный каблуками, слева светился ободранный ствол сухого дерева, за которое все

хватаются при подъеме, а внизу, на песке бочага, виднелась свежая тропинка...

Стоп, где же футляр с бластером? Я положил его на землю, когда поднимал «слизняк».

Оглянувшись, я увидел, что сзади нет орешника, из которого я выбрался сию секунду. Что тропа выходит из багульника, и он тянется кругом и за оврагом тоже. Что в двух шагах позади нет следов и, конечно, нет чехла с бластером. Я попал внутрь «дыры». Ее края сомкнулись, будто невидимая рука аккуратно и неслышно затянула нитку за моей спиной.

ЗОНА КОРАБЛЯ

Конечно, я мог попытаться удрать. И, честно говоря, мне хотелось удрать больше всего на свете. И еще — поест, ведь бутерброды Анны Егоровны я бросил около шоссе. Почему же я остался? Потому что вход был закрыт. Я не желал бегать внутри «дыры» кругами, как оса, закрытая в банке от варенья. О том, что говорящая штука служит пропуском и на вход и на выход, я просто не подумал, и вообще — не мог же я бросить Сурена Давидовича!

Вот следы его ботинок. Он молодецки сбегал с обрыва. Спрыгнул на песок. Я, как сонный, брел, осклизываясь каблуками. Выйдя на середину сухого русла, увидел за молодой листвой зеленый купол, похожий по цвету на бластер. Следы вели к нему. На мокром, темно-рыжем песке их можно было читать, как на бумаге. Частые следы «танкеток» Сурена Давидовича, и рядом размашистый след узких, гладких подошв. Потом еще какие-то следы, очень большие и тупоносые.

Я опустился на палый ствол ивы. По моему колену суетливо пробежал рыжий паучок. Свои глаза он нес отдельно, в целом миллиметре впереди головы. Почему-то рядом со мной по откосу ходил круглый солнечный блик — передвигался в листьях орешника над головой и опять возвращался к ногам. Я посмотрел вверх. Там не было солнца — странный зеленый туман с желтыми разводами.

Помню, я похлопал глазами, покрутил в пальцах «слизняк», лизнул его и сунул в рот. Я не знал, какое там твердое или мягкое нёбо, и прилепил штуку над серединой языка. Она прилипла и заговорила в тот момент, когда я понял, что круглый луч нищет меня, скрытого за откосом. Я не удивился. Чему уж тут удивляться...

Внутри головы звучал тонкий голос, знакомо растягивающий

окончания слов: «Ты включен, назови свое имя». Я потрогал штуковину языком — она смолкла. Отпустил — снова: «Ты включен».

Штуковина пищала голосом Неллы из универсама — выкрутасным и глупо-кокетливым. Я пробормотал:

— Эй, Нелка, это ты? (Знакомая все-таки.)

Голос в третий раз спросил о моем имени. По правилам из игры полагалось назвать имя. Ладно. Я наугад сказал: «Треугольник одиннадцать». Голос отяжелел, и я встану. Я все равно поднимусь и отыщу Сур.

— Треугольник одиннадцатый, — кокетливо повторил голос и умолк.

Когда он говорил, во рту становилось щекотно. Я встал и шагнул. Луч сразу нашел меня и закачался на моей груди, как медаль. Подняв глаза, я увидел странное сооружение, которое поблескивало верхушкой, держа меня в луче. Оно стояло на дне оврага. Башня, похожая на огромную пробку от графина. Зеленого, тусклого, непрозрачного стекла. В высоту она была метров пять, с широкой плоской подошвой. Шар наверху — аспидно-черный, граненый, как наконечник бластера. Я обошел его, держась как можно дальше, и вдруг грани забрызгали ослепительными «зайчиками» по ветвям и траве, по моему лицу. Я ослеп, споткнулся, упал на руки. Свет был страшной силы, почти обжигающий, но в моих глазах, под багровыми пятнами, осталось ощущение, будто перед вспышкой я увидел у подножия башни человеческую фигуру, полузакрытую ветвями. Не открывая глаз, я пополз через кусты. Если туда пошел Сур, я пойду тоже. Пойду. Пойду...

— Девятиугольник в зоне корабля, — заговорил Нелкин голос. — Позвольте глянуть на детеныша. Везде кругом спокойствие.

Несколько секунд молчания: Нелка выслушивала ответ.

Снова ее голос: «Девятиугольник идет в зону».

Представляете, я еще удивился, что пришельцы возят с собой детенышей. И позволяют нашим — загипнотизированным, конечно, смотреть на своих детенышей. Приподнявшись, я осторожно открыл глаза — шар не блеснул. Листья рядом с ним были желтые и скрученные. И детеныша я не увидел, но человек, сидящий на плоской опоре корабля, поднял руку и крикнул:

— Алеша, перестань прятаться, иди сюда! Я тебя жду.

Я пошел, как во сне, цепляя носками сандалий по песку, глядя, как Сурен Давидович сидит на этой штуковине в своей обычной, спокойной позе, и куртка на нем застегнута, как всегда, до горла, на лбу синие точки — следы пороха, а пальцы желтые от астматол. Я подошел вплотную. Толстый заяц подскочил и сел рядом с Суреном Давидовичем.

ПОЛДЕНЬ

Когда Сурен Давидович прогнав нас из подвала, Степка забрался на старую голубятню. Он был в ужасном отчаянии: Сурен Давидович остался в тире один — больной, задыхающийся, обожженный. Как он отобьется от Киселева с его бандитами? А Степка мог отстреливаться не хуже взрослого, он из пистолета выбивал на второй разряд. И его выставили!

Степан сидел в пыльном ящике голубятни и кусал локти. Во дворе, на песчаной куче, играла мелюзга. Потом прибежал Верка — только его здесь не хватало. Он удрал от бабушки, из-за стола. Рот весь в яичнице. Степке пришлось посвистеть, и Верка, очень довольный, тоже влез на голубятню. Приближался полдень: ленивый ветер гнал пыль на окна подвала. Там Сур ждал врагов, и под третьим окном от угла лежал на узкой койке Павел Остапович. Глядя на эти мутные, покрытые тусклым слоем пыли радужные от старости стекла, Степан понял: наступит его главный полдень, о котором говорилось в любимых стихах Сура: «Неправда, будто бы он прожит — наш главный полдень на земле!..»

— Ты не кот похож, — вдруг фыркнул Верка.

— Молчи, несмышленыш! — сказал Степан.

— А дядю Павла уже закопали?

Степка дал ему по загривку.

И тогда в подворотне простучали шаги. Весь в черном, подтянутый, спокойный, Киселев спустился к дверям подвала — ждал, пока откроют. Он даже не оглядывался — стоял и смотрел на дверь. Потом немного наклонился и заговорил в щель у косяка. «Бу-бу-бу...» — донеслось до голубятни. Поговорив, он вынул из кармана зеленую коробку и приложил к замочной скважине. К ручке двери гитарист не прикасался, ее повернули изнутри; он толкнул дверь коленкой и исчез в темноте коридора. Стрельбы, шума — ничего такого не было. Вошел как к себе домой.

Верка захныкал: «Я тоже хочу к дяде Сурену!..» Степка пригрозил, что отведет его домой, к бабке.

Это было в двенадцать часов. Тетка с балкона третьего этажа кричала на весь двор: «Леня, Ле-еня, ступай полдничать! По ней можно часы проверять. Степка раздраженно обернулся накрик. Он знал, что Сурен Давидович не даст гитаристу выстрелить. Даже кашель не помешает Суру выстрелить первым, его знает надо... Но Сур пока не стрелял. А Киселев... Блестер бьет бесшумно. В прямом солнечном свете, да еще сквозь стекла, вспышки не увидишь...

Дьяволишна! Что же там происходит? «Сур не мог опоздать с выстрелом,— думал Степка.— Он держит Киселева под прицелом, и я как раз нужен — связать или что. А дверь в подвал не заперта. Этот гад не догадался захлопнуть замка».

— А ну вниз, Валерик!

Они слезли. Верке было велено посидеть с малышами — он захиныкал. Степка пригрозил ему кулаком и пошел вниз по ступенькам.

Он проскользнул в прохладный, полутемный коридор и сразу услышал из-за перегородки громкий голос Киселева:

— „Во-пи-ющая! Отдал ключи и оружие мальчишке — невероятная глупость!

Сурен Давидович спокойно отвечал:

— Угол третий, не улавкайся. Ключи и оружие отдал Габриэлян, а не я.

Дьяволишна! Почему Сур оправдывается перед этим типом? Вмешался незнакомый слабый голос:

— Братя, так ли необходимы эти трещотки? В милиции целый арсенал. И своего оружия хватает... как ты его называешь?

— Бластеры,— сказал Сур.— Мальчики так называют.

— «Мальчишки!»— рявкнул Киселев.— Немедленно, немедленно изолировать этих мальчиков! Пятиугольник, ты связался с постом?

Пятиугольник! Значит, Рубченко уже разговаривать начал!

— Дорожный пост не отвечается,— доложил слабый голос.— Контроль показывает помехи от автомобильных двигателей. Разъездились...

— Докторша гоняет лихо,— пробормотал Киселев.— Дадим расчечкику запрос на блюдец. Ты еще не видишь, Пятиугольник!

— Пока еще слепой.

— Ну подождем. Дай запрос на блюдец,— сказал Киселев.— Квадрат сто три! Сейчас же отыщи мальчишку с ключами.

Голос Сурена Давидовича ответил:

— Есть привести мальчишку...

Скрипнул отодвигаемый табурет.

— Так или иначе, его необходимо...— заговорил Киселев.

Но Степка больше не слушал. Вылетел наружу, подхватил Верку и протащил его мимо дома, через улицу, за пустой киоск «Союзпечати».

Между прочим, нас в городе поймать — безнадежное дело. Мы не зря в казаки-разбойники играем. Степку и Валерика из-за будки сам Шерлок Холмс не увидев бы, а они сквозь стекло могли смотреть во все стороны.

— Валерик, срочный приказ!— выпалил Степка.— Беги к Малго-

се, выпроси ее платье в горошек, синее, скажи — мне нужно. Приказ! И ни слова никому!

Верка у нас бессловесный. Он только вытаращился. Степка сказал, чтобы платье завернули получше, завязали веревочкой. Если Малгоси нет дома, пусть Валерик подождет во дворе. Притащить платье на голубятню. И никому, ни под каким видом не говорить, что в свертке и где Степан. Даже дяде Суру.

Верка пропищал «есть!» и убежал. А Сурен Давидович вышел из подвала и скрылся в глубине двора. Постоял чуть-чуть, поправил куртку и ушел.

Вот дьяволищина, он должен бояться Сура! Проклятые гады! Они добрались до Сура, понимаете? У них связь, они перехватят Алежу с доктором, и тогда будет что-то по-настоящему ужасное.

Что будет тогда, Степка не знал. Пока что он следил за Суром. Этого нельзя объяснить. Вы не знаете, как мы все любили Сура. Теперь Степка за ним следил, а наш Сурен Давидович дружелюбно разговаривал с врагами и сам стал одним из них под кличкой «Квадрат сто три».

— Ну, держись... — пробормотал Степан. Перемахнул через улицу. На бегу бросил связку ключей сквозь решетку в колодец перед заложённым окном подвала.

Прежде чем обогнуть угол дома, он выглянул из-за трубы и увидел спину Сурена Давидовича.

А, идешь к голубятне. Знаешь, где искать... Вот он скрылся за нижней, дощатой частью голубятни и позвал оттуда: «Степик!»

Боком, не сводя глаз с зеленых досок, Степан проскользнул в приоткрытую дверь подвала. При этом со злорадством подумал: «Велел наблюдать — пожалуйста...».

В коридоре стояла огромная, коричневого дерева вешалка. На ней круглый год висел рыбацкий тулуп Сурена Давидовича, тоже огромный, до пят.

«Получай свой главный полдень», — подумал Степан, забираясь под тулуп. В кладовой молчали. Сколько времени Верка будет бегать за платьем? Если Малгоси пришла из школы и если сразу даст платье — минут двадцать. Пока прошло минут пять. Сур, наверно, обходит подъезды. Только бы Верка не нарвался на него. Малыш все выложит дяде Сурену — и пропала затея с Малгосиным платьем.

Малгося Будзинская — девочка из нашего класса. Она полька, ее зовут по-настоящему Малгожата. Штукун с переодеванием они со Степаном уже проделали однажды, под Новый год, — поменялись одеждой, и никто их не узнавал на маскараде.

Степка здорово волновался, сидя под тулупом. Решил посчитать, сколько раз за сегодня пришлось прятаться. Раз десять или

одиннадцать — сплошные пряталки. За вешалкой скреблась рыжая крыса.

— Блюдец не посылают, — проговорил за стеной Рубченко-Пятиугольник, — Рискованно. Над ними проходит спутник-фотограф.

— Будьте счастливы, перестраховщики, — сердито отозвался Киселев.

Рубченко засмеялся: «Э-хе-хе».

Степка слышал, как он повернулся на кровати и как заскрипел табурет-развалюха под Киселевым.

— А ты не тогочи, — тихо проговорил Киселев. — Забываешь...

— Виноват, — сказал Рубченко. — Виноват. Капитану Рубченко не повезло, а монтеру Киселеву пофартило.

— Ты о чем это?

— Да я так...

— О чем, спрашиваю!

— Один стал Углом, а другой — Пятиугольником, — пробормотал Рубченко.

— Потому и сидишь в низшем разряде, — наставительно сказал Киселев, — что путаешь себя, десантника, с теплом. Это надо изживать, Пятиугольник. Ты не отключился от Расчетчика?

— Молчит.

Киселев выругался. Рубченко заговорил приниженно:

— Я, конечно, Пятиугольник... всего лишь...

— Ну-ну?

— Телу моему, капитану милиции, полагался бы десантник разрядом повыше...

— Видимо, так. У него должны быть ценные знания. Говори.

Рубченко откашлялся. Было слышно, что он осторожно кашляет — наверно, рана еще болела.

— Так я что говорю... Старуха и мальчишка могут проскочить в район. Так? Неприятный факт, я согласен. Но треба еще посмотреть, опасный ли этот факт. Пока районное начальство раскумекает, пока с командованием округа свяжется, а генерал запросит Москву — о-го-го! Минимально шесть часов, пока двинут подразделения. Ми-нимально! Так еще не двинут, еще не поверят, уполномоченного пошлют удостовериться, а мы его...

— Мы-то его используем, — рассеянно сказал Киселев.

— Во! А он в округ и отREPORTует: сумасшедшая старуха, провокационные слухи и те де.

— Здесь тебе виднее. Ты же милицейский, «мусор»...

— Правильно, правильно! — лстиво подхватил Рубченко. — А за «мусора» получите пятнадцать суток, молодой человек!

Степка засунул кулак в рот и укусил. Потом еще раз. Он уже понимал, что Павел Остапович не всегда был таким, что его только

минутным утром превратили в «Пятиугольника», и сначала Степка почувствовал облегчение, потому что самое страшное было думать: наш дядя Павел всю жизнь притворялся. И Сурен Давидович. И даже Федя-гитарист, до которого раньше Степка не было дела.

Но только сначала. Теперь Степка кусал кулак, пока кровь не брызнула на губы, и всем телом чувствовал, какой он маленький, слабый, и сидит, как крыса, в шкафу, провалившем оцинковке. Но когда заговорил Киселев, Степка выплюнул кровь и подобрался.

— Пятиугольник — Пятиугольник и есть... Округ, подразделения... В этом ли дело! Информация всегда просачивается, друг милый. На то она и информация... — Киселев, похоже, думал вслух, а не говорил с капитаном. — Загвоздочка-то в ином, в ином... Расчетчик не помнит ни одной планеты, сохранившей ядерное оружие. Мерзкое оружие. Стоит лишь дикарям его выдумать, как они пускают его в ход и уничтожают весь материал. Кошмарное дело.

— Ты видел это?

— Да. Много десантов назад. Пустая была планета.

— Сколько материала гибнет, — сказал Рубченко и вдруг прохрипел: — Х-хосподи! Так здесь ядерного оружия навалом! Как они выжили, Угол третий?

— Не успели передрались, — равнодушно сказал Киселев. — Сейчас это неважно. Ты радиус действия водородной бомбы знаешь?

— Откуда мне знать? Говорили, правда... на лекции...

— Ну-ну?

— Забыл. Склероз одолевает.

— Оправительная планета, — сказал Киселев. — Никто ничего толком не знает. Бомбы, ракеты, дети... Мерзость. А ты говоришь, уполномоченный. Он больше нужен нам, чем им; хоть радиус действия узнаем.

— Не посмеют они бросить, ведь на своих!

— Могут и посметь.

Они замолчали. Стукнула дверь, быстро прошел Сурен Давидович. Степка, как ни был потрясен, удивился: Сур совершенно тихо дышал, без хрипа и свиста.

Где же его астма?

— Мальчишка сквозь землю провалился, — сказал Сур-Квадрат сто три. — Объявляю его приметы.

— Объявив уже, — прошалестал Рубченко. — Приметы его известные...

— Почему он скрывается от тебя? — спросил гитарист.

— Умен и подозрителен, как бес. Прирожденный разведчик.

Киселев выругався. Степан все-таки покраснел от удовольствия. Отругавшись, Киселев сказал:

— Не будем терять время, десантники. Квадрат сто три, ко-

рабль не охраняется, обстановка складывается сложная. Справишься! Там еще Девятиугольник. Предупреждаю: пучеметами не пользоваться!

— Есть, — сказал Сур. — Пятиугольнику, машину!

— Вызываю.

— Машину хватает? — спросил голосом Сура Квадрат сто три.

Киселев ответил:

— Штук тридцать. Пока хватает.

— Я вижу, вы времени не теряли в самом деле.

Они замолчали. Наверно, Квадрат сто три смотрел в окно — голос Сура проговаривал: «Какой сильный ветер. Пыль».

— Не теряли... — подтвердил Киселев. — Айн момент! Квадрат, ведь ты был в малом посреднике!

— Конечно. Ты меня выпустил.

— Ты же не в курсе насчет детей. Сюрпризец. На этой планете детеныши... (В это время Рубченко густо крикнул, и Степка не расслышал последнего слова.)

Квадрат сто три прохрипел: «Что-о-о?», а Угол окрысился:

«То, что я говорю! И нечего чокаться! До шестнадцати лет примерно — сейчас в школе уточняют».

Степка снова прихватил зубами кулак. Говорят: «детеныши» и что-то скверное «уточняют в школе», и Федя-гитарист кричит на Сура, а тот своим привычным, грустным голосом говорит:

— Какая неожиданность! До шестнадцати лет — третья часть всего населения. Третья часть, скажи! А до сигнала наводки еще семь часов, ах как нехорошо... Нужно очень охранять наводчика.

Киселев больше не кричал, и, видимо ободренный этим, Рубченко поддержал Сура:

— Проклятая работа! Знаешь, сколько десантников на телескопе? Экономим горючее, не берем своего наводчика...

— Мол-чать! — рявкнул Киселев. — Вспомни о распылителе, Пятиугольник двести! А ну двигай в город и действуй по расписанию... Найдешь мальчишку — обеззредь его. Ступай! Корабли ждут на орбите, а каждый Пятиугольник рассуждает...

Крыса опять эшшавелилась под вешалкой. Скрипнула дверь кладовой — тяжело ступая, прошел Рубченко. Бинтов на его голове не было.

Почти тотчас вышли и Сур с Киселевым. Но прежде они поговорили о том, что сигнал будет послан в двадцать часов плюс-минус пять минут, а до тех пор надо держаться, хоть тресни. Проходя по коридору, Сур спросил:

— Следовательно, штабная группа сосредоточена при телескопе?

— Пока штаб весь в разгоне.

Они захлопнули дверь тира снаружи.

В коридоре стало совсем темно. Аккуратный заведующий тиром не забыл выключить электричество в кладовой. Степка, чтобы утешиться, пробормотал: «Вы — с носом, а я — с оружием...» Он пробрался в кладовую и уже протянул руку к сейфу.

Дьявольщина! Ключи-то валялись на противоположной стороне дома, в колодце перед заложённым окном стрелкового зала! «Какая неожиданность...!» — повторил он про себя слова Сура и было побежал за ключами. Но остановился. Они оповестили всех своих через говорящие штуковины. Сколько их, неизвестно. Каждый может схватить за шиворот и вообще... Даже Верка не был надежен — повстречался ему такой тил, и готово. Верка, Верка... Что-то там у них еще с детьми. Проверяют... Степан присел за стол, чтобы подумать. На полу кладовой валялись бинты, вата вперемешку с бетонным шлаком из стены. Почему-то Сур не запер дверь кладовой перед уходом. Ого! Ведь у него все ключи на той связке! И он захлопнул наружную дверь. Значит, возвращаться не собирается. Значит, можно отсидеться здесь, пока все не кончится.

Есть хлеб, сахар, коробка яиц. Вода в кране. Ночью выберется, добудет ключи — и он вооружен, как в крепости. Начнут ломиться — будет стрелять сквозь дверь. Есть газовая плитка и вермишель.

И книги.

Он видел в окошке голубятню — ярко-зеленые столбы, сетку. Представил себе, как он будет сидеть, словно крыса под вешалкой, а Верка будет ждать в голубятне, пока эти не найдут. Малыш сейчас должен явиться.

Минут пять Степка просидел, глядя в окно. Солнце обошло дом и светило в пыльные стекла, пришлось влезть на кровать ногами, чтобы убедиться: это Валерик. Он бежал с коричневым маленьким чемоданчиком, ноги в коротких штанишках так и мелькали. Степка пожал плечами, вздохнул и пошел наружу. Совсем очумелый. Его мысли колотились, словно о каменную стену, о «малого посредника», в котором был Сур. Ведь мы думали, что только «еговый пень» гипнотизирует. Внушает, что Сур, например, Квадрат сто три и он должен действовать заодно с пришельцами, а сами пришельцы где-то прячутся. Степка первый раз твердо произнес про себя это слово. Да, пришельцы, и они хотят загипнотизировать всех людей! Не убивать, а покорить гипнозом. Это гнусно. Однако еще не особенно страшно, если у них только один «посредник» гипнотизер. Много народу с ним не обработаешь. Но если у них еще маленькие «посредники», карманные. Тогда каждый из гипнотизированных гуляет с такой штукой в кармане. Тогда им целая армия не страшна. Что же делать? Дьявольщина! О маленьких «посредниках» Алешка не знал, уезжая...

Кое-как Степан уговорил Верку пойти домой и там ждать следующего приказа. Оставшись один, натянул платье, спрятал брюки в чемоданчик и слез с голубятни. Ужасно неловко было в платье. Малгося — умница, догадалась прислать и платочек из такой же, как платье, материи в беленький горох. Еще хорошо, что мы недавно прочли про Гека Финна, как он переодевался под девочку. Степан твердо запомнил: нельзя совать руки в карманы, а когда тебе что-нибудь бросят на колени, надо их не сдвинуть, а раздвинуть, чтобы поймать. Так там написано.

Первым долгом он выудил ключи — в юбке лазить было страсть неудобно. Вернулся в тир, перетащил все винтовки из кладовой в стрелковый зал и запрятал под мешками с песком. Потом взял в чемоданчик два боевых пистолета, две коробки патронов, обоймы. Запер сейф, кладовую, положил ключи тоже в Малгосин чемодан и ушел.

КУДА БРОСИТЬСЯ!

План его был не сложен — прорваться в район или в воинскую часть, что стоит недалеко от шоссе. На возню с переодеванием и остальное ушло полчаса. Около двух он был на автобусной станции. Он ведь не знал, что автобусные рейсы отменены. Не знал, что в восьми километрах от города стоит застава и никого не пропускает дальше. Все это ему сказали уже на станции. Там шумели возбужденные, ожарелые люди, громко рыдала женщина в черном платье. При Степке вернулся грузовик, набитый людьми, они с криками посыпались наружу: «Вернули! Милиция не пропускает! Мост обвалился!». Кассирша, стоя на ступеньках автостанции, успокаивала народ. Один парень спросил Степана, принимая его за девочку:

— Далеко собралась?

— В район, дяденька.

Парень кивнул.

— В гости?

Степка не отрицался — в гости.

Парень качался с ноги на ногу, руки засунул в карманы и злобно курил, не сводя глаз с кассирши. Он был длинный, с угольным чубом. Рот у него был приметный — изогнутый, как лунный серп, так что получалась улыбка на бледном, злом лице.

— Как тебя звать?

— Малгося, — ляпнул Степка, не подумав, и стал пятиться, потому что парень опустил глаза и пробормотал:

— Гляди, как выросла. Не узнаешь...— Он выплюнул окурок.— Шла бы домой.

Он повернулся тощей, широкой спиной и закрутился в толпу. Через секунду его антрацитовая голова блестела уже далеко в стороне, он сел на скамейку посреди сквера и закурил.

Степан стал пробираться к нему, потому что парень был не из тех. Как он это узнал? Очень просто. Они с Малгосей совершенно не похожи. Она смуглая, чернобровая, а Степка — белобрысый и веснушчатый. Человек из тех, знающий Малгосю, обязательно бы заподозрил неладное, ведь Степкины приметы передал Рубченко-«десантник».

Но Степан к чубатому не добрался — тот оказался непоседой. Вскочил, опять выплюнул окурок, протиснулся к кассирше и закричал на нее:

— Когда переправу наведут, говорите точно! Когда? Саперы вызваны?

— Я человек маленький! — верещала кассирша. — Я саперами не командую!

— А Березовое? — гаркнул чубатый.

— Грязь там, грязь! — надсаживалась кассирша. — Грязь, машины вязнут!

— Па-анятно, — сказал парень и снова метнулся в толпу.

Степан приподнялся на носках и увидел рядом с его шевелюрой милицейскую фуражку. Парень энергично наседавал на милиционера. Их сразу обступила куча народу. Степан влез на скамейку. Дьявольщина! Рубченко успел переодеться в форму. Чубатый говорил с воскресшим капитаном!

Рубченко взял парня под правый локоть. Со стороны это выглядело совсем невинно: обходительный офицер милиции объясняет положение дел взволнованному горожанину. Дела, видимо, печальные — тот свободной рукой схватился за сердце.

Он еще не опустил руку, а Степки уже не было поблизости, вот как. Теперь дело времени — рано или поздно он вспомнит про ложную Малгосю... «Что же делать? Я не вертолет, я не могу взлететь и опуститься в районном центре!» — с отчаянием думал Степка.

Часы на автостанции показывали четверть третьего. До неведомого «сигнала» оставалось меньше шести часов. Если бы Степан каким-то чудом и пробрался в район, то за час до сигнала. Ну, за полтора. Это первое. Второе: Алешка с доктором могли и прорваться. Они на машине, да еще с бластером. И третье: он, Степка Сизов, рванул на автостанцию из трусости, из чистой трусости. Испугался этих, решивших с ним расправиться.

— Эй, пошли попрыгаем! — крикнул ему незнакомый цыганистый мальчишка.

Они там скакали через веревочку на скавере.

Степан забился в щель между палаткой «Овощной базар» и пустыми ящиками. «Попрыгаем! Кое-кто уже прыгает, и даже без веревочки». Когда Степка начинал сомневаться в своей храбрости, ему удержу не было. Теперь он знал, что не уедет из Щеккина, даже если за ним пришлют персональный самолет. У него есть оружие. Он проник в их планы. Он надежно замаскирован, и плевать ему, что он один и никому не может довериться! «Плевать! — пробормотал Степка. — Да им на меня покрепче наплевать. Эх, дьявольщина! Корабли на орбите...»

Та-та-та... — пропел автомобильный гудок. Сиплый голос прорычал:

— На Синий Камень везу и к телескопу! Бесплатно!

Не успев додумать мучительно важное насчет кораблей на орбите, Степка промчался через сквер, мимо ребят с прыгалками, и влез в грузовик — тот самый, который при нем вернулся на автостанцию. Снова засвистел ветер, замелькали один за другим: молокозавод, второй микрорайон, школа, универмаг, почта, синяя вывеска милиции, дом с тиром. Степан сидел, прижимая к груди чемоданчик. На шоссе закрыл глаза. Он все-таки здорово запутался, и простое решение, которое ходило совсем рядом, ускользало от него, как упавший в воду кусок мыла ускользает от руки.

Та-та-та... — снова пропел гудок, и Степка схватил это решение. Сигнал! Сигнал в двадцать часов — наводчик — корабли на орбите!

Они ждут на какой-то орбите, пришельцы там, а эти — не настоящие пришельцы. Они должны подготовить плацдарм и в двадцать часов послать сигнал с «наводчика». Что такое «наводчик»? Они сами сказали, что своего «наводчика» у них нет. Телескоп используют как «наводчика». Ведь наш радиотелескоп не простой, он приемно-передающий, нам рассказывали на экскурсии. Он может принимать радиоизлучение из космоса и может управлять полетом космических кораблей — к Венере, например, или к Марсу. Наводить их на цель. Наводчик, понимаете? По лучу нашего радиотелескопа ложные пришельцы сумеют направить хоть тысячу кораблей, и они будут садиться вокруг нашего городка совершенно спокойно! У нас даже телефона теперь нет, словно в каменном веке! Корабли будут садиться, а кругом ничего не узнают, «Мы десантники, справимся», — говорили они. Значит, загипнотизированные работают, как передовой десант, и в двадцать часов пошлют настоящим пришельцам сигнал: плацдарм захвачен.

«Эти прямо дрожали, когда говорили о телескопе», — думал Степан. Угол третий зарычал и напомнил Пятиугольнику двести о каком-то «распылителе». Когда Пятиугольник сказал: «Экономим

горючее, не берем своего наводчика», гитарист так и рывкнул.. Они и Щекينو выбрали из-за телескопа. «Ладно. Я вам покажу телескоп...».

Добродушная тетка с цыплятами, орущими в корзине, наклонилась к Степану и спросила:

— Девочка, ты тифом болела?— Он промолчал, а она громко зеохала:— Да я бы такую мать послала рыбу чистить, а не детей воспитывать!..

Кто-то засмеялся и спросил, почему рыбу чистить, а тетка ку-дахла, что девушечка стриженная, бледная и бормочет неапопад, а рыбу чистить — не детей воспитывать. Оказывается, Малгосин платочек валялся на полу, и тетка с цыплятами завязала его на Степке «по-модному», под подбородком,— едва не задушила.

— Вертолет, вертолет!— крикнул кто-то.

Правда! С юга, от района, тархтела зеленая стракоза, и Степка едва не вывалился из грузовика, который замедлил ход, чтобы водитель и все пассажиры могли полюбоваться.

— У-ру-ру!— закричал Степан.

Вертолет, военный! Значит, добрались доктор с Алейкой, и будет теперь порядок!

Он забыл, что через Березовое они едва-едва спустя полчаса могли прибыть в райцентр, и орал «у-ру-ру!», пока вертолет сел на совхозный выгон, раздувая пучки прошлогодней вьики. Только он сел, из ближнего перелеска вывернулся горсоветский «газика» и подкатил вплотную к вертолету, под медленно вращающийся винт. Было видно, как трепещет брезентовая крышка «газика» — Стелкин грузовик проезжал совсем близко от места посадки.

Из лузатой кабины выбрались двое — военный и гражданский. Двое местных встречали их в промежутке между машинками. Степка не рассмотрел встречающих — мешал кузов автомобиля.

Приезжих он видел хорошо: майор, затянутый «в рюмку», с крупным, красивым лицом, а гражданский — невысокий, в приметной блестящей седине, приметном темно-сером костюме и с начальственной постановкой головы.

Все налюбовались встречей, грузовик загудел, и пятидесятый раз за этот нескончаемый день Степан увидел проклятый жест — двумя руками за сердце разом: два человека, четыре руки...

Он забился в свой угол. Два человека, еще два. Вдруг стало безнадежно-отчаянно. Так ловко, так спокойно это проделывалось. Они брали нас без выстрела. Команда вертолета наверняка ничего не заметила: доставили пассажиров, куда было приказано, и — т-р-р! — затархтели обратно. Те могли и вертолет захватить, но почему-то не пожелали. Помиловали. Из всех зрителей это пони-

мал один лишь мальчишка четырнадцати лет. Он ехал к телескопу, и на коленях у него стоял чемоданчик с двумя пистолетами и сотней патронов к ним. Все. Больше ничего не было.

ПОСЫЛКА

В машине оставался один попутчик. Остальные сошли у Синего Камня. Это был маленький голубоглазый старик, пряменький, с высоким выпуклым лобиком и смешным ртом. Нижняя губа — сковородником, как у Валерки, когда он собирается взвать белугой. Степка не видел его прежде, потому что старичок был деревенский и прямо из деревни пришел и нанялся охранником на телескоп. По дороге от Синего Камня он с большими подробностями рассказал, какой он раньше, в деревне, был здоровый и как его две войны не пробрали, а сидячая работа прошибла так, что он четыре недели пролежал в районной больнице. Он от хохота наливался кровью, вспоминая, как ему «литание непосредственно к койке подвозили, на резиновом ходу».

Так он болтал, тараша озорные глаза, а Степка думал о своем и, казалось бы, совершенно не слушал. Когда же старичок спросил, зачем «мадемазель» едет к телескопу, Степка вдруг брякнул:

— Посылку везу, дедушка.

— За делом, следовательно,— отметил старичок.— Для кого посылка?

— Для Портнова Вячеслава Борисовича,— снова брякнул Степка.

— Зна-атный человек! — восхитился попутчик. — Зна-атный!.. А что в посылке содержится?

— Не знаю,— сказал Степка.— Мое дело передать.

Он рассчитывал, что дед, как охранник, проведет его к Портнову. Старичок был, несомненно, не из тех — смеялся весело, тонко, заливисто и очень смешно распахивал большой рот с крепкими черными зубами. Те смеялись грубо, коротко. Как лаяли.

— Передашь, передашь, вот сейчас и передашь,— болтал попутчик.— Считаю, приехали... Постовой позвонит, Портнов подойдет на проходную Зойку-секретаршу, получишь шоколадку — и лататы... Михалыч! — завопил он прямо из кузова охраннику, стоящему у ворот.— Михалыч, тута мадемазель с посылкой к Портнову!

Степка смотрел на носки своих ботинок. Влопался! Ясное дело, он не собирался отдавать чемодан с оружием одному из тех. Он хотел под видом посыльной пробраться к Портнову, а еще лучше — к профессору Быстрову, директору. А теперь что? Говорить,

что пошутил, то есть она пошутила, и никакой посылки нету? Или требовать, чтобы его самого провели к Портнову?

Он сидел в машине, пока водитель его не шуганул. Соскочил. Пистолеты брякнули в чемодане. Дед-попутчик суетливо отряхивался. Охранник от ворот пробасил:

— Я-то думал, ты с внучкой приехал. Здорово?

— Э-э! Была у собаки хата...— затархтел старичок.

— Завелся,— сказал охранник.— Стулай в дежурку, Прокофьев...

Устав тебе прочтут... новый. Ха, ха...

Степка, наверно, побелел: он-то знал, какой «устав» прочтут веселому старичку в дежурке. Охранник несколько секунд смотрел на него с мрачным интересом,

— Кому привезла?

Степка пожал плечами, выгадывая время.

— А ну покажи.— Охранник протянул руку за чемоданом.

Степка отошел на два шага.

Охранник ухмыльнулся и, наклонив голову, стал смотреть на странную девочку. Степка решительно выдержал его взгляд, но был готов ударить в любую секунду. Догони меня, попробуй... Михайлыч пожал плечом, сплюнул и показал на ворота:

— Беги вон, налево, в лабораторный корпус, по лестнице на второй этаж и налево до конца. Портнов ждет.

Степка пошел. В ворота и налево по бетонной чистой дорожке, по расплывчатым полосам тени, падающим от стальных ферм телескопа. Он шел в проклятой юбке, и нельзя было сунуть руки в карманы, и сзади, от ворот, на него смотрел мрачный Михайлыч. И невозможно было догадаться, кого или чего ждет Портнов. Совершенно свободно неведомое нечто, умеющее гипнотизировать людей за долю секунды, владеющее бластерами, зелеными радиостанциями-«слизняками» и прочей дьявольщиной,— совершенно свободно, думал Степка, оно могло проследить за каждым его шагом и узнать, что он везет в чемодане, и нарочно приказать пропустить его.

Двух шагов хватало как раз от одной теневой полосы до следующей. Вот корпус и дверь. Входи!

Вот корпус. Сколько времени ты мечтал о пистолете в правой руке и пистолете в левой руке — входи! Ты умеешь стрелять с левой, стрелять быстро и попадать. Охота тебе стрелять, Степан! Не сворачивай на крыльцо, иди прямо, вкруг холма и к забору... Тебе же совсем неохота стрелять...

Он вошел. За стеклянной дверью мягкий пластмассовый ковер намертво глушил шаги. По лестнице, как река, стекала мягкая дорожка. Степка поднимался с усилием, будто плыл против течения. Корпус был тих и безлюден, тишина жужжала в ушах. Пустой коридор

дор смотрел на Степана блестящими глазами ламп. Редкие двери были толсто обиты кремовым пластиком.

Дощечки висели наклонно на выпуклой обивке; Степка отсвечивало, ростом он был мал. Приподнимался на цыпочки, чтобы прочесть: «Липилиев Р. А.», потом «Кротова З. Б.» и вот «Портнов В. Б.».

Если бы знать, чего ждет, сидя за этой дверью, тот, который сегодня утром был Вячеславом Борисовичем Портновым, а сейчас неизвестно кто. Степан оглянулся. Показалось, что невидимые пришельцы-гипнотизеры висят над дверями, как воздушные шары, и смотрят невидимыми глазами. И Степка, спасаясь от невидимых глаз, дернул дверь с табличкой и очутился в темном, узком тамбуре между двумя дверьми. Набрал полную грудь воздуха, толкнул вторую дверь и очутился в кабинете, напротив письменного стола.

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ

— Здравствуй, здравствуй!— Портнов улыбался и кивал, выглядывая из-за настольной лампы.— Ты ко мне, девочка?

Ослепительное солнце било в стеклянную стену кабинета. Степка прижмурил глаза.

— Ты ко мне?— повторил Портнов.— Так тебя послал...

Он замолчал и, приподнявшись, посмотрел на чемодан.

Степка кивнул: у него перехватило голос.

— Ну давай тогда. Странно...

Степка быстро присел на стул справа от двери, вздернул чемодан на колени, приоткрыл. Портнов, улыбаясь, поставил ребром на стол плоскую зеленую коробку размером с папиросный коробок. Такую же коробку гитарист приносил к дверям тира. Степка узнал ее, но уже некогда было пугаться. Он придержал крышку чемодана левой рукой, правой нащупал ручку «Макарова», выхватил его и предупредил:

— Спуск со «шнеллером», стреляю без предупреждения... Руки!

Руки инженера безжизненно лежали на столе. Серые, безжизненные губы проговорили:

— Пистолет — не игрушка для девочек. Дай сюда.

— Ну уж нет... Эту штуковину оставьте в покое, слышите?!

Рука отодвинулась от зеленой коробки. Инженер глубоко вздохнул, щеки как будто порозовели.

— Играешь в разведчиков, дитя века? Чего ты хочешь, собственно?

— Погодите,— сказал Степка,— Я вам сначала скажу вот что, и не забывайте о «шнеллере». (Тот кивнул осторожно.) Я знаю, что вы думаете, будто вас нельзя убить. Вы оживаете, да?

— Ты сошла с ума,— прошептал инженер.— Ты что-то путаешь.

— Ну уж нет. Это вы не понимаете, что на таком расстоянии вам разнесет голову в клочья...

Инженер опять кивнул и прищурился. Степка подумал, что зря он выкладывает про оживание.

— Предположим, я это понимаю,— проговорил Вячеслав Борисович.— Что дальше? Откуда ты взяла, что меня нельзя убить?

— Это вам все равно. Вы должны вывести из строя телескоп.

Инженер ухмыльнулся:

— Можно почесать затылок? Нельзя... Ну, считай, я почесал. Как же я выведу из строя телескоп, по-твоему?

— А мне плавать, как.

— Рассуди сама, дитя века. Предположим, я согласился и пошел в аппаратную с дубиной — ломать и крушить. Ведь ты пойдешь со мною со своим «шнеллером», иначе я просто запрю тебя снарядом. Так?

Степка молчал.

— Так. А при входе в аппаратную и еще кое-где стоит вооруженная охрана. Ей покажется немного странным наше поведение. Здесь не принято водить начальство под дулом пистолета. Да еще со «шнеллером». Отдай-ка пистолет и все остальное и убирайся подобру-поздорову...

«Взрослые нас ни в грош не ставят»,— думал Степка. Этот даже под гипнозом не поумнел. Не верит, что девочка сможет в него пальнуть. А в самом деле, как он испортит телескоп? Это же не просто так, не проволочку сунуть в розетку.

— А мне плавать,— сказал он вслух.— Вы инженер. Вот и думайте. Я посчитаю до десяти, потом высажу всю обойму вам в голову. Вот и думайте. Раз...

Он быстро нагнулся и, не сводя глаз с Портнова, опустил чемоданчик на пол. Выпрямился, встал. Платье сильно резало под мышками, и было жутко видеть перед собой человека, в которого сейчас придется стрелять,— вот что чувствовал Степка. Он отсчитывал: «Четыре... пять... шесть...»— и подходил все ближе, и глядел в неподвижные, странно блестящие глаза инженера. Остановившись перед самым столом, он сосчитал: «Восемь»— и вдруг понял, что умирает.

...Ему казалось, что он только что произнес «восемь». Почему-то он валялся на спине, с закрытыми глазами, с головой, повернутой влево. Он приоткрыл глаза—рядом с головой были ноги в светлых брюках.

Вячеслав Борисович стоял над ним, держа в одной руке зеленую коробку, в другой — пистолет. Дьявольщина! Это был тот самый пистолет, из тира!

Степка приподнялся. Инженер подмигнул ему, отвел от бедра руку с пистолетом, прицелился ему в переносицу и нажал спуск. Щелкнул боек — осечка.

Степан не испугался, когда дуло уставилось в его глаза. Хуже этого ощущения смерти, которое он пережил дважды — в подвале и здесь, — ничего не могло быть. Он лежал и смотрел на инженера. А тот спокойно вынул из пистолета пустую обойму, проговорил: «Казак-разбойник...» — и опустил пистолет в карман.

«Не заряжен!» — понял Степка. Он зарядил один пистолет, а второй — забыл, и ему попал в ладонь именно незаряженный! Дьявольщина!

— Ты фашист, гад, — сказал Степан. — Предатель. Предатель. Предатель... — повторял он, чтобы не зареветь.

— Прошу без крепких выражений, — лениво проговорил Портнов, обошел стол и снова сел, будто ничего не случилось. — «Фашист, предатель»... Кто к кому заявился со «шнеллером»? Но так-то превратности судьбы. Твой мозг по малолетству не может пригодиться десантнику, а жаль... Хороший мозг. Вставай, нечего валяться. Пол грязный... Вот и молодец. Как ты себя чувствуешь?

— Что вы со мной сделали? — яростно крикнул Степка.

— Надо ли тебе знать, вот вопрос. — Инженер поставил зеленую коробку на прежнее место. — Вот вопрос... С другой стороны, ты, как принято говорить, уже знаешь слишком много, а? (Степан молчал.) Могу сказать, что я с тобой сделал. На тридцать секунд превратил тебя в десантника, обезоружил и вернул в первобытное состояние. Понял? — Он погладил зеленую коробку так же нежно, как гитарист гладил еловый пень в такси.

Степка охнул:

— «Малый посредник»!

— М-м, «малый посредник», о мое грамотное дитя... Где Степан? — спросил он в упор.

— Какой Степан, дяденька? — отвечал Степка.

Тогда инженер снял телефонную трубку, зажал ее между плечом и головой и принялся постукивать по рычагу. В свободной руке он держал зеленую коробку «посредника». А Степка вдруг вспотел. Он понял, что Портнов сейчас вызовет кого-то, может, и веселого деда-охранника, и прикажет девчонку увести и пристукнуть. Тут же он понял, что его нельзя было долго держать под гипнозом — «по малолетству», как выразился инженер, — и поэтому тот не успел расспросить его и узнать, что еще лежит в чемодане. О втором, заряженном, пистолете не знает...

Портнов сердито дул в трубку, крепко держа в руке «посредник». Чемодан, чуть приоткрытый, лежал в двух шагах от двери и в трех шагах от Степкиных ног. Язычок замка загнулся внутрь и не дал крышке стать на место.

Степка покосился, примерил расстояние. Инженер, скосив глаза, набирал номер. Степка прыгнул, отшиб крышку... блеснула синяя рукоятка, он схватил ее и выстрелил наудачу, одновременно нажав на спуск и предохранитель. Ре-ах! Ре-ах! — гроыхнули стекла. Первая пуля вдребезги разбила телефонную трубку, вторая ушла в стену.

Инженер уронил трубку и закрыл глаза.

«Увело отдачей», — подумал Степка, будто это было самое важное. Подошел и легко вынул «посредник» из большой слабой руки. Ящичек был тяжелый. С одной стороны была крошечная якоронка, с другой — две нити: длинная и совсем короткая.

— Вот так так, — прошептал Степан и посмотрел наконец на Вячеслава Борисовича внимательно.

Он как раз открыл глаза. Контузило его не сильно, только исцарапало щеку осколками пластмассы. Открыв глаза, он уставился на ящичек в Степкиных руках и тихо, срывающимся голосом проговорил:

— Отдай... Отдай... Взорвется!

— Ну уж нет, — сказал Степка, сам себе не веря.

Инженер смотрел на него с ужасом, понимаете! Беззвучно шевелил серыми губами.

— А теперь вы меня бонтесь, — сказал Степан.

— Отдай! — Голос был сдавленный, сиплый.

Степан поднял «посредник», проверил длину обеих ниток. Руки перед гипнозом лежали на столе. Чтобы включить «посредник», инженер должен был дернуть за длинную нитку. Короткая мала. Зачем здесь две нити? Он сам себе не верил. Он только видел, что тот помирает от ужаса, а выстрелить никогда не поздно. И дернул за короткую нитку.

Ящик стал тяжелей, Инженер закрыл глаза. Больше ничего не произошло.

Степка попятился, натолкнулся на стул. Сел. Плохо держали ноги. Пистолет гулял в руке. Надо бы запереть дверь, подумал он. Оттуда могли услышать пальбу, хотя дверей две штуки и одна обита. Только где возьмешь ключ.

Портнов зашевелился и забормотал, не поднимая век:

— Почему вы храните мою посылку?.. Что? — Он вдруг ясно посмотрел на Степку: — Ты ко мне, девочка? Я заснул. Странно...

Степке казалось, что каждый толчок сердца ударяет его о спинку стула. Неужели удалось? Ой, неужели удалось?

— Бросьте притворяться,— пробормотал он.— Не поможет.

Инженер провел рукой по щеке и посмотрел на окровавленные пальцы. Поднял разбитую трубку, осмотрел, кое-как пристроил на аппарате. И внезапно разглядел пистолет в Степкиной руке — стал смотреть попеременно то на трубку, то на пистолет. Оглянулся, нашел в стене пулевые отверстия — пожал плечами.

Если он притворялся, то артистически. Совершенно естественно ухмыльнулся и спросил:

— Не могла бы ты в следующий раз будить меня поделikat-ной?

— Вы не притворяйтесь,— еще раз сказал Степан.

Вячеслав Борисович очень внимательно посмотрел на него, нахмурился и попросил:

— Послушай, девочка, если тебе что-нибудь надо от меня, положи куда-нибудь свою пушку. Я под пушкой не разговариваю.

Степан вдруг догадался, как его проверить.

Он поставил «посредники» на стул, а сам, пятясь, отошел к окошку.

— Хотите поспорить, что попаду с одного выстрела?

Прежний Вячеслав Борисович, без сомнения, перепугался бы отчаянно за драгоценный аппарат. А этот, наоборот, оживился и предложил:

— Лули всю обойму, дитя века! Ставлю эту авторучку, что больше одного раза не попадешь,— и еще выкатил для искренности глаза.

Степка как стоял, так и сел. Подействовало, значит... «Посредник» сработал в обратную сторону! А инженер тем временем открыл рот, поковырял в нем пальцем и выудил зеленого «слизняка». Грустно посмотрел на него и пробормотал:

— Может быть, я еще сплю, а? Зачем ты сунула мне в рот это! Ты ловкая девочка, но все равно промахнешься, могу поспорить.

То есть он продолжал хитрить, чтобы Степан высадил всю обойму в «посредники» и пистолет стал безопасным. Если он не притворялся, то ничего не помнил с момента, когда его загипнотизировали.

Степка боялся верить своему счастью. Неизвестно, сколько он колебался бы еще, но инженер выудил из кармана второй пистолет и так напугался, что стоило посмотреть на это! Он побледнел и отбросил пистолет, а Степке стало смешно, что человек не побоялся оружия в чужих руках и передрефил, найдя его в своем кармане. Ему стало смешно, почему-то брызнули слезы, и, захлебываясь ими, он забормотал: «Вячеслав Борисович, Вячеслав Борисович!», а инженер сидел за столом и смотрел на него, открыв рот.

СТЕПКА ПОЛУЧАЕТ ИНСТРУКЦИЮ

Положение было все равно отчаянное. Вот-вот могли появиться другие загипнотизированные — Степка не сомневался, что все здешние сотрудники из тех. Они могли явиться на шум, либо просто по делу, могли вызвать Портнова по «слизняку». А Вячеслав Борисович ничего не помнил. Для него время остановилось в милицейском сарае, куда его заманили под пустяковым предлогом. Он словно заснул в сарае, а проснулся за своим столом. Он совсем ничего не знал. А тут еще Степан, переодетый девочкой, пистолеты, исцарапанная щека и голова, гудящая после контузии...

— Вячеслав Борисович, я вас разгипнотизировал! — кричал Степка.

Вячеслава Борисовича прошиб крупный пот, он почему-то забормотал тонким голосом:

— «Для больных, живущих в селении, устроены потильные комнаты с платою за потение на кровати 50 коп.».

— Какие комнаты? — спросил Степка.

— Потильные, какие же еще? Девочка, ради бога, что сей сон означает?

— Я не девочка, — бахнул Степан. — Это не сон, а пришьельцы.

— А! Конечно, конечно, я и забыл, — задумчиво сказал инженер. — Пришьельцы, конечно! И надо сообщить о них кому следует? Э, телефон-то того... А я, такая неудача, проспал пришьельцев... Какие они из себя? Ты, значит, не девочка?

Степка сдернул с головы платок.

— Ага... — Глаза у Вячеслава Борисовича опять были ошалелыми. — Ты и правда мальчик... Ну, пойдем рассказывать о пришьельцах?

Степка подбежал к нему:

— Вячеслав Борисович! Я не сумасшедший псих, честное слово! Поймите, вы же не спали, вас пришьельцы загипнотизировали в сарае! Помните? А я вас разгипнотизировал этой штукой... Вот, это их аппарат для гипноза, только за нитку не дергайте.

На всякий случай он не выпускал из рук «посредник».

— В сарае, это точно... — пробормотал Портнов.

Видно было, что он пытается вспомнить и не может. Он сказал:

— Точно... Повели меня в сарай, но что было дальше, хотел бы я знать. Откуда тебе известно про сарай?

— Да я сидел за стенкой, подсматривал. У них в сарае был поставлен «посредник», которым они гипнотизировали! Сначала вас, потом вашего шофера, а потом вы взяли маленький «посредник» и уехали. Не помните?

— Не помню,— сказал инженер.

Он блуждал глазами по столу, пытаясь уцепиться за что-нибудь, вспомнить хоть любую чепуху, заполнить хоть мелочью четырехчасовой провал в памяти. Он опять вспотел, словно выкупался, но уже не говорил о «потильных» комнатах.

— Они гипнотизируют,— говорил Степка.— Они уже всех, всех — и милицию, и почту, и горсоветских... Они хотят послать сигнал по вашему телескопу своим кораблям на орбиту, в восемь вечера. Они телескоп называют «наводчиком», понимаете? Не дерните! — Он убрал ящичек.

— Что, что? — вскрикнул инженер. — В двадцать часов?! — Его взгляд наконец-то ухватился за что-то на столе. — Как тебя зовут? А-а, Степаном? Гос-споди... — Он поднял со стола календарь, покрутил, поставил. — А это что — маленькое?

Степка стал объяснять: радиостанция такая, прилепляется в рот, на твердое небо». А вот этой штукой можно человека загипнотизировать, он только руки прижмет к груди — и готов. Но ею же можно и обратно сработать, если потянуть за короткую нитку, и он, Степка, именно так и освободил Вячеслава Борисовича от гипноза. Они называют эту штуку «малым посредником»...

Он рассказывал быстро, не очень связно, потому что дорога была каждая секунда! Дьявольщина! Портнов оказался очень странным человеком. Когда он понял, что самих пришельцев нигде не видели, он вдруг захохотал и крикнул:

— Правильно! За каким лешим таскать по космосу брненное тело, если можно ограничиться сознанием? Молодцы!

Он вскочил, пробежался от окна к стене, опять к окну, постучал по стеклу и пробормотал с непонятым выражением, не то злым, не то веселым:

— А? Проблема контакта! Сперва ты меня повози, а потом я на тебя лезжу...

— Вячеслав Борисыч, а вам еще должны привести какую-то посылку, — напомнил Степка.

— Да-да, ты все основное рассказал... Б-р-р-р! — Он повернулся, одним махом оказался за столом и с тем же непонятым выражением посмотрел на Степана. — Будем считать, что твой друг не доехал до города. И что ответственность за судьбы Земли навалилась на наши хрупкие плечи. Отдохни пяток минут... — и стал быстро писать в большом блокноте. — Сейчас мы сообразим для них кое-что интересненькое... Шалуны! Наводчик им понадобился... Так отзываются о благородном инструменте!

Степан стал смотреть через его плечо. Он быстро написал сверху листа: «Инструкция, как испортить телескоп», и сразу замазал эту надпись. Степка мысленно одобрил его поведение: о дн.

версии вслух говорить не стоило. Если уж это подслушают — не помилуют... Он в десятый раз, наверно, вспомнил разговор, который он сам подслушал, сидя под шубой Сура. Как Киселев зарычал, когда Рубченко закинулся о телескопе: «Вспомни о р-распылителе!».

Он покачал головой. «Распылитель» должен быть дьявольски страшной штукой — вся компания испуганно смолкла после этих слов. Было приятно думать, что и они могут бояться. С такой мыслью Степан оглядел стол и на листке перекидного календаря увидел свое имя, написанное мелким, острым почерком Портнова.

На календаре было написано:

1) Степан Сизов, 1,5 м, коренастый, волосы светло-русые, глаза серые, легко бледнеет, стрижка «бокс», 13—14 лет.

Надежно изолировать для акселерации либо+.

2) Оконч. подготовки 19.40.

— Ага, это мои приметы, — сказал Степка. — Это вы писали под гипнозом, да? (Инженер пробормотал что-то невнятное себе под нос.) А крестик почему?

Перо бесшумно летало по бумаге. На останавливая его бег, инженер ответил:

— На вечную память. Ясно тебе? Тогда завяжи платок поаккуратнее, ты же девочка... — Он ткнул рукой налево, в угол.

Угол справа от двери был отгорожен занавеской. Там оказался рукомойник с зеркалом. Степка вздохнул и ополоснул руки, лицо — очень уж грязно для девочки. Утерся вафельным казенным полотенцем, перевязал платок. Сморщил себе презрительную рожу — вылитая девочка, противно даже. Озабоченно высочил из угла, подбежал к двери... Никакого движения в коридоре. Если те подслушивают, уже давно были бы здесь. После выстрелов — наверняка. Впрочем, «слизняк» сам не должен ничего слышать, для разговора те ложились и закрывали глаза. И он первым делом попросил Портнова прилепить эту штуку на место, чтобы не пришлось проверять, как утром к капитану Рубченко.

Вячеслав Борисович еще писал. Из окошка ничего интересного не было видно — неподвижно стояли пыльные березы, а телескоп и проходная были с другой стороны, за углом. Монотонно стучала какая-то машина. Тут Степка вспомнил об оружии и аккуратно зарядил оба пистолета. Вложил в один недостающие два патрона, а во второй всю обойму. Поколебавшись, поставил «посредник» на стол. Вячеслав Борисович с треском выдрал лист из блокнота и сказал:

— Дай мне тоже игрушку. Спасибо, — и с отвращением сунул пистолет в карман. — Боюсь, что он мне пригодится еще до заката. «Посредник» оставляешь, правильно... Это вот, — он протянул ис-

писанный лист,— прочтешь за воротами, в укромном месте. Спрячь надежно. Тикай отсюда поскорей. Игрушку советую держать за пазухой, до времени,— посмотришь в бумаге, до какого. Сиди в укромном месте, подальше отсюда, на глаза людям не попадайся. Часов у тебя нет? Возьми эти. Точные.

Степка дернул плечами, но часы взял.

Дьяволищина! Как ему не хотелось снова оставаться одному! Он мрачно сложил бумагу, сунул за ворот платья. И вдруг Портнов сказал:

— Ты знаешь, кто я такой? Надуванна жаба.

— Чего?— спросил Степка.

— Надутая лягушка по-сербски. Я же забыл про благово!

Он светло улыбнулся, и Степка понял, что уходить никуда не надо. Честное слово, это было здорово!

ХИТРЫЙ ПОРТНЯЖКА

Вячеслав Борисович принялся наводить порядок на столе. Спрятал разбитый телефон, блокнот и приговаривал при этом:

— Хорошо быть муравьем— коллективная ответственность... Бегай по краю тарелки и воображай, что держишь курс на Полярную звезду.

Степка вежливо ухмыльнулся. Инженер пояснил:

— Муравей лупит по кругу, а думает, что бежит прямо. Не буду я сидеть в уютном кабинете— побегу... Мой номер, кажется, Угол одиннадцать?

— А что?

— А то, что я— большой начальник. Старше меня только Линия да Точка. Понял?

— Ага,— сказал Степан.— Правильно! Пятиугольника они в грош не ставят. Ну и что?

— Теперь мы им устроим потильную комнату,— сказал Портнов, нагибаясь к столу.— Зоя! Зочка! Ау!..

Из динамика ответили:

— Слушаю, Вячеслав Борисович...

— Машину, Зочка. Пускай Леонидыч подгонит, я поведу сам. Быстренько...— Он отпустил кнопку и подмигнул.— Поехали к сентиментальному боксеру, муравьишка.

— А инструкция как же?

— Инструкцию держи про запас. Мы едем к умному человеку, Степа. Не голова, а Дворец съездов, понимаешь? С ним на пару я кое-что смогу проделать... если он чистый.

— А почему он— сентиментальный боксер?

— Он — такой, — сказал Вячеслав Борисович, — Увидишь. Он уже трое суток сидит взаперти и думает грустную думу... Он физик-теоретик. Вот и машина!

Шофер не заметил Степана и начал было:

— Угол одиннад...

— Молчать! Вы останетесь... хм... Петр Леонидович. Ясно? Садись, Маша, — это Степану. Потом снова шоферу, громким шепотом: — Угол третий вызывает...

— Так машину же разобьет! — жалко улыбнулся шофер.

— Пропадай моя телега, — ответил Портнов и очень натурально заржал, подделываясь под загипнотизированного.

Третий раз за один день Степка ехал в машине. Вячеслав Борисович действительно был неважным водителем — вцепился в руль и вытянул шею. Но машину не разбил, а довольно плавно остановил ее у подъезда итэзовского общежития.

— Киселев живет здесь, — предупредил Степка.

— Думаешь, присунули моему дружку к замочной скважине «посредники», да?

— М-м...

— Проверим, — сказал Вячеслав Борисович. — Ты на глаз их не различаешь, своих подшефных?

— Пока еще нет, — сказал Степка.

— Ну, рискнем, Машенька. Он очень соображающий парень, Митя Благоволитин.

— Странная фамилия, — сказал Степка.

— У него прадед был из духовных, из попов, — говорил инженер, пробираясь по узкой лестнице. — Им в семинариях давали новые фамилии, благозвучные...

Вячеслав Борисович немного трусил и рассказывал о благозвучных фамилиях для храбрости. Степка подумал: ничего, привыкнет. Он сорок минут назад сам был пришельцем. Портнов мог улыбаться и зубоскалить, хотя и трусил. Степка так не умел. Он шел и примечал дорогу. Запомнил, что в общежитии две лестницы. Что, кроме центрального входа — с улицы, — имеется два хода во двор, прямо с нижних площадок. Что на третьем этаже очень неудобно стоит красный ящик с песком, легко зацепиться на бегу. А вот и пятый этаж. Он был пуст. Лишь в большой кухне звонко переговаривались две женщины. По коридору пробежал парень в длинных футбольных трусиках, размахивая полотенцем.

— Комната шестьдесят восьмая, — сказал Портнов. — Он дома.

В замочной скважине виднелся шпенек ключа, вставленного изнутри.

— Постой-ка вот здесь, — прошептал инженер. — И аккуратно, аккуратно...

Степка прижался лопатками к стене рядом с дверью. Парень с полотенцем уже скрылся в умывальной. Инженер постучал.

— Благово! Отпирай, хитрый Портняжка пришел!

Из-за двери ответили негромким басом:

— Пошел вон.

— Отпирай, говорю! Новый «Физикл эбстрэкс» получили! Замок щелкнул.

— Опять сенсация?— спросил бас.

— Здесь красивая местность,— быстро проговорил инженер.

— Где?— спросил бас.— Сла-авка, да на тебе лица нет!.. Входи.

Кофе хочешь?

Вячеслав Борисович схватил Степана за плечо и втолкнул в дверь, мимо хозяина.

Это был огромный, широченный, очень красивый мужчина. Большой, как шкаф, весь в коричневых мускулах. Бицепсы — каждый со Степкину голову, золотые волосы. Солнце немилосердно пекло через окошко, и хозяин был в трусах и пляжных тапках-подошвах. Он жалостливо посмотрел на Степана и вполголоса спросил:

— С ней что-нибудь случилось? Нужно денег?

— Здесь красивая местность... А?

— Ты что, издеваешься?

— Ладно,— сказал Портнов.— Раз такое дело, налей кофейку.

Это Машенька, ей тоже кофейку.

— Ну знаешь, Портняжка... Это ни в какие ворота не лезет!

— Лезет, Благово,— сказал Вячеслав Борисович.— И сенсация есть. Зеленые человечки добрались до планеты по имени Земля.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ БОКСЕР

Степка пил холодный кофе с печеньем и слушал. Сначала он понял, что ученые прозвали инопланетных жителей «зелеными человечками». Еще давно, загодя. Они давно предполагали, что должны быть эти жители, и для выразительности дали им прозвище.

Потом Степка понял, что огромный загорелый парень бонится— лицо у него стало серое даже под загаром. Что же, и напугаешься, подумал Степан. И тут разговор стал непонятным и пошел, казалось, в сторону.

Благоволин спросил:

— Значит, транспортируют чистую информацию?— Он осторожно тронул «посредник», лежащий на столике.

— На каком-то субстрате. Сте... Маша говорит, эта штука стала тяжелой, когда меня... как бы это сказать?

— Среверсировали. Намного тяжелей?

— На чуть,— сказал Степка.

Хозяин повернулся к нему:

— Ага. На чуть... А в граммах?

Степан пожал плечами. Благоволин еще раз прикоснулся к «посреднику».

— Сколько их там? Сидят и ждут... Сколько их там, Портняжка?

— Вскроем и посмотрим,— мрачно сказал Вячеслав Борисович.— Полюбujemy.

— Пожалуй, не стоит. А хочется, Портняжка... Положить бы на аналитические весы и потянуть за ниточку...

— Положи,— сказал Вячеслав Борисович.— Ко мне в карман положи и больше не трогай, знаю я тебя.

— А кто в нем сидит?— спросил Степка.— Это же гипнотизер.

— И правда, кто же там станет сидеть?— пробормотал Благоволин.

— Пришельцы,— серьезно объяснил Вячеслав Борисович.— Точнее, их сознания, личности, понимаешь? Ну, содержание их мозгов, если так понятней.

— Кому объясняешь, Слава.. Вон книжка с картинками, это ей по возрасту.

— Машенька — человек,— сказал Вячеслав Борисович.— У нее с зелененькими свои счета.— Он потрогал ссадины на щеке.

— Ну, сиди, раз ты человек... Значит, транспортируют чистую информацию. Я был прав. Помнишь наш разговор о кембриджских наблюдениях?

— Митька, я всегда считал тебя большим человеком. Все правильно. Даже то, что цивилизации с ядерной энергией не выживают, самосжигаются.

— А! И об этом был разговор? Когда?

— Маша, повтори,— сказал Портнов.

— «Мерзкое оружие»,— пробормотал Степка.— «Стоит дикарям его выдумать, тут и пускают в ход и уничтожают весь материал». А материал — это что? Уран?

— Это мы. Дикари. Мы для них — материал. Ладно. Дмитрий, что ты предлагаешь?

— Сидеть и ждать, пока на нас бросят эйч-бамб.

Они вдруг замолчали, как бы испугавшись сказанного. Портнов закурил. Рука со спичкой дрожала. Потом он выговорил с усилием:

— Может быть. Если прежде зараза не расползется дальше. И мы должны помешать им расползтись.

— Каким образом?

— Главные силы где-то на орбите. Я думаю, без них десант

ники не двинутся из Щекина. А сигнал они должны послать через наш телескоп.

— Что же... Конкретно мыслишь. Но я бы обмозговал это дело пошире. Ведь и комару жужжать не запрещается.

— Времени мало.

— Стратегию надо обдумывать серьезно,— сказал Митя.— И в сказке комары пожужжали, выбрали стратегию и медведя одолели... Портняжка, а зачем они пошли в космос? Что им надо, этим десанникам? А?

— Развитая цивилизация... Перенаселение, нехватка полезных ископаемых... Что еще?

— Хитрый Портняжка наряжает пришельцев в земное полукафтаны... Полезные ископаемые удобней искать на необитаемых планетах. А насчет перенаселения... Смотри-ка, «зеленые человечки» умеют сжимать личность до размера вишни, судя по этому ящичку. Так на кой им ляд жизненное пространство, если в твоём кармане уютно размещается десяток живых сознаний?

— Инстинкт завоевания,— сказал Портнов.

— Ну! Ты же марксист, изучал политэкономию! Инстинкты, страсти — господин Шопенгауэр, ай-ай... Инстинкт — это для перелетных птиц побудительно, а развитой цивилизации надо кое-что посерьезней. Перенаселение, перенаселение... Вот оно — кое-что. Рабочая гипотеза: они перенаселены мертвецами.

— Загну-ул... — сказал Вячеслав Борисович.

— Боже мой, это проще простого! У тебя в кармане лежит аппарат, который слишивает с живого мозга полную картину сознания и хранит ее неограниченно долго. Точнее, пока не подвернется подходящее тело, в которое можно всадить это консервированное сознание...

Инженер крикнул.

— А-а, закричал... Разгадка-то лежит на поверхности. Предположим, ты выдумал эту штуку. Из самых гуманных побуждений, чтобы победить смерть. Но что дальше? Стариков и безнадежно больных начинают спасать. Прячут их сознание в этот аппаратик, чтобы найти когда-нибудь потом свободное тело. Например, тело преступника. Можно у сумасшедшего сменить сознание на здоровое, понимаешь? Но что будет дальше?

— Дальше начнутся неприятности,— подхватил Вячеслав Борисович.— Преступников и сумасшедших мало. И вообще это не метод.

— А! Понимаешь теперь? Поколения два-три они могли изворачиваться. Возможно, создали касту бессмертных властителей, которые веками кочевали из одного тела в другое. Возможно, что то иное, однако долго это не могло тянуться, так как...

— ...круг посвященных расширился и на планете нарастал запас бессмертных сознаний!

— Невыносимая обстановка — друзья, родные, лучшие умы планеты томились в «вишнях»...

— И они двинулись в космос за телами!

— Вот! Как американские колонисты за рабами в Африку.

— Стройная картина, — сказал Вячеслав Борисович. — Вот что еще — как быть с моральными запретами? Вселить своего старшего родственника в инопланетянина... Похуже, чем в крысу или в гиену! По-моему, это непреодолимый запрет...

— А, мораль? — сказал Благоволин. — Мораль всегда отвечает потребностям общества.

— Пожалуй, так... Это могло придти постепенно. Нашли на ближних планетах себе подобных, потом привыкли... Как ты думаешь?

— Ну, вот и договорились. Практические выводы ясны!

— Пока нет, — сказал Портнов.

— Ну бже мой! Даже хамы-работоторговцы пытались беречь свое «черное дерево», поскольку живой раб приносил доход, а мертвый — одни убытки. Если наша гипотеза верна, то зелененькие должны прямо трястись над каждым телом. Для них потеря одного раба не исчисляется в пиастрах. Каждый человек, убитый при вторжении...

— Ага! Соответствует одной собственной жизни! — вскрикнул Портнов. — То-то они обходятся без кровопролития — им нужны тела для «вишеня»!

— И дальше будут стараться в том же духе. Убивать — не-ет, это для другой психологии... — со вкусом сказал Митя. — Если у тебя в чемодане томятся твои родители, бабушки и прапрадедушки, ты поневоле будешь любить и лелеять такого парня, как я.

Степка засмеялся. Про себя он стал называть этого великолепного дядьку Митей.

— Не тебя, — сказал Портнов. — Твою брентную оболочку.

— Ну, давай так считать, — сказал Митя. — Важно другое. У них должен быть совершенно четкий метод завоевания: подмена личности. Без убийства! Двинули на них полк — они вселяются в офицеров, и штык в землю... Они должны стремиться захватить сразу как можно больше людей. Поэтому ядерное оружие, способное уничтожить все живое в определенном районе, для них пренеприятный сюрприз. Бах! — и все освоенные тела погибли. Следовательно, они должны немедленно рвануться из района Щекина наружу, чтобы их всех нельзя было выжечь одним взрывом. Чтобы они были везде.

— Так,— сказал Портнов.— Так, так! А у них мало десантников, не хватает даже для охраны корабля!

— Звездный корабль,— мечтательно проговорил Митя.— Хотя бы одним глазком... Ладно. Я думаю вот что. Если они вовремя подведут основные силы, то у них еще имеются шансы. Но если большое вторжение оттянется хоть на сутки, то, с их точки зрения, разумней будет уйти. Чтобы вернуться поудачней. Скажем, свалиться прямо на генштабы ядерных держав.

— Генштабы спрячем,— сказал инженер и улыбнулся Степану.— Если твоя гипотеза справедлива...

— Ты слушай,— сказал Митя.— Психология есть психология. У меня своя, а у них своя. Может быть, все как раз наоборот, и они мечтают посмотреть на мегатонные взрывы, как я — на их корабли. Но покамест я бы пригрозил им этими взрывами и не дал бы воспользоваться телескопом для сигнала наведения.

— Так я с этим и пришел!— вскрикнул Вячеслав Борисович.

— Ай ду-ду...— басом пропел Митя.— Ай ду-ду-у... Одним махом семерых убиваю. Ты понимаешь, что им нужна только антенна от нашего телескопа? Нет? Ты думаешь, у них усилители еще не выдуманы? И они — дети малые? Если ты собрался портить не антенну, а усилитель, то время такой акции надо выбрать в притирочку. Чтобы они не успели до восьми часов присоединить свой усилитель.

— Так я с этим и пришел! Надеюсь, ты посоветуешь что-нибудь практическое.

— А, практическое? Дай знать в Москву, в Министерство обороны. Практически оно одно властно приказать, чтобы ударили по антенне. С воздуха. Еще бы лучше — эйч-бамб...

После этого странного слова опять наступило молчание. Потом инженер умоляюще проговорил:

— Мить, надо подумать еще.

— Думаю.— Благоволин вдруг усмехнулся и спросил:— А ты и впрямь надеялся пробраться в аппаратную?

— Я уж здесь понял, что лишний человек только повредит. Там охраны человек десять, на каждой ступеньке, я посмотрел. Но попробую.

— Та-ак...— Благоволин безмятежно улыбался.— Играешь всерьез. Из соображений конспирации тебе следовало бы меня убирать, а?

— Не болтай!

— Почему же? Я посвящен в твои планы и, если меня обрабатывают — завербуют, так сказать,— предупрежу. Потому я и знать не хочу, как ты намереваешься поступить. Кстати... Радилюбителя знакомого у тебя нет?

В глазах Вячеслава Борисовича что-то мелькнуло, и он неопределенно повел плечами. А Стелка совсем растерялся. Только что он сидел и с блаженным чувством спокойствия смотрел на спину Благоволина — она была как стена, она была могучая и надежная, — и вдруг эти слова: «Тебе следовало бы меня убить». Он ужаснулся. Вот почему Вячеслав Борисович заставляет его разыгрывать перед Митей «девочку Машу»... Вот почему молчит об инструкции, написанной в кабинете... Он с самого начала помнил, что Митю могут обработать и он предупредит пришельцев о Степкином специальном задании!

Стелка отвернулся от всего этого и стал думать о своем. Эйч-бамб... где-то он слышал... Странное слово какое. Он смотрел в окно и не мог думать. Митя говорил:

— Я постараюсь подольше не попадаться.

— Может, пистолет?

— Тебе он нужней, Слава. Я по живому не выстрелю.

— Сейчас надо принципы в сторону.

— А! Мои принципы: хочу — выполняю, хочу — нет? Эх, Портняжка... Но ты не волнуйся уж так. У меня есть план.

— И прекрасно, — сказал Вячеслав Борисович. — Маша, поехали!

Стелка не повернулся, он чувствовал, им еще надо поговорить. И правда, сейчас же Портнов спросил:

— Ну, какой план?

— Не секретный. Я теперь предупрежден, так-сяк проинформирован, немного представляю себе схему их воздействия на мозг и попытаюсь с ними потягаться.

— Что?!

— Мне кажется, — очень мягко пояснил Митя, — что мощный и информированный разум должен потягаться с подсаженным сознанием. Они оставляют нетронутыми некоторые высшие области мозга — я, правда, не специалист, — но центры речи, письма, вся память... Они лишь добавляют свою память.

— И волю, — сказал инженер. — Маша, оторвись от окна, наконец! А ты, Дмитрий, не вовремя ударяешься в науку. Двери сам им отроешь? Чтобы потягаться?!

— Я не тороплюсь стать подопытной собакой, — сказал Благоволин. — Не тороплюсь, но и не боюсь. И мне странно слышать, что ученый отождествляет занятия наукой с предательством.

опять один

Степан был теперь совсем огорошен. Пусть будет так, пускай Благоволину и незачем ехать к телескопу — «слизняк» и личного номера у него нет; и уже в воротах к нему прицепится охрана. С другой стороны, он как-то не по-товарищески оставлял Портнова одного. Насчет его затем — пересилить «гипноз» — Степка сомневался, конечно. Сурен Давидович не пересилил... Ковыряя ногтями краску на подоконнике, Степан смотрел на улицу.

Зашуршали колеса. Тихо подкатил и остановился перед общежитием зеленый «ГАЗ-69». Из него вылезли двое и не спеша двинулись к подъезду.

Наверно, у Степана ошетинился загилок — Благоволин мгновенно придавился к окну, посмотрел — и уверенным шепотом:

— На правую лестницу, в черный ход и во двор!

И Степка с Портновым очутились в коридоре. И сейчас же щелкнул замок, и за дверью затрещало и заскрежетало.

— Двигает шкаф, — шепнул Вячеслав Борисович, и тихо, по прохладному коридору, они проскочили к правой лестнице.

На площадке Степан сказал: «Если что — свистну», и побежал вперед. И, не встретив тех двоих, они вскочили в машину. Вячеслав Борисович запустил двигатель и поспешно, рычагами переключая скорости, пошел наутек. Свернув на улицу Ленина, он проговорил устало:

— Выйдешь за поворотом на совхоз. Иди к высоковольтной, там прочти инструкцию и действуй.

— Лучше я с вами, — сказал просяща Степан и проверил, не потерялся ли из-за пазухи пистолет.

— Со мною нельзя.

— Вы будете портить этот... усилитель?

— Уж теперь в аппаратную и мышь не проскочит. — Инженер оглянулся, машина вильнула. — А, черт!.. Действительно, надо было его...

— Ну уж нет, — сказал Степка.

— Не знаю. Одну толковую мысль он мне подал... Не знаю... Слушай, Степа. Если встретишь меня — тикай. Не попадайся на глаза еще пуще, чем всем остальным.

— Почему?

— Если меня снова обработают, я же тебя и выдам.

Машина опять вильнула. Степка спросил:

— А почему он «сентиментальный боксер»?

— Он хороший человек, — с тоской сказал Портнов. — Очень хороший. Не то что убить — ударить человека не может. Я торможу. Приехали.

«Эге, такой дядька, да еще боксер, ударить не может,— как бы не так!»— подумал Степан, и в расчете на то, что сзади окажется погоня и некогда будет останавливаться и вдвоем с инженером они примчатся на телескоп и там устроят, Степка спросил нетопливо:

— А кто такой эйч-бамб?

— Водородная бомба по-английски,— сказал инженер и нажал на тормоз.

Степка втянул голову в плечи.

— Ну, иди. Спокойно иди, я любой ценой — любой, понимаешь?— продержусь, а ты действуй спокойно. И берегись, вся надежда на тебя.

— А вы туда не езжайте! Зачем едете?

— Для отвода глаз. Насчет тебя благоволин не знает, а меня станут искать. И все равно отыщут. Прощай.

Он чмокнул Степку в лоб, вытолкнул из машины, крикнул: «Попробую их обогнать!»— и умчался.

На повороте его занесло влево, мотор взревел, и Степан опять остался один.

СУРЕН ДАВИДОВИЧ

В это время я, Алешка Соколов, сидел рядом с Суреном Давидовичем на опорной плите зеленой штуки, похожей на перевернутую огромную пробку от графина. Чуть левее Сура расселся толстый заяц с необыкновенно независимым, залихватским таким видом, вытянув задние лапы, так что они торчали далеко вперед и немного вверх. В жизни бы не подумал, что зайцы могут сидеть таким манером! Его вид поразил меня даже сильнее, чем невидимый забор вокруг «зоны корабля». Сильнее, чем здоровое, легкое дыхание Сура. Наверно, от беготни у меня мозги замутились или что-то в этом роде — я сидел и тараторчил на зайца, пока не сообразил, отчего он так сидит, вытянув задние ноги по-господски. Зайцы и кролики сидят, всегда поджав задние ноги, правда? Потому что боятся. Они все время наготове — прыгнуть и удрать, а чтобы прыгнуть сразу, задние ноги им приходится держать согнутыми. Я путано объясняю. Этого и объяснить нельзя. Не будь рядом со мною Сура, я бы испугался этого зайца.

Теперь я не боялся ничего.

Поймите вы, Сурен Давидович нашелся! Эти не убили его, он их сам перехитрил и пробрался в их «зону!» Я был готов замурлыкать, как сытый кот, я так и знал — никаким пришельцам не справиться с нашим Суреном Давидовичем!

Сур молчал, поглядывая то на меня, то на зайца. Иногда он двигал руками, как при разговоре, а заяц перекладывал уши и маленько шевелил носом.

Поймите, я же ничего не знал — уехал с докторшей, проводил ее до Березового и вот вернулся. Ничего не знал, ничего! Я улыбался и мурлыкал. Потом сказал:

— Сурен Давидович, у вас прошла астма? А как вам удалось сюда пробраться?

Заяц почему-то подпрыгнул.

— Скажи, пожалуйста, как ты сюда пробрался, — неприветливо отвечал Сур. — Где твой опознаватель, скажи!

— Во рту. Вынуть? — Я понял, что так он называет «слизняк».

— Пожалуйста, не вынимай. Зачем теперь вынимать? Как ты назвал себя селектору?

— Какому селектору? — удивился я. — Что Нелкиным голосом разговаривает? А-а, я сказал — Треугольник одиннадцать. Неправильно!

Он странно, хмуро посмотрел на меня и прикрыл глаза. Я же будто очнулся на секунду и увидел его лицо не таким, каким привык видеть и потому заставлял себя видеть, а таким, каким оно стало: узким, жестким, опаленным. Узким, как топор.

Рот чернел между вваленными щеками, рассекая лицо пополам.

У меня екнуло сердце. «Не может быть, этого не может быть! Нет, слышите вы, этого не может бы-ыть!» — завывало у меня внутри.

«Не может быть, — сказал я себе. — Сур перехитрил этих. Он старый солдат. Он перехитрил их. Астма у него прошла, как на войне, он часто говорил, что на фронте не болеют».

И я опомнился, но мне казалось, что я вижу сон. Потому что сидели мы тихо, молча, на круглой шершавой опоре странного сооружения, которое было, наверно, кораблем пришельцев. Было светло, но солнце не показывалось. Деревья, корабль, мы сами не отбрасывали теней. Я опять посмотрел вверх и опять не увидел неба; стенки оврага сошлись над головой, очень высоко, в полутумане, расплывчато. В желтом солнечном свете, сиявшем где-то вонне. Было очень светло, словно вокруг нас замкнулся пузырь, излучающий свет.

Сур приоткрыл глаза:

— Алеша... Селектор будет звать тебя «Ученик». Послушай наш разговор — Десятиугольник двести восемьдесят один насчет тебя интересно высказывается. Бояться не надо. Я тебя взял на попечение. Слушай.

Во рту щекотно запищал «опознаватель» голосом Сурена Давидовича:

«Девятиугольник, что ты говорил о детеныше?» — «Почему бы его не пристукнуть?» — ответил Нелкин голос. — У нас хлопот вагон, а ты возишься с ускоренным развитием. Пристукни его, Квадрат сто три!»

Голос Сура сердито отчитал:

«Как смеешь говорить об убийстве?! Я взял детеныша на обучение! Он Ученик. Скажи, не пора тебе на патрулирование?»

Селектор выругался. В жизни бы не подумал, что Нелка знает такие слова. Заяц подпрыгнул. «Да вы, высшие разряды, вечно лажу лепите, — пищала Нелка. — Потеха с вами! Ты бы делом занимался, Четырехугольник!»

Суrow вслух сказал:

— Отаратительный переводчик! Жаргон, ругательства... Нравится тебе Девятиугольник, Алеша? — Он пощекотал зайцу живот. Заяц недовольно отодвинулся и сел столбиком.

Я обомлел:

— Это он — Девятиугольник?! Они и зайцев гипнотизируют!

— Ты становишься непонятливым, — сухо отвечал Сур. — Не гипнотизируют. В него подсажен десантник.

— Сурен Давидович, какой десантник? Он же заяц, посмотрите!

— Десантник. Тот, кто высаживается первым на чужие планеты. Я зажмурился и, пытаясь проснуться, пробормотал:

— Высаживается на чужие планеты. Значит, вот они какие — вроде наших зайцев...

Сур вдруг деревянно засмеялся — не своим смехом. И я понял, что он тоже, как этот несчастный заяц, воображает себя десантником. Не перехитрил он пришельцев, они его подмяли. Как зайца...

Я стал раскачиваться и щипать себя за икры, чтобы проснуться. Голос Сура залищал в «опознавателе»: «Девятиугольник, полюбуйтсвуй! Пуская воду из глаз, люди выражают огорчение...»

Он знал меня хорошо. От насмешки я взвился, промазал ногой по зайцу; он весело отпрыгнул, а я зорал:

— Сурен! Давидович!! Они вас загипнотизировали-и! Не поддавайтесь, ой, не поддавайтесь!

Он сказал:

— Вытри слезы.

Я вытер. И зорал олять:

— Не поддавайтесь им! Зайцы паршивые!

Тогда он сказал почти прежним голосом:

— Голову выше, гвардия! Ты же мужественный парень. Почему такая истерика? Видишь, я за тебя поручился, а ты свою чепуху про гипноз. Какой же это гипноз?

Я притик.

— Видишь, тебе и самому непонятно. Поговори хоть с Девятиугольником и рассуди: разве можно путем гипноза научить зайца разумно беседовать? Кстати, при разговоре через селектор прижимают «копознатель» языком к небу и говорят, не открывая губ. Ты быстро научишься.

Я не желал научиться. Я не заяц, я человек! А они — фашисты, они хуже фашистов, потому что притворяются и сидят спрятанные, а людей заставляют делать подлости вместо себя!

Он рассеянно-терпеливо кивал, пока я выкрикивал.

— Ты кончил говорить? Кончил. Объясню тебе, Алеша: никто не притворяется. Пришельцы не прячутся. И я, и этот заяц — довольно крупный, но обыкновенный земной заяц — мы оба и есть пришельцы. Не закатывай глаза. Постарайся это понять. Мы пришельцы, как ты выражаешься. Мы прилетели на Землю в этом корабле.

— Вранье это, вранье! — крикнул я и задохся. — Вранье-о!..

«А-о-о!» — ответило эхо и стало перекатываться, стихая. Крик метался вокруг, гудя на стенках пузыря.

— Этот заяц дрессированный, — выговорил я. — А вы нездорово... — Почему-то я стал заикаться. На букве «о».

— Вдохни три раза глубоко и потряси головой, — сказал Сурен Давидович. — Девятиугольнику пора на патрулирование, а мы еще поговорим, пока есть свободное время.

Как Девятиугольник поскакал на свое патрулирование, я еще видел: он прыгал чуть боком, заноса задние лапы вперед головы, и любопытно блеснул выкаченным глазом. Скрылся на подъеме, потом уже вверх подпрыгнул свечкой и скрылся. И у меня тут же начало мутиться в глазах, все исчезло, сойдясь в одну точку. Очнулся я лежащим на сыром овражном песке, а рядом со мною сидел на корточках Сур.

ПРИШЕЛЬЦЫ

Я сел. Сурен Давидович аккуратно устраивал в кармане куртки небольшой зеленый ящичек; уложил, застегнул «молнию» и спросил:

— Скажи, тебе лучше по самочувствию? (Я кивнул: лучше.) Замечательно! Я ведь хочу тебе добра, а сейчас открываются блестящие возможности для тебя...

Я снова кивнул. После обморока я чувствовал себя неуклюжим и спокойным, как гипсовая статуя, что ставят в парках. Сурен Да-

видович это заметил и прихлопнул ладонями — верный признак удовольствия. И улыбнулся, растянув рот щелью.

— Скажи, ты понял насчет пришельцев?

— Не понял.

— Опять не понял! Спроси, я объясню... Не понимает! — Он пожал плечами.

— Конечно, — сказал я. — Если я придумаю, будто я — не я, а вовсе киноартист или Петр Первый, вы тоже не поймете.

Тогда он мне и объяснил сразу все. Ну, вы знаете. Как они выдумали кристаллические машинки для записи сознания, стали бессмертными, а их тела умирали. И поэтому они двинулись в космос за телами. Он сказал, что корабль «десантников» совсем маленький. В него помещается несколько сотен кристаллических записей размером с крупнокалиберную пулю. В большом же корабле, для переселенцев, их помещается несколько миллионов, и такие корабли спускаются на Землю. Они так уже делали много раз — захватывали чужие планеты. Без выстрела. Они просто подсаживали в каждого «дикаря» сознание одного из своих. Для Земли приготовлено как раз три миллиарда кристаллических записей. По количеству людей.

Не путайте мои приключения со Степкиными. Он уже знал про «вишенки», а я — нет. Сурен Давидович называл их кристаллическими копиями. Он говорил, говорил... Может быть, пришельцу, который сидел в его мозгу, хотелось выговориться. Я слушал и с жуткой ясностью представлял себе зеленые корабли в черной пустоте. Не такие, как десантный, — огромные. Они расползались по всей Галактике, без экипажей, без запасов воды и пищи. Даже без оружия. Только у десантников было оружие. А большие корабли шли, набитые кристаллическими копиями, как мухи, несущие миллионы ячеек. Корабль «десантников» отыскивал для них подходящую планету, спускался и выбрасывал «посредника». Понимаете? Некому было даже выйти наружу. Вылетал робот и неподалеку от корабля оставлял замаскированный «посредник». И первый, кто случайно подходил к нему, становился первым пришельцем. Как этот несчастный заяц. Он просто подскакал к «посреднику», и — хлоп! — в него пересадили кристаллическую запись десантника девятого разряда. Он стал одним из Девятиугольников.

Впрочем, первым был Федя-гитарист.

«Так было — всюду — везде, — слушал я странную, слитную речь. — Тысячелетия м' шли по космосу. Сотни, сотни, сотни планет! Тысячи, тысячи...».

Потом он замолчал, а я сидел, съехившись, и было очень холодно. Зимний холод вытекал из меня в жаркий, стоячий воздух оврага. Я знал, что вокруг тепло, и ощущал теплую, твердую по-

верхность, на которой сидел, и сырой, теплый, плотный песок под ногами, и жар, излучаемый кораблем. Но я замерзал. У меня в глазах был черный, огромный, ледяной космос и в нем медлительные, уверенно ползущие огни кораблей. С трудом я пошевелил губами:

— Какой у вас вид на самом деле?

Он сказал:

— Тебе будет непонятно. Мы не знаем.

Я пожал плечами и спросил:

— Как вас теперь зовут?

— Квадрат сто три. Такие имена у десантников. «Квадрат» — я десантник четвертого разряда. «Сто три» — мой номер в разряде. Квадрат сто три.

— А настоящего имени у вас нет?

— Десантник не может носить имени. Мы служим Пути. Наша работа — подготовить плацдарм для больших кораблей. Они приходят — мы уходим дальше, на новую планету. Пятьсот тел, которые мы временно занимаем, освобождаются, и их берут переселенцы. Мы уходим дальше, высаживаемся на другой планете, с иными языками... на которых нельзя произнести имени, собственного предыдущей планете...

— погодите, — сказал я. — У вас что, нету своего языка? Есть? А как вас звать на вашем языке?

— Квадрат сто три. Объясню тебе: я — десантник. Мы не носим настоящих имен.

— погодите... На своей планете тоже?

Он хрипло рассмеялся:

— Когда наступит ночь, посмотри вверх. Выбери любую звезду и скажи нам: «Это ваше солнце!» Мы ответим: «Может быть».

Я почему-то кивнул, хотя и не понял его слов. Потом все-таки переспросил, почему любая звезда может оказаться их Солнцем.

— Мы не знаем, откуда начался Путь, — ответил он.

— Не знаете? Как это может быть?

— Космос огромен. Путь начался, когда звезды еще были иными. Путь велит нам смотреть вперед.

Он говорил равнодушно, будто о гривеннике, потерянном из дырявого кармана, и меня это страшно поразило. Сильнее всего остального. Я получил масштаб для сравнения: планета дешевле гривенника! А я? Наверно, как гусеница под ногами. Захотели — смахнули с дороги; захотели — раздавили. И не захотели, а просто не заметили. Разве мое тело им понадобится под копию.

И я замолчал. Слова больше не скажу! Хотя режьте, буду молчать и все равно удеру. А если вы захватите всю Землю, удеру на край света, и вы до меня не доберетесь.

Так я решил и повернулся спиной к Квадрату сто три. Большие я не звал его Суреном Давидовичем, баста.

Он заговорил снова — я молчал. Но тут прикатился заяц-Девятиугольник, вереща Нелкиным голосом:

— Отаратительный, наглый пес! Наглый, самоуверенный... Уф! Он околачивается у прохода, Квадрат сто три.

«Квадрат» быстро пошел наверх. Я выждал минуту. Заяц опять тарасился на меня и подпрыгивал. А когда я встал и попробовал уйти, корабль ослепил меня лучом. Заяц же предупредил:

— Сидел бы ты, Ученик... Лучемер головешки от тебя не оставит...

Я сел и на всякий случай прижался спиной к кораблю — туда луч не достанет... Я помнил, как Девятиугольник требовал, чтобы меня пристукнули. Все-таки я хотел жить и выбраться отсюда.

А заяц тряс ушами — смеялся...

...Я закрыл глаза и вообразил, будто сплю, лежа в своей кровати у открытого окошка... Сейчас зазвонит будильник, я проснусь, мать накормит меня завтраком. Пойду в школу, высматривая по дороге Степана, а на ступеньках универмага будет совершенно пусто, и сегодняшний день ничем не будет отличаться от всех весенних дней.

— Собака ушла, — сказал заяц. — Квадрат сто три возвращается. — Он подпрыгнул несколько раз, все выше и выше, и начал расписывать, какая страшная была собака.

В породах он, понятно, ничего не смыслил. По описанию получилось — дог. Огромная, с короткой шерстью, светло-серая. Морда квадратная, тупая. Хвост длинный, голый, как змея — тут зайца передернуло. Я сказал:

— Боишься собак, гаденыш?

Вернулся Квадрат сто три, прогнал зайца на патрулирование. А мне приказал:

— Алеша, твой «опознаватель»! — и подставил руку.

Я выплюнул в нее «слизняка». Квадрат сто три небрежно опустил его в карман и пошел следом за зайцем. Я не мог удрать, для того у меня и отобрали «опознаватель» — он служил пропуском в зону. Остался в проклятом пузыре и мог молчать, сколько мне было угодно.

ДОПРОС

Я отошел подальше, забился в моховые кочки, под откос и там лежал в оцепенении. Слышал, как вернулся Квадрат сто три. Потом ухо, прижатое к земле, уловило чужие шаги. Они приближа-

лись, дробно простучали по откосу и стихли поблизости. А мое тело отказывалось двигаться. Веки не хотели подниматься... Решайте свои дела без меня, я полежу, здесь мягко. На свете два миллиарда больших людей. Что вы привязались, почему я обязан о них заботиться и где это сказано, что один мальчишка на огромной Земле обязан и должен? У вас армия, ракеты, водородные бомбы. Кидайте сюда бомбу, и пусть все кончится, я согласен. Не хочу подниматься.

...Еще шаги по откосу. Что-то тяжело ударились о землю. Потом голоса. И вот знакомый голос.. Опять Киселев — Угол третий! Он говорил где-то поблизости...

Пусть говорят, это меня не касается. Слышать не хочу их разговоров. Я один, мне еще четырнадцати лет, сопротивлялся я. И вдруг открыл глаза.

Низко над лесопарком трещал самолетный мотор. Звук приблизился, стал очень сильным, загрохотал и умолк.

— Зашевелились...

Это сказал плотный человек, красиво седой, важный. В Щекине я его никогда не видел. Он восседал на плите корабля, подтянув на коленях дорогие серые брюки, а пиджак держал на руке. Рядом небрежно примостился Федя-гитарист. Вертя головой — шнур бластера, видимо, резал ему шею, — он проговорил:

— Еще девяносто пять минут. Придется драться, Линия восемнадцать?

Седой неторопливо ответил:

— Потребуется служба — будем принимать меры. Решим вопрос. — Он выпятил губы и искоса взглянул на Киселева: — Самочувствие-то как, Угол первый?

Я подумал, что Линия — большой начальник у десантников и путает их имена. Наш зауч, например, стирается каждого ученика звать по имени и всегда путает. Но Киселев не поправил седого. Пожал плечами и стал отряхивать песок с брюк и рубашки.

— Да-а, начудил Угол третий, начудил... — сказал седой.

— Отличный, проверенный десантник, — вступился Киселев. — Это обстановка. Абсолютно!

— Мне адвокатов не надо, Угол первый, — сказал седой. — Утечка информации, — он загнул толстый палец, — утрата оружия да еще история с Портновым. Мало? О-хо-хо... За меньшее десантников посылают в распылитель!

Я даже заморгал. Утечка информации — понятно. Анна Егоровна доехала до района. Вот почему самолеты летают, у-ру-ру! Оружие — тоже понятно. Это бластер, который мы увезли из подвала и который сейчас лежит у самого входа в зону. Какая-то «история

с Портновым» меня не интересовала. А вот почему Киселев сменил номер?..

Я еще посмотрел, как он счищает песок с левого бока, и чуть не захихикал. «Вот что ударило о землю, пока я лежал,— Киселев падал, когда в нем сменяли «кристаллическую копию»... А-а, зашевелились-то вы, гады! Угла третьего сменили. Начудил, говорит?»

— Ты не паникуй,— говорил седой.— Пока мы на высоте, на высоте... И Угол третий не один ошибки допускал. Скажем, для меня подобрал подходящее тело — вполне осведомленный экзотический.

— Угол третий — проверенный десантник,— снова сказал Киселев.— Внимание, блюдец!

Они вытянули шеи, прислушиваясь. Кивнули друг другу и отбежали на несколько шагов, едва не наступив на меня. Я упрямо лежал.

Корабль громко зажуужал и приподнялся над песком. Я увидел круглый след плиты на песке и успел заметить, как быстро светлеет этот след — песок впитывал воду, выжатую весом корабля на поверхность. Та-ших-х!.. Округлое, плоское, радужное тело вырвалось из-под плиты и унеслось в зенит. Наверху громко хлопнуло, мелькнул клочок голубого неба, и пелена, одевающая зону, опять закрылась. А корабль уже стоял на месте. Через две-три секунды все повторилось: корабль приподнимается, вылетает радужная штука, корабль опускается. Когда унеслась с шипением третья штука, Киселев закрыл глаза и прислушался. Доложил:

— Расчетчик еще думает, Линия восемнадцать.

Тот важно ответил:

— Добро! Пока с этим разберемся, м-да...— и показал на меня.

— Мальчик, встань!— приказал Киселев.

— Ну, чего?— проворчал я и уселся, поджав ноги.

Они вдвоем сидели на опоре корабля, а я — на кочке, в пяти-шести шагах от них.

Седой заговорил наставительно:

— Расчетчик обдумал твою судьбу. Решил тебя помиловать, м-да... Будешь находиться здесь. Чуть не то — сожжем. Понял? Я промолчал. Седой грузно повернулся к Киселеву:

— Говоришь, восемь минут?

— С отличным результатом,— отчеканил тот и посмотрел многозначительно:— Я бы предложил...

— Ну, помолчи! Вот что.— Он повернулся ко мне всем телом.— Вот что, Алексей. Где ты бросил оружие? Ты не притворяйся, дельце нехитрое! Будешь запираяться — посадим и тебе де-

сантника. Восемь минут ты выдерживаешь, и он выдерживает... И он за тебя все и скажет, так уж лучше ты сам оправдывай оказанное доверие.

— А я не просился к вам в доверенные...

Почему-то они остались очень довольны моим ответом. Заговорили, Киселев сказал одобрительно насчет моей психики. Я тоже попытался улыбнуться. Лихо сплюнул на песок, будто я очень польщен их разговором, только не хочу показывать вида. А на деле я торопился сообразить насчет «десантника на восемь минут». Почему только на восемь? Я внезапно понял, что они могли подсадить в меня «копию» насовсем. Раньше я об этом не думал. Не верил. Ну, вы знаете, как не веришь, что помрешь, хотя все люди умирают...

«Значит, на восемь минут,— думал я.— Подсадили, узнали про бластер, да не все! Не отыскали, гады! Дьявольщина, почему другие выдерживают, а я — нет?»

Даже стало вроде бы досадно, что я не выдерживаю, как все люди.

Я опять сплюнул и ровно в ту секунду, когда было нужно, сказал:

— Оружие ваше я потерял здесь, неподалеку.

Мне ответил седой:

— М-да. Девятиугольник видел, как ты с ним бегал. Где точно?

— Не заметил.— Я пожал плечами.— Набегался я здесь, знаете... Должно быть, рядом, у прохода.

— И это знаем...

— Зачем же спрашиваете, если знаете?

Они еще раз переглянулись. Поверили, что я говорю правду.

Я в самом деле только малость соврал. Я помнил куст, под которым остался лежать бластер в картонном коричневом чехле для чертежей. У самого прохода. Как его не нашли, если уж взялись искать?

Самолет прогудел еще раз. Теперь он прошел несколько в стороне. Эти двое ухом не повели, будто так и надо. Седой пробормотал: «Расчетчик», и прикрыл глаза. Потом Киселев приподнял его, как куклу, и отвел от корабля. При этом на руке седого блеснули часы. Я разглядел стрелки — без двадцати семь. Прошло минут пятнадцать с начала нашего разговора. То есть оставалось восемьдесят минут до момента, в который им «придется драться».

Я сделал бессмысленное лицо и спросил:

— Федор, а Федор... Что будет в восемь часов?

— Цыт! Схлопочешь ты у меня конфетку...

Седой открыл глаза и скоментировал:

— Еще один вертолет садится у совхоза! А ну, видеосвязь!

ПОЛКОВНИК ГАНИН

Федор подбежал к кораблю, взмахнул рукой, и в зеленой тусклой поверхности, в метре от земли, открылся круглый люк. Бесшумно, как большой круглый глаз с круглым коричневым зрачком, только зрачке этого сначала не было, а потом он выплыл из темноты и, покачиваясь, остановился посреди «глаза». Я попятился, споткнулся о кочку, а десантники, наоборот, придвинулись к кораблю и наклонились, всматриваясь.

В зрачке что-то вертелось, мигало... Вертолетный винт, вот оно что! В люке корабля покачивался телевизионный экран странного красно-коричневого цвета. На нем очень отчетливо виднелся маленький вертолетик — красная звезда казалась черной, и между головами десантников я видел на экране, как открылась дверь кабины, на землю прыгнул человек и дверь сразу закрылась. Телевизор мигнул и показал этого человека крупным планом. Он был в военной фуражке и, казалось, пристально смотрел прямо на нас.

— Полковник Ганин, из округа. Не иначе, парламентар, — сказал седой. — Дай звук.

От корабля послышалось шипение. В этот момент полковник схватился за сердце, и сильно искаженный голос пробормотал: «Здесь красивая местность». Я не сразу понял, что это голос полковника, хотя и видел, как у него шевелятся губы. Я вспоминал, что значит «парламентар». Военный посол, похоже... Только он уж не был парламентаром — в него подсадили «копию». Он улыбнулся и спросил: «Ты — Линия шесть?» Другой голос сказал: «Я — Линия шесть. Докладывай, с чем послан. Два разряда нас слушают».

Глядя на кого-то невидимого за рамкой экрана, полковник сказал:

— Послан как парламентар, с ультиматумом. С момента приземления вертолета нам дается шестьдесят минут на эвакуацию. Гарантируется безопасность летательных средств.

— После срока ультиматума?

— Ядерная атака.

— Это не блеф?

— Не могу знать. Скорее всего, нет. Настроение подавленное. Вокруг района разворачивается авиадесантная дивизия.

— Это мы знаем. Ты — начоперотдела округа?

— Так точно.

— Откуда они имеют информацию?

— Получили радиogramму с телескопа.

Седой сказал Киселеву:

— Вот тебе твой Портнов...

Голос за экраном спрашивал:

— О времени сигнала они имеют информацию?

— Не могу знать. С содержанием радиogramмы не ознакомлен.

— Твое личное мнение о плане действий?

— Надо потребовать девяносто минут на эвакуацию. Навести корабли на Москву, Вашингтон, Нью-Йорк, Лондон, Париж, на все ядерные штабы. Десантный корабль увести демонстративно, сообщив им координаты взлетного коридора. Все.

— Мы успеем дать наводку за пятьдесят пять минут.

— Они согласятся на девяносто. Совет?

Брякающий, неживой голос прокричал: «Трем разрядам совет! К Расчетчику!»

Я видел, как у седого и гитариста опустились плечи, экран потемнел, у меня сильно, больно колотилось сердце и онемело лицо. Потом седой сказал: «Так, правильное решение!», а на экране полковник сказал: «Я дам радиogramму из вертолета», и повернулся кругом.

Но в этот самый момент вертолет подпрыгнул и пошел вверх.

Я ничего не понял, а седой с Киселевым начали отчаянно, захлеб ругаться. Экран погас.

— Удрали,— кричал седой.

— Не простали,— вздохнул Киселев.— Если разобраться, они действуют разумно и кое-что знают о нас.

— Мало знают, мало,— самодовольно сказал седой.— Выпустить-то нас согласились!

Они пошли по тропинке к выходу. Киселев говорил:

— Много или мало, а я не стал бы цепляться за планету, когда треть населения не принимает «копий». Нужна очень серьезная подготовка.

Седой оглянулся на меня, что-то сказал и засмеялся.

— Смотрите, вам виднее,— сказал Киселев.— А вот и Квадрат. Сверху спускался Квадрат сто три.

— Оружие унесла собака,— доложил он.— Пес Эммы Быстровой, Угол ее знает. (Киселев хихнул.) Около часа назад он погнался за Девятиугольником, у входа в зону подхватил чехол с оружием и унес.

— Блюде послал?

— Сделано, Линия восемнадцать. Женщина с собакой обнаружена у совхоза, оружия при них нет. Сейчас их перехватит Шестиугольник пятьдесят девять с «посредником». Через десять минут все узнаем об оружии. Я распорядился: десаннику в собаке оставаться, оружие доставить к наводчику и там включиться в охрану.

— Одобряю, — сказал седой. — Угол, едем! Заводи свою молотилку. (Киселев повернулся, побежал по откосу.) Квадрат, с мальцом решили вопрос положительно — ну, ты понимаешь. Данные хорошие, чтобы к старту было нормально, смотри! — С этими словами он исчез, и тут же глухо зафыркал мотоцикл. Уехали.

КВАДРАТ СТО ТРИ

Я вообще-то кисляй. Так меня Степка ругает, и он прав. В том смысле, что я теряюсь, когда надо действовать решительно. Удивительно, как у меня утром хватило решимости пойти за гитаристом, но тогда очень уж разобрало любопытство. А теперь, у корабля, со мной случилось что-то странное. Я просто осатанел, сердце колотилось тяжелой кувалдой, лицо немело все больше, и я всех ненавижу. И десантников и недесантников — всех. Я как-то быстро, хватко представлял себе: они там, на свободе, гуляют, смотрят кино, обедают, читают книжки, а корабли спускаются на Москву, Лондон, Нью-Йорк, а они жрут и гуляют и знать не хотят о Щекине. И так им и надо! Так им и надо! Почему они позволили десанникам себя обжулить? Зачем дали им час, как нарочно, чтобы те могли вызвать свои корабли с миллионами «копий»? Если бы Щекина было большим городом, казалось мне, из-за такого города засуетились бы, забегали и не дали бы десанникам себя перехитрить! Ох, как я ненавижу всех подряд! Даже несчастного полковника Ганина, который совершенно уж ни в чем не был виноват, которого послали по-честному, как военного посла, передать честное предупреждение. И от ненависти я стал хитрым и быстрым. А вам мало — захватить весь мир! Вы со мной еще «решили вопрос положительно», и вам нравятся мои данные...

Нет! Я твердо знал: лучше разобью себе голову об их проклятый корабль, но ничего не дам с собой сделать! Я, как собака, чуял, что делать хотя бы нехорошее. И чутьем понимал, что единственное спасение — держаться как можно дальше от «посредников». Насмотрелись мы со Степкой, как действуют эти «посредники», так что я твердо знал одно: они действуют не дальше чем в трех шагах. «От корабельного бластера не убежишь», — подумал я и ответил себе вслух:

— А плавать, пусть жжет...

— Ты о чем?— мирным голосом спросил Квадрат сто три.

Он выглядел, как Сурен Давидович, и говорил, как Сурен Давидович, но я отскочил, когда он шагнул ко мне. У меня только вывалилось:

— Что вы хотите со мной сделать?

Он все понимал. Он всегда и везде понимал все насквозь и сейчас, конечно, раскусил мой план — держаться от него подальше. Поэтому он уселся на корабельную опору и не стал меня догонять. Я заметил, что десантники при каждом удобном случае старались прикоснуться к «посреднику» либо к кораблю.

Он сказал:

— С тобой надо начистоту, Алеша. Я понимаю. Ну, слушай...

И стал меня уговаривать.

Я старался не слушать, чтобы не дать себя заговорить, утешить, чтобы не потерять ненависти и не прозевать ту секунду, когда он подберется ко мне и включит «посредник». Кое-что я запомнил из того, что он говорил. Через небольшое время их основные силы захватят столицы великих держав и вся Земля им покорится. Но тогда получится «трагическое положение», как он выразился, потому что дети, лет до пятнадцати-шестнадцати, не могут принять в свой мозг «копию». Для десантников это большая неожиданность, однако они уже придумали, как исправить положение. У них есть такие штуки, излучатели, от которых все растет страшно быстро. Все живое. В корабле, внутри, есть такой излучатель, и если я зайду внутрь, то за несколько часов вырасту на несколько месяцев. Это будет первой пробой. а потом они меня дорастят и до шестнадцати лет.

Я сказал:

— Не лойду. Не хо-у.

— Но почему, скажи?

— Я вас ненавижу.

Он стал объяснять снова. Говорил, что вся Земля станет счастливой и здоровой, что люди будут жить до трехсот лет, и не будет войн, и у всех будут летательные аппараты и механические слуги, и все дети будут вырастать до взрослого за несколько месяцев. Он сказал:

— Вот какие будут замечательные достижения! И учти, Алеша: через некоторое время корабль стартует, а ты будешь внутри и сможешь смотреть через иллюминатор. Неплохо, а?

Тут я едва не попался — посмотрел на корабль и представил себе, как он поднимается, а я внутри, не хуже Гагарина. А Квадрат уже вынул из кармана плоскую зеленую коробку.

Я сразу очнулся и отскочил. Он поднялся и сказал очень нервно:

— Уговоры кончены! Пять минут даю на размышления! Через пять минут включую лучемет, и ты станешь маленькой кучкой пепла. Придется так поступить — ты слушал переговоры штаба. Будешь первой жертвой, очень жаль...

Было видно, что Квадрат не врет, что ему жаль меня. Он побледнел, и у него печально оттопырились губы, но я упрямо пятился. И вдруг корабль ударил меня лучом. Это был не боевой луч, а просто слепящий, как горячая вода в глаза. Я вскрикнул и вслепую бросился направо, к проходу, под защиту откоса, и на четвереньках полез вверх, цепляясь за кусты. Скатился, налетел на упругую стенку защитного поля, оно отбросило меня, я перевернулся через голову, и Квадрат схватил меня, но при этом уронил коробку. Я стал рваться, сначала вслепую, потом стал что-то видеть, а десантник никак не мог освободить руку и подобрать «посредник». Я рвался и смутно слышал, что он меня еще уговаривает: «Детская солидарность... все дети мечтают вырасти... ты их предаешь... не хочешь им помочь вырасти...» Я быстро терял силы. Он повернул меня на бок, прижал, освободил правую руку и зашарил по откосу, подбираясь к «посреднику». Я видел, как он выдрал пучок мха, отшвырнул его, поймал коробку и опять выпустил, когда я ударил его головой,— при этом из брючного кармана выскочил пистолет с прилепленным к нему «копознав-гелем».

После удара головой десантник перебросил левую руку и прижал пятерней мой подбородок и шею. Я стал задыхаться, в глазах поблуждало, потемнело, я заскреб пальцами по земле, ухватился за что-то твердое. Вдруг ладонь, сжимавшая мое горло, отпустила. Я продохнул, дернул за твердое, чтобы вывернуться, и понял, что держу пистолет за рукоятку, боком. И в тот момент, когда десантник поднялся на колени и нацелился на меня зеленой коробкой, я подал большим пальцем в скобу и нажал спуск.

Это был боевой пистолет, я узнал его. Макаровский, из тира. Полутонный удар его пули бросил Сурена Давидовича на бок. Он лежал в опаленной тлеющей куртке и сжимал в руках коробку.

НА СВОБОДЕ

Я даже не подумал, что надо взять у него зеленую коробку, и не вспомнил о страшных лучевых пинзах корабля. Меня спасло то, что проход был в глубоком ответвлении оврага и черный шар,

заблестевший после выстрела поисковыми вспышками, не смог меня поймать. И еще то, что я сразу бросился наутек.

Корабль был слишком хорошо замаскирован. Он мог пожить весь лес в стороне, а вблизи было полно «мертвых зон». Я бежал. Лучи плясали над моей головой, каждый лист сверкал, как осколок зеркала. Уже шагах в пятидесяти от прохода я услышал стонущий гул корабля на подъеме и бросился на землю. Прополз под ветками ели, оказался в старой осушительной канаве и замер, весь осыпанный сухими еловыми иглами и чешуйками коры. Корабль гудел. Я хотел поставить листолет на предохранитель, чтобы не выдать себя случайным выстрелом,— не было сил. Пальцы не слушались. Весь лес наполнился гудением. Но лучи больше не сверкали.

Кое-что я соображал, хотя едва дышал и был отчаянно напуган. Вряд ли они захотят из-за меня демаскировать корабль, колотя лучеметами по всему лесопарку. Значит, надо уползать, не поднимаясь из спасительной канавы. Тогда мне будет угрожать только внешняя охрана — заяц-Десятиугольник. Корабль гудел довольно долго. Может быть, искал меня внутри защитного поля. Приподнялся и высвечивал каждый угол. Расчетчик, наверно, не догадался, что беглец получил обратно «копознатель» и уже вышел из зоны.

Были еще разные мысли, когда я лежал под сухой елью и полз по дну канавы. Что я — единственный человек на Земле, который знает планы пришельцев, и поэтому должен удрать во что бы то ни стало. И хорошо, что я — не убийца, потому что Сур регенерирует, как Павел Остапович. Что десантники нас в грош не ставят, если один заяц держит внешнюю охрану самого корабля. Хотя зачем его охранять при защитном поле, лучевой ловушке, «летающих блюдцах»?

Я полз долго, замирал при каждом шорохе. Потом канавка окончилась, и надо было переползать просеку. Я вспомнил о «летающих блюдцах». Корабль мог их выпустить или приказать тем трем меня отыскивать. Они летают бесшумно. Хорошо, что лес такой густой. Заяц, конечно, тоже ищет. Почему-то я не особенно опасался зайца. Разряд у него самый низкий, и вообще не зверь, мелочь, а у меня — пистолет...

Наконец я решился перепрыгнуть просеку и снова на животе пополз к шоссе. На обочине залег в третий раз. Странное там было оживление... Урчали автомобильные моторы, слышались голоса, ветерок гнал какой-то мусор по асфальту, бумажки. Пробежал десантник в сторону Синего Камня. Я помнил его в лицо, а как зовут, не знаю; маленького роста, худой, лоб с залысинами и большие глаза, темные. Он промелькнул, легко, быстро дыша на бегу.

Я видел вблизи всего пятерых людей-десантников: гитариста Киселева, шофера такси, Сурена Давидовича, Рубченко и Линию восемнадцать. Но сухого, опаленного выражения их лиц я никогда не забуду и ни с чем не спутаю. Мимо меня по шоссе пробежал десантник.

Спустя двадцать секунд проехал фургон «Продовольственные товары» с болтающейся задней дверью, и я рискнул чуть высунуться и увидел, как большеглазого десантника подхватили в эту дверь. Внутри было полно народу. Только я спрятался — промчался велосипедист, низко пригибаясь к рулю, оскаленный, с черными пятнами пота на клетчатой рубашке. Под рубашкой, на животе, при каждом рывке педалей обозначался квадратный предмет. Велосипедист промчался очень быстро, но я мог поспорить, что он тоже десантник. За ним проехали сразу несколько крытых грузовиков, и я не разобрал, кто в них сидел. Они казались набитыми до отказа.

Следующая машина — серый «Москвич», как у Анны Егоровны.

Я посмотрел в чистое, светлое вечернее небо. Там по-прежнему не было ни облачка, и самолетов тоже не было. Что же, наши пошли в наступление все-таки? Прошло не больше сорока минут из часового срока. Пятьдесят от силы. А если пошли, то почему без авиации? Потом, с чего бы пришельцам бежать к Синему Камню, мимо корабля. Они же к кораблю должны удирать. Непонятные дела...

Я лежал у обочины. Мимо проезжали, пробегали, мелькали десантники — мужчины и женщины, молодые и пожилые. Я смотрел, изнывая от любопытства. Только что я думал, что с меня хватит на всю жизнь, лет на сорок наверняка, а тут захватило; я даже приподнялся, теряя выдержку. Как раз промчалась спортивным шагом компания молодежи из универсама. Они бежали хорошо, в рабочих тапках. Девчонки подвернули юбки. Нелкина подруга, кассирша Лиза, прыгала в белых остроносых туфлях с отломанными каблукками. Представляете?..

Справа провизжала тормозами невидимая машина, крикнули: «Давай!» Перед моим носом плавно прокатился велосипед без седока. Машина газанула, обогнала его и скрылась.

Подъем здесь довольно крутой, — блеснув спицами, велосипед загрел в канаву за ближайшим кустом.

От города непременно набежит пеший десантник и заберет велосипед. Сядет и поедет. А я что — рыжий?! Нет, вы посмотрите — «Турист», с восемью скоростями, новехонький... Чей бы это мог быть велосипед?

Я оттащил его от дороги, опустил до отказа седло, спрятал ключи в сумку и поехал за десантниками.

Теперь я сам не понимаю, как это получилось. Я же твердо помнил, что должен отыскать любую лазейку, уйти из Щекина и предупредить о готовящемся захвате главных столиц мира. И — за- был обо всем. Хотите знать, почему?

Я решил, что Степка уже там, куда едут десантники, и я нужен ему. В лесу, проползая к дороге, я словно бы увидел очень ясно Степку и услышал его голос: «Давай сюда, живее!»

Но когда я садился на велосипед, Степка уже никого не мог позвать на помощь.

ИНСТРУКЦИЯ

Степан добрался к высоковольтной линии ровно в пять часов дня — по часам Вячеслава Борисовича. Большую часть пути он пробирался низом, по оврагу. Разодрал подол платья, потерял платок и едва разыскал его в кустарнике. Он все думал — догадается ли Вячеслав Борисович воспользоваться «посредником» и разгипнотизировать своих сотрудников? Насчет сознания — «вишенок» он понимал не слишком ясно и поэтому называл это дело гипнозом. Про себя, конечно.

Он вышел к высоковольтной линии на границе совхозных угодий, у плотины, за которой был пруд. В одном месте через плотину пробивалась тонкая струйка воды, и Степка напился и долго отплевывался песком. Вылез из оврага. Мачты высоковольтной были рядом. Теперь надо было отыскать хорошее укрытие, чтобы к нему нельзя было подобраться незаметно.

Такое место нашлось сразу — сторожевая вышка птицефермы. Обычно на ней восседал сторож с двустволкой, «дед». Сегодня вышка была пуста. Уток тоже не было на пруду — загнали в птичники задолго до времени, понял Степан. При любой суматохе перебить столько уток невозможно, их тысяч десять, а может, и больше.

Степка зажмурился и одним духом оказался на вышке. Знаете, не особенно-то весело за каждым поворотом ждать засады. Ему чудилась засада на этой вышке, как и везде. Но вышка была пуста. На крытой, огороженной досками площадке стоял табурет. В углу лежал огромный рыхлый валенок. Между досками имелись превосходные широкие щели — сиди на валенке и смотри по сторонам.

Степан так и сделал. Огляделся на все четыре стороны и никого не увидел. Где-то за домиками ссорились птичники, и на шоссе урчала машина. Больше ничего.

Теперь Степка мог спокойно прочесть инструкцию Портнова.

«1. Иди к высоковольтной линии и спрячься как можно лучше. (Сделано — отметил Степка.) Дождись 19 час 30 мин и только тогда начинай действовать.

Твоя задача: оставить телескоп без энергии к 19 час 55 мин. Можно к 19 час 45 мин, но не раньше!»

«Правильно! — восхитился Степан. — Чтобы послать сигнал по радио, нужна электроэнергия, и она подводится к телескопу по этой высоковольтной линии! Ловко придумано, и как просто!» Он торопился дочитать до конца.

«2. Ты должен порвать два провода высоковольтной линии между городом и совхозом. Одного провода тоже хватит, но два надежнее. Постарайся.

3. Чтобы порвать провода, выбери один из способов:

а) Разбей выстрелами гирлянду изоляторов на любой мачте, чтобы провод упал на землю. Стой как можно дальше от линии и обязательно перпендикулярно линии. Ближе 50 метров не подходи — убьет током. Стой, обязательно сдвинув ноги вместе. Уходить после падения провода надо бегом, не торопясь. Следи, чтобы обе ноги на земле не были одновременно. Если придется встать, сразу обе ноги вместе, подошва и подошва. Это необходимо потому, что электричество пойдет по земле. Два расставленные ноги — два провода, по ним пойдет ток и убьет. Помни: на земле одна нога или две ноги вплотную!

б) Второй способ. У концевой мачты (совхоз. пруд) стоит белая будка, к которой спускаются провода. Надо разбить выстрелами изоляторы, к которым подходят эти провода (на крыше будки). Разбить две штуки, как можно ближе к крыше. Этот способ сложнее, так как с земли не видно той части изоляторов, которая на крыше...»

Дальше читать было ни к чему. Последняя мачта высоковольтной линии маячила своей верхушкой как раз на уровне площадки — четыре косые голенастые ноги и шесть гирлянд коричневых, тускло блестящих изоляторов. Под мачтой стоял аккуратный беленый домик. На его крышу, на три высокие изоляторные колонны, стекали с мачты яркие на солнце медные провода. Все это хозяйство было как на ладошке — щеголоватое и новое, и от него далеко пахло металлом. Мачта блестела алюминиевой краской, в побелку домика наверняка добавляли синьки, его двери-ворота были густо-зеленые, и даже плакаты с черепом и молниями выглядели весело и приятно. Из домика сбоку выходили другие три провода и по небольшим деревянным столбам тянулись к совхозной усадьбе.

Портнов, конечно, не помнил про вышку у утиног пруда, а с нее хороший стрелок спокойно мог расстрелять изоляторы у са-

мой крыши. Хоть все три. У-ру-ру! «Не «у-ру-ру», а идиёт,— осадил себя Степан.— Так тебе и дадут два часа здесь отсиживаться. Залез на пуп и воображает — спрятался!» Он же знать не мог, когда лез на вышку, что придется ждать до половины восьмого!

Так что делать? Слезать? А после представится случай взлезть обратно? Лучшего места не найдешь — стрельба с упора, из прикрытия... Почитаем-ка дальше...

«а) Взломай дверь будки (висячий замок на засове. У двери справа подоткнут ломик, кот. закрывает створку). Бить по горизонтальным изоляторам внутри, справа от входа, с 15 м».

Час от часу не легче! Ломать замок, привлекая к себе внимание, да сколько времени провозишься...

Последний вариант никуда не годился. Надо было выбирать один из двух предыдущих. Конечно, был и третий вариант — укрыться не на самой вышке, а поблизости и дожидаться назначенного времени. Но где найдешь такое укрытие?

Степка всмотрелся в цепочку высоковольтной передачи. Мачты и провода, массивные вблизи, казались вдалеке нарисованными пером на зеленой бумаге. Седьмая по счету мачта была выше предыдущих, потому что провода от нее шли над совхозным шоссе, и Степка вспомнил, что рядом с шоссе была копешка прошлогоднего сена. Маленькая, растасканная на три четверти коровами. Можно и там спрятаться... Ах, дьявольщина! Все бы ничего, догадайся он захватить запасную обойму. Если бить снизу, то два-три патрона обязательно уйдут на пристрелку, и останется всего по две пули на изолятор. Если не одна. А расстояние будет приличное. Он подсчитал, пользуясь Пифагоровой формулой: пятьдесят метров до мачты и тридцать высота... извлечь корень... Метров шестьдесят. Это при стрельбе вверх из пистолета, понимаете? И неудобно, и недолеты, к которым не сразу приспособишься — белого поля вокруг изоляторов нет, как вокруг мишени. Даже из винтовки едва ли попадешь, а из пистолета — гиблое дело.

— А еще научный сотрудник,— злился Степка, раздвигая оказанное платье.

Дьявольщина! Вячеслав Борисович должен был рассказать ему на месте, что требуется. Тогда он захватил бы не одну даже, а две обоймы в запас.

Теперь вышка была единственным шансом на успех. Без нее даже одного провода не обрушишь, — попади снизу вверх, сам бы попробовал!..

Пыхтя от злости, Степка начал думать: нельзя ли добраться до кабеля, зарытого в землю? Ведь электричество только до будки подается по линии, а дальше в земле, по кабелю. Насчет кабеля он догадался сам — вокруг будки торчали палки с безгра-

ка!» А дед кряхтел вверх по лестнице. Он высунул голову из лестничного люка, мрачно отметил:

— Еще одна повадилась... Сигай вниз! — и поставил валенок на место, в угол.

— Не пойду! — свирепо огрызнулся Степан. — Буду тут сидеть!

Дед неторопливо протянул руку и сжал коричневые пальцы на Степкинм ухе. Тот не пробовал увернуться. Старик был такой дряхлый, тощий и двигался, как осенняя муха... Толкнуть — свалится. Степан не мог с ним драться. Он позволил довести себя до лестницы и промолвил только:

— Плохо вы поступаете, дедушка.

— Кыш-ш! — сказал дед.

Степан скатился на землю. Эх, дед, дед... Знал бы ты, дед, кого гонишь...

Он встряхнулся. Утки гомонили на пруду, солнце к вечеру стало жечь, как оса. «Гвардейцы не отступают», — пробормотал Степка и принялся выполнять второй вариант инструкции.

Он мотнул вбок, огибая пруд по правому берегу, чтобы добраться до совхозного шоссе, а там к седьмой мачте. Времени и теперь оставалось много, больше часа, но Степка от злости и нетерпения бежал всю дорогу. На бегу он видел странные дела и странных людей.

Провезли полную машину с мешками — кормом для птицы, и наверху лежали и пели две женщины в синих халатах.

Целая семья — толстый дядька в джинсах, толстая тетка в сарафане и двое мальчишек-близнецов, тоже толстых, несли разобранную деревянную кровать, прямо из магазина, в бумажных упаковках.

Почтальонша остановила велосипед и крикнула: «По сорок пять брали?», а толстая тетка ответила: «В городе брали, в городе...»

На воротах совхоза ярко, в косых лучах солнца, алела афиша клуба: «Кино «Война и мир», III серия». Вчерашнюю афишу, про певца Киселева, уже сменили.

Большие ларни из совхоза, в белых рубашках и галстуках бабочкой, шли к клубу. Степке казалось, что в такой хорошей одежде они не должны ругаться скверными словами, а они шли и ругались, как пришельцы.

Все эти люди шли в кино, несли покупки, работали в вечерней смене на фермах, вели грузовики на молокозавод, ругались, даже пели, как будто ничего не произошло.

Пролетела телега на резиновом ходу, запряженная светло-рыжей белогривой лошастью. Сбоку, свесив ноги, сидел длинный дядька в выгоревшем синем комбинезоне и фуражке, а лошадь

погоняла девочку с косичками и пробором на круглой голове, и лицо ее сияло от восторга. Занятый своими мыслями, Степка все же оглянулся и посмотрел вслед. Лошадь шла замечательно. Поправляя платок, он смотрел вслед телеге и вдруг внезапно насто-рожился и перебежал к живой изгороди, за дорогу.

Прямо перед ним было картофельное поле, на днях засеянное. За темно-коричневой полосой поля зеленела опушка лесопарка, вернее, небольшого клина, выдающегося на правую сторону шоссе, к Синему Камню. По опушке, перед молодыми сосенками, перебежал человек с пистолетом в руке. Он двигался справа налево, туда же, куда и Степка. Вот он остановился, и стало видно, что это женщина в брюках. Она смотрела в лес. Пробежала шагов двадцать, оглянулась...

Погоня.

«Опять женщина», — подумал Степан. Он давно полагал, что женщин на свете чересчур много. А пришелец не слишком-то умный — бегает с пистолетом в руке. Еще бы плакат нес на палке: ловлю, мол, такого-то... Только почему она смотрит в лес?

Дьяволище! Как было здорово на вышке!

Загрохотало, завизжало в воздухе — низко, над самым лесопарком и над дорогой, промчался военный самолет. Были заметны крышки на местах убранных колес и тонкие палочки пушек впереди крыльев.

Женщина на опушке тоже подняла голову и повернулась, провожая самолет. И парни на дороге, и две девушки в нарядных выходных платьях проводили его глазами.

Было очень странно знать, что они даже не подозревают ничего. Один парень проговорил: «Во дают!», а второй, сосредоточенно пытаясь, расстегнул свой галстук сзади на шее и пошел дальше, а девушка взяла у него галстук и спрятала в сумочку.

Пришелец решительно отвернулся от леса и направился прямо к Степану. И хотя он никак не мог проникнуть взглядом за кусты, Степка кинулся наутек в прежнем направлении, обогнал компанию с галстуком, и в эту секунду загрохотал второй самолет.

Один самолет мог случайно пролететь над лесопарком. Но два!..

Алешка с докторшей добрались, у-ру-ру! Степка из-за кустов показал женщине нос. И увидел, что она стоит с задранной головой посреди поля и держит в руках не пистолет, а какой-то хлыстик или ремень. Потом она повернулась спиной к дороге и сохому и, пригнувшись, стала смотреть в лес. Присела на корточки. И из леса выскочил странный белый зверь и широченной рысью помчался по опушке... Да это же собака, знаменитый мраморный дог, единственный в Щекине! Его хозяйка — дочка директора

телескопа! Степка даже засмеялся. Он же прекрасно знал, что эта самая дочка тренирует собаку в лесопарке. Вот она, в брюках, а в руке у нее собачий поводок...

Он стоял со счастливой улыбкой на лице. Нет за ним погоня, а докторша с Алешкой добрались! Уже прошли первые самолеты. Сейчас пойдут войска на вертолетах, волнами, как в кино, и густо начнут садиться вокруг телескопа, и солдаты с нашивками-парашютами на рукавах похвалят пришельцев, заберут ящики «посредников», и все!

Но вечерний воздух был тих. Степка воспаленными глазами шарил по горизонту — пусто. Над телескопом ни малейшего движения. «Дьявольщина! — вскрикнул он про себя. — Алешка же ничего не знает про телескоп! Он же сначала уехал, а после я узнал... Самолеты сделали разведку, ничего тревожного не обнаружили, и наши двигаются себе, не торопясь... А ну, вперед!»

Он вздохнул, привычно оглянулся: на дороге позади спокойно, впереди тоже. А в поле...

Женщина подбегала к опушке, а собака сидела, повернув морду ей навстречу, и держала в зубах здоровое полено.

— Вот так псина, ухватила такое полено!.. Вот так так... — шептал Степка и непроизвольно шагнул с дороги.

Полено уже было у хозяйки, а собака виляла хвостом. Степка пригнулся и побежал к ним через поле.

Женщина в брюках открывала футляр для чертежей.

— Вот так полено! — шептал Степан, подбегая к ним.

Он даже не подумал, что в городе сотня таких футляров — коричневых, круглых, с аккуратными ручками. Вот упала бумага, подложенная под крышку. Потянулась нитяная масляная ветошка...

Женщина повернула к Степке румяное лицо, приказала собаке: «Сидеть!» Из футляра торчала еще ветошь. Степка сказал:

— Это мое. Я потерял...а.

Собака дышала — «ха-ха-ха-ха» — и с неприязнью смотрела на Степана.

— Твое? Возьми, пожалуйста, — приветливо сказала дочь директора телескопа. — Зачем же ты раскидываешь свои вещи?

— Я не раскидывала, — сказал Степан, понемногу отходя. — Я спрятала... там. — Он махнул в сторону шоссе. — Вижу, собака... Спасибо! — крикнул он и побежал, пока эта немолодая румяная женщина не передумала и не спросила что-нибудь лишнее.

Она, впрочем, и не собиралась спрашивать. Позвала собаку и побежала с ней в лес.

ОГОНЫ

Степан сунул руку под ветошь. Бластер лежал, как его укладывали в тире: хвостовой частью вверх, обмотан тряпкой. Удача. С таким оружием не изолятор — целую мачту свалим в два счета... Как его нести? Эти через Сура должны знать, в чем уложено их оружие. Степан выкинул чехол и понес бластер, оставив его в масляной тряпке.

Значит, Анна Егоровна не добралась с Алешкой. Их перехватили, и они выкинули бластер из машины, думал Степан. Он знал, что сейчас не время думать о постороннем. Сейчас все постороннее, кроме дела.

Точно к половине восьмого он вышел на луг между седьмой и восьмой мачтами и увидел прошлогоднюю копешку. Кругом опять ни души. День был такой — пустынный. Он сказал вслух фразу из «Квентина Дорварда»: «Все благоприятствовало отважному оруженосцу в его благородной миссии». Покраснел. Улыбаясь, что все так великолепно получается, выбрал место — замечательное место! Луг пересекала канава, узкая и глубокая. Откос ее давал опору для стрельбы вверх. Степан не торопясь отмерил шестьдесят метров от опоры, прыгнул в канаву и лег на левый бок. Развернул бластер и удивился, как удобно сидит в руках чужое оружие. Оно было не круглое, а неправильное, со многими вмятинами и выступами. Рука находила свои вмятины и выступы — сидело, как влитое. Чтобы выстрелило, надо нажать сразу оба крылышка у рукоятки — вот так...

Он уперся носками в землю, рыхлую на откосе, установил левый локоть, чуть согнув руку, и убедился, что бластер лежит прочно и не «дышит» в ладони. Поставил его на линию с правым глазом и верхушкой мачты, а двумя пальцами правой руки сжал крылышки... Шшихх! Вздогнув, бластер метнул молнию, невидимую на солнце, но ярко, сине озарившую изоляторы. Когда Степка смигнул, стало видно, что одна гирлянда изоляторов оллавилась, но цела. И провода целы. Дьявольщина! Этой штукой надо резать, как ножом, а не стрелять в точку!

Тут в вышине что-то блеснуло, за мачтой, далеко вверх. «В глазах замелькает от такого», — подумал Степан, прицелился под изоляторы и повел бластер снизу вверх, не отпуская крылышек, — шшихх! шшихх! Третьего выстрела не получилось, а блестящий кристалл головки стал мутным.

Один провод — ближний — валялся на земле. «Можно и один, но лучше два», — вспомнилась инструкция Вячеслава Борисовича. Бластер больше не стреляет... «Дьявольщина и дьявольщина!» —

пробормотал Степка, положил бластер и выудил из-под платья пистолет.

Над проводами снова блеснуло, как маленькая, круглая радуга в бледном небе... Сильно, страшно кольнуло сердце. Он прыжками кинулся под копну, молния ударила за его спиной, ударила впереди. Густо, дымно вспыхнула копна. Над первыми струями дыма развернулся и косо пошел вверх радужный диск. Полсекунды Степка смотрел, не понимая, что он видит и какое предчувствие заставило его бежать. Но тут диск опять стал увеличиваться. Ярче и ярче вспыхивая на солнце, падал с высоты на Степку. Он снова помчался через весь луг зигзагами. Полетел в канаву, и вдруг его свело судорогой. Выгнуло. В глазах стало черно и багрово, и крик не прорывался в глотку. «Погибаю. Убивает током», — прошла последняя мысль, а рука еще сжимала пистолет. И последнее он чувствовал, как ток проходит из пистолета в руку.

Несколько секунд «блюдец» еще висело над канавой. Потом, не тратя заряда на неподвижную фигурку в голубом платье, переместилось к бластеру, втянуло его в себя, косо взмыло над лугом и скрылось.

ИСХОД

... Все пешие бежали по шоссе, и, вкатившись на бугор, я увидел, как впереди их подсаживают в машины. Последняя «Волга» обогнала меня на спуске; она шла пустая, не спеша — та самая черная «Волга». Один водитель. Значит, всех подобрали.

Дальше я ехал один, изо всех сил нажимая на педали. С бугра у автобусной остановки я не успел рассмотреть, сворачивают ли машины направо, к телескопу. Но полсотни машин, промчавшихся одна за другой, налоснили мягкий асфальт до блеска, оставили такой след, что не собьешься. Я свернул за ними и поехал к телескопу.

С каждым оборотом колес я боялся все больше, а остановиться не мог. Почему-то запало в голову, что увижу там Степана, понимаете?

...Садилось солнце, обойдя свой круг по небу. Чаша телескопа стала ажурной на просвет, как черная частая паутина. Она поднималась и росла, пока я подъезжал. Закрыла полнеба, когда я вырुлил на асфальтовую площадку перед воротами.

Площадка была забита пустыми машинами. Вкривь и вкось, вплотную к воротам и дальше, по песчаной обочине, стояли автобусы, бортовые грузовики и самосвалы, зеленые «газики» и «Волги». Торчали, как рога, велосипедные рули. От «Москвича»,

угодившего радиатором под заднюю ось самосвала, растекалась лужа, клубящаяся паром.

Я прислонил велосипед рядом с другими. Прислушался. Из-за забора доносились странные звуки. Завизжали женщины, глухо заревели мужские голоса, бахнул выстрел. Коротко, сильно вскрикнула женщина, забубнили другие голоса. И все стихло.

В этот момент я увидел на кабине грузовика, ближнего к воротам, десантника с винтовкой. Он сидел спиной к радиатору. Когда я проснулся между машинами, он сделал выразительное движение: проваливай. С его сапог капала вода. Он угрожающе поднял винтовку — я отскочил и, пригибаясь, пробежал вокруг площадки к забору и полез на холм.

Здесь склон круто уходил вверх, так что бетонные звенья забора напоминали лестницу с четырехметровыми ступенями. Под нижней частью каждого звена оставалась клиновья щель, присыпанная песком. Неаккуратно заделано, почти везде я мог поднырнуть под забор. Но дальше по склону маячила фигура с черточкой винтовки наперевес, и я боялся оторваться от кустарника. Лишь когда он повернулся спиной и пошел вверх, я подскочил к забору, поднырнул, оказался на той стороне и сразу плюхнулся лицом в молодые лопухи — десантник с винтовкой поднялся на кабину и смотрел на холм. Он постоял и сел, прогрохотав сапогами. Я кинулся наверх, к ближнему дому. Крики доносились сверху, волнами. Сначала вскрикивает один, потом несколько голосов, потом строгий мужской окрик — и тишина. После тишины, через неравные промежутки времени, все повторялось.

Я пробежал к дому, обогнул его по бетонному борту фундамента, мимо двери черного хода, и высунул за угол. Никого. Совсем близко женский голос кричал: «Господи, что же это!» и властные, режущие крики: «Лицом внис-с! Руки за гол-ову! Лежать!» Обмякнув, держась за водосточную трубу, я смотрел на следующий угол, из-за которого теперь слышалась тишина, и тут же следующий вскрик и безжалостная команда: «Руки за го-лову! Ле-жать!» И еще. И еще. И хрюкающий звук удара.

Я отполз за угол. Оглянулся. Новый звук нарастал и постепенно наполнял холодеющий закатный воздух. Задребезжали стекла в доме. Мне показалось, что воет и дребезжит у меня внутри от страха и одиночества. Звук стал оглушительным, и, не помня себя, я вскочил в дверь — створка пела и ходила ходуном, и внезапно все смолкло. А передо мной была стеклянная стена вестибюля. Ока выходила на ту сторону дома. Очень близко, перед самыми стеклами, стоял корабль пришельцев. Из-под широкой плиты еще вылетали струи пыли, он устанавливался, покачиваясь,

Кроме него, я мог видеть только небо. Я думал, что не хочу видеть ничего, и в эту секунду из-за корабля полезла вверх серая и зеленая пелена, стали подниматься кусты, белая полоса дорожки, черный диск клумбы. Небо закрылось. Это корабль поставил вокруг себя защитное поле, как в овраге.

Поле как бы изогнуло пространство перед стеклянной стеной. Теперь я видел площадку справа от корабля. По ней тесно, как бревна в плоту, лежали люди. Лицами вниз. Их было человек сто, у всех руки закинута на затылки. Над ними, спинами ко мне, стояла редкая цепочка десантников — только мужчины, с пистолетами и винтовками наготове. Когда лежащие приподнимали головы или вскрикивали, десантники подскакивали к ним и били ногами или прикладами. Слева, из-за корабля, непрерывно подавали новых — полубегом, с руками, вывернутыми за спину. Швырком укладывали вплотную с остальными. Прежде чем я опомнился, уложили человек десять. Я опомнился, когда подвели и швырнули на землю худого, большеглазого десантника, которого я первым увидел на шоссе. Он хрипел: «Здесь я почему? Здесь, здесь я почему?»

Что творится, это они свои! Вот кассирша из универмага плачет и пытается снять туфлю с отломанным каблуком... А вот и Нелку приволокли и орут на нее: «Рук-ки за голову! Лежать!» Я пробежал по пустому вестибюлю налево и увидел, откуда их тащат. Из очередей. Аккуратно, в затылок, стояли цепочки десантников, как в очереди за билетами в кино. Три очереди, и в каждой, наверно, по полсотне людей или больше. Через стекла было трудно смотреть — внутри защитного пузыря все получалось изогнутым, искаженным, особенно с края площадки. Но я рассмотрел, что средняя очередь тянулась к седому — Линки восемнадцать. Он стоял лицом к очереди, держась вытянутыми руками за зеленый столб. Десантники спокойно один за другим подступали к столбу, вынимали «опознаватели» и сразу, как от удара, подгибали ноги и сваливались на руки заднему. Тот держал, а сбоку подскакивал здоровенный десантник и уводил ударенного, выкручивая ему руки на ходу. Задний, освободившись, сам шагал к столбу и тоже падал. А здоровенные непрерывно сновали между очередями. Хватали, выкручивали, тащили направо. Их было много, потому что в двух боковых очередях творилось то же самое и так же непрерывно. Там десантники подходили не к зеленому столбу, а к зеленым ящичкам в руках Киселева и Потапова. Боковые очереди двигались медленнее, но так же неуклонно, спокойно. Без страха. Словно не видя, что им предстоит: обморок, выкрученные руки и лицом в землю или на бетон. А вот их уже кладут прямо на клумбу...

Высокий черноволосый парень то и дело менял Киселеву и Потапову зеленые ящики.

Директор телескопа профессор Быстров тоже стоял в очереди, я узнал его по черной шелковой шалочке. Он благодушно улыбался. И вдруг на площадку выбежал его пес, который уволок бластер от корабля. И стал в очередь! Тогда профессор засеменил к седому, показал на собаку. Седой резким, злым движением сунул его без очереди. Профессора увели двое здоровенных, не выкручивая ему рук, посадили в сторонке. Кто-то подошел к собаке, и она кивнула — я сам видел! — и оставила очередь. Бросилась направо, присоединилась к тем десантникам, которые стерегли лежащих... Там уже набралось сотни три, они лежали рядами, и стоял сплошной вой и грохот. Некоторые пытались садиться, кричали, охранники прыгали как бешеные и все чаще стреляли над головами. И собака стала носиться между рядами и бить корпусом тех, кто садился... Она сразу навела порядок, только очень уж страшно стало смотреть. Я чуть с ума не сошел. Я же не знал, что человек совсем ничего не помнит, когда десантник из него высаживается. Я думал, хоть немного должен помнить. А эти несчастные люди! Многие из них с утра носили в себе десантника, и вдруг — вечер, пальба и удары сапогами! После я узнал, что никто из них не видел очереди к «посредникам». Вернее, не помнил. Их били, толкали и орали страшно, но заставили всех лежать вниз лицами. И, наверно, так было лучше. Увидели бы они очереди — наверняка бы рехнулись. Я совсем уже рехнулся, но тут появился заяц-Девятиугольник. Он шариком проскочил под ногами, подпрыгнул к столбу, и вся очередь загготала, а передний поймал его за ухо, вынул «копознаватель» и, подержав зайца у столба, бросил его на землю. Ох, как же он удирал!.. Он мелькал вверху и внизу, он снова стал простым толстым зайцем и не мог выйти из защитного поля!

Когда он последний раз сиганул за кораблем, очереди уже иссякли. Здоровенные десантники подбегали к седому — он по-прежнему стоял у «посредника» и бесстрастно смотрел, как Киселев и черноволосый верзила подхватывают десантников и расшвыривают кругом площадки. Тела падали бесшумно, потому что справа все громче орали люди и бешено, хрипло рычала собака. Через секунду упал и седой. Я вдруг увидел, что он лежит у «посредника» и Киселев перешагивает через него. Киселев вдвоем с верзилой подхватили зеленый столб «посредника», потащили его к кораблю; верзила на ходу сшиб кого-то кулаком. Открылся люк. В него всадили «посредник» и мешок с бластерами. Пес метался перед люком, отшвыривал всех, кто пытался подойти. Какая-то женщина стояла, зажав себе рот двумя руками, и вдруг

вскрикнула — верзила заглянул в люк и стал падать медленно, как сосна. Сейчас же у корабля оказался пес. Оскальзываясь лапами, поднялся на дыбы, приложил морду к люку и упал навзничь, как человек.

Киселев был последним. Не спеша, покачивая бластер на шнуре, оттащил парня от корабля. Откатил собаку, как мешок. Пошел к люку. Бластер спустил в люк, а шнурок спрятал. Прилагаясь, держась одной рукой за край отверстия и свесившись всем телом наружу. Я отчетливо помню, как он висел на руке, а на него и на корабль смотрели несколько очнувшихся людей. Он крикнул:

— Отойдите! Отойдите, болваны! — и покатился к ним под ноги.

И тут же с звонким хлопком исчезло защитное поле. Сумеречное небо упало сверху, как занавес. Открылись вечерние холмы, дорога, цепочка квадратных машин на ней. Загремели, запели стекла — медленно и плавно, как лифт, поднялся корабль, песчаные вихри забарабанили по окну перед моим лицом. Неловко, хватаясь друг за друга, вставали люди. Киселев смотрел то вверх, то на черную тесьму от гитары, которую вытащил из кармана.

Огромный пес сидел рядом с профессором и пытался лизнуть его в щеку, а тот слабо отталкивал его и смотрел в небо, придерживая шапочку.

УШЛИ

Я отвалил тяжелую стеклянную дверь и нерешительно вышел из укрытия. Понимая, что пришельцы отступили, я боялся в это поверить, хотя и видел яркую радужную кляксу, уходящую в зенит. От нее кольцами разбегались по небу веселые кудрявые облака.

С тех пор я не люблю смотреть на облака, быстро бегущие по небу.

Еще несколько минут я был в сознании. Стоял на крыльце, пытался понять, кто передо мной — десантники или уже люди. Из толпы на меня смотрел полковник Генин. Он мотал головой, поправлял галстук, будто его душило, и отряхивал о колено фуражку. Полковник попался пришельцам позже всех и поэтому кое-что понимал. Увидев, что я вышел из двери, он шагнул ко мне и спросил:

— Ты что-нибудь знаешь? — и показал в небо.

— По-моему, они ушли, — сказал я.

Он кивнул. Пробормотал: «Как бы знать, где упасть», опять поправил галстук и крикнул:

— Внимание! Внимание! Военнослужащие — ко мне!

Стало тихо. Или у меня в голове стало тихо. Помнится, Ганин приказал нескольким военным и милиционерам собрать оружие и быстро пошел к воротам. А я бежал за ним, чтобы рассказать о планах пришельцев, но у меня язык не поворачивался, потому что час тому назад сам полковник предложил этот план — с захватом Москвы, Нью-Йорка и Лондона, и я все еще не вполне верил, что полковник больше не пришелец. И так мы вышли к воротам, навстречу бронированным машинам парашютистов, разворачивающимся вокруг ограды телескопа, и больше я ничего не помню. Только большие колеса и синий дым выхлопов...

Остальное я знаю от других людей. Как парашютисты сдвинули машины вокруг холма и предупредили в мегафон, чтобы никто не выходил за ворота, иначе будут стрелять. Полковник не решился ослушаться, а я проскочил в калитку и побежал к ближайшему бронетранспортеру, под дулами пулеметов, напрямик. Говорят, я влез по броне, как жук, и стал кричать: «Где у вас командир?» — и меня соединили по радио с командирской машиной и убедили, чтобы я все сказал в микрофон. Я сказал насчет пришельцев, а потом вспомнил о Сурене Давидовиче и так заорал в микрофон, что командир полка приказал отвезти меня в лесопарк. Я потерял сознание только в овраге: показал на Сурена Давидовича, лежащего в русле ручья, и сам упал.

Сурен Давидович остался жив, у него даже астма прошла. Он поправился раньше меня. Мы с ним лечились в одной больнице, и он ходил меня навещать, когда я еще не мог голову поднять с подушки.

Я болел долго, целый месяц, и едва не помер. У меня была «нервная горячка с сумеречным состоянием» — так объяснила Анна Егоровна, которую я увидел, как только открыл глаза. Ее и Степку. Ему-то повезло, он почти не пострадал от удара электрического тока, лишь волосы немного вылезли и на правой ладони остался шрам от ожога. Конечно, он бы не отделался так легко, если бы не защитные аппараты на электростанции. Они выключили линию через несколько секунд после того, как упал провод, так что на Степкину долю пришлось секунда или две, а потом он очнулся. Но занятия в школе он запустил не меньше моего. Весь месяц он торчал у нас в больнице, и даже Анна Егоровна не могла его отвезти.

Анна Егоровна меня спасла. Она, правда, леденеет от злости, когда ей об этом говорят. Мою мать она выставила из своей квартиры вместе с подарками. Представляете, мать явилась к докторше и стала называть ее «благодетельницей»! Да еще совать ей отрез на пальто! С Анной Егоровной шутки плохи, точно вам говорю. Когда ей в райкоме не поверили насчет пришельцев, она

подняла такую бучу, что секретарь райкома все-таки приказал послать в Щекино вертолет. Тот, который видел Стелка, проезжая к телескопу. На вертолете прилетели райоенком и седой начальник — Титов его фамилия, — чтобы разобраться на месте и доложить. Понятное дело, пришельцы посадили к седому Линию восемнадцать и к майору тонке посадили «копию», и они доложили, что в Щекине все в порядке, а докторшу надо отправить в сумасшедший дом, чтобы не устраивала паники.

Что было в следующие полтора часа, Анна Егоровна не рассказывает, но я себе представляю, как ей было худо и как она честила меня за бластер. Ведь если бы она показала в райкоме оружие пришельцев, ей сразу бы поверили... В общем, через полтора часа позвонили уже из обкома партии и приказали доставить Анну Егоровну в областной центр, потому что за это время Вячеслав Борисович Портнов сумел включить радиостанцию телескопа и передать радиограмму прямо в Москву. И Москва приказала действовать решительно.

Щекино стали окружать парашютной дивизией, вылетел вертолет с полковником Ганиным. Уже не для разведки, а с предупреждением об атомной атаке. Это была настоящая военная хитрость. На самом-то деле решили вести наступление на бронированных машинах и никого не подпускать к машинам. Теснить пришельцев, не давать им передвигаться по городу и по дорогам, загонять в укрытие, пока ученые не найдут способа обезвредить «посредники». Ведь чтобы захватить нового человека, пришелец должен подобраться к нему вплотную. А сквозь броню «посредники» не могли действовать даже на самом малом расстоянии. Помните, для того чтобы захватить Сурена Давидовича, гитарист присунул зеленую коробку к замочной скважине в двери подвала? Там дверь обита тонким железом, и то пришлось к замочной скважине, а на танках броня толстая, так что парашютистам угрожали только лучеметы. Ну, это уж на войне так на войне...

Полковник Ганин об этом плане ничего не знал. Ему сказали совершенно определенно: «Посылаем вас на смерть. Если противник вас задержит и не выполнит условий ультиматума, мы будем вынуждены атаковать ядерным оружием». Это было жестоко, но другого выхода у нашего командования не было. Знай Ганин, что угрозу не собираются привести в исполнение, то и пришельцы бы узнали это очень скоро, посадив в парламентаря «копию». А так он, превратившись в Линию восемь, с полным убеждением оповестил пришельцев о предстоящей атомной атаке.

Дальше понятно. Пришельцам вовсе не улыбалась перспектива атомного нападения. Кстати, им в Щекине уже нечего было делать — сквозь танковое кольцо без потерь не прорвешься. И они

задумали свою хитрость. Сделать вид, что уходят насовсем, но прежде навести основные силы прямо на столицы великих держав.

Для этого пришельцы должны были ровно в восемь часов вечера послать сигнал с радиотелескопа. Почему это не удалось, вы знаете.

ЧТО МЫ ЕЩЕ УЗНАЛИ

Ну вот, я написал про все, как оно было. Довольно скучное занятие — писать. Скучнее, чем решать задачки по алгебре. Но Степка, который сам ничего не написал, а только мешался — здесь я напутал, тут забыл, — Степка говорит, что надо еще написать о наших разговорах с профессором Быстровым и полковником Ганиным.

Профессор вернулся из Москвы и навестил меня в больнице. Мы со Степаном тут же спросили его: зачем пришельцы устроили себе морочу с нашим телескопом? Своего передатчика привезти не могли, что ли? Профессор сказал, что могли, конечно, да все дело в антенне. При самой могучей технике антенна для дальней космической связи будет все равно большая и тяжелая. При необходимости они могли вооружиться такой антенной. А если до сих пор не было такой необходимости? Если в космосе им попадались до сих пор планеты, вообще не способные к защите? Взять хоть нашу Землю: по чистой случайности пришельцы наткнулись на нее в двадцатом веке. Всего лишь семьдесят-восемьдесят лет назад они совершенно спокойно сели бы в любом месте, не боясь ни танков, ни самолетов, ни атомных бомб, ни наблюдения со спутников. Тогда Земля была беззащитной и разведочный корабль мог без спешки вернуться к армаде и привести ее с собой.

Профессор сказал, что пришельцы еще за миллионы километров должны были поймать волны земных радиопередатчиков и догадаться, что на Земле — развитая техническая цивилизация. Возможно, способная на самозащиту. Поэтому они сначала послали к Земле автоматические разведчики, «летающие блюдца» например. Автоматы вернулись и доложили, что на голубой планете живет много миллионов разумных существ, контролирующих ближний район космоса. Что на Земле есть гигантские антенны, работающие на таких-то волнах и способные передавать направленные сигналы. Что в некоторых местах разумные существа селятся гуще, а в других почему-то реже; и в одном малонаселенном месте стоит прекрасная большая антенна.

Автоматы наверняка выяснили еще какие-то подробности. Засекли все искусственные спутники, летающие вокруг Земли. По словам профессора, разведочный корабль сел как раз тогда, когда ни одного из известных ему спутников не было поблизости. Но самого важного автоматы просто не могли выяснить с воздуха. Уровень земной военной техники остался неизвестным для пришельцев. И они приняли очень разумный и осторожный план действий: послали маленький разведочный корабль, чтобы до высадки главных сил уточнить все детали. И для пущей осторожности решили не возвращать корабль десантников к большой армаде, а передать сведения разведки при помощи радиотелескопа, щекинского радиотелескопа, затерянного среди лесов и полей...

План-то был хорош, но Земля оказалась для пришельцев настоящей шкатулкой с сюрпризами. Профессор Быстров думает, что уже разделение людей по профессиям спутало все карты — ведь пришельцы узнавали только то, что хранили в своей памяти люди, к которым подсказывались «копии». Скажем, после пересадки первой же «копии» в монтера Киселева они получили кое-какие сведения о водородных бомбах, танковых войсках и так далее. Но подробности, подробности! Нет подробностей... Киселев всего только монтер, а не генерал и не политик. Еще человек, еще, еще!.. И все впустую. В Щекине не нашлось ни одного профессионального военного, только отставные, как Сур и Рубченко. Так что пришельцы потеряли довольно много драгоценного времени, пока им удалось заполучить первого военного специалиста, того майора, что прилетел на вертолете. Но тогда они уже столкнулись с очередным сюрпризом, третьим по счету, считая вторым ядерное оружие. Они узнали, что детский, развивающийся мозг не принимает «копию». Профессор сказал, что, судя по разговору в подвале, космические захватчики еще не видывали такого. Наверно, на других планетах детеныши разумных существ рождаются прямо с готовым мозгом. «Или не рождаются», — добавил профессор, и мы — Сур, Анна Егоровна, Степка и я не поняли, что он хотел сказать.

Что значит — не рождаются?

— Например, почкуются, как наши земные кишечнорастворимые, — сказал профессор. — Скажем, пришельцы так и размножаются...

— Ого! Есть такие сведения? Откуда? — удивилась Анна Егоровна.

Профессор покивал своей черной шалочкой: «Есть». И повел речь о том, что оказалось для пришельцев четвертой неожиданностью.

Степка успел мне наговорить о Мите Благоволии — еще был Восхищался, как Митя «во все проник, что твой рентген», и бежал

в общежитие, пытался в городе узнать о Благоволине — впустую. Комната была заперта, никто ничего не знал. Митя исчез, как сквозь землю провалился. И только сейчас, много дней спустя, мы узнали о его судьбе.

Митю нашли в его комнате. Он лежал на полу — как был, в трусах, — и страшно бредил. Кричал, что он «второй пилот» и это тело ему не подходит. И его сразу подхватили — и в самолет, и в Москву! Если он — второй пилот да еще тело не подходит, то не иначе как в нем забыли десантника... Быстрова тоже повезли в Москву как специалиста по пришельцам. И только там уже поняли, что десантнику незачем было бы притворяться больным и кричать про неподходящее тело. Забытый пришелец постарался бы раствориться среди людей и разведать, как лучше устроить вторую попытку вторжения. Попросту Благоволин заболел той же нервной болезнью, что и я. Когда врачи подлечили его и разрешили говорить, Митя рассказал вот что...

Он запер дверь за Вячеславом Борисовичем и Степкой, задвинул ее книжным шкафом. Десантники постучали в дверь — Митя не отвечал. Они постучали еще и включили «посредник». Комната была маленькая, и луч «посредника» через дверь и шкаф прохватывал ее до самого окна.

Первая «копия» сразу приказала Мите отодвинуть шкаф, а Митя сопротивлялся, временами теряя самоконтроль и делая шаг к двери, но всякий раз пересиливал этого и пятился к окну. Потом потерял сознание и очнулся, лежа на полу. В кулаке — оконная ручка, выдернутая с шурупами, а этого в его мозгу не было. Шкаф стоял на том же месте, за дверью было тихо. Митя подошел, прислушался, и его второй раз ударили лучом — посадили другую «копию», высокого чина, Линию, но и ей тоже не удалось совладать с Благоволиным. Третья или четвертая «копия» заговорила с ним о физике и едва не подчинила своей воле. Может быть, это была пятая «копия» — Митя уже путался в чужих сознаниях, которые пытались поднять, скрутить его сознание и, сменяясь, требовали: убери книги, отодвинь шкаф! А он выкидывал этих из себя, одного за другим, и уже все время сидел на полу, чтобы не расшибаться каждый раз при смене «копий». И не отодвигал шкаф. Потом к двоим в коридоре подошел кто-то из жильцов и строго спросил, что они делают здесь. К нему тут же посадили пришельца, и троим они навалились, вышибли хилый замочек, и шкаф стал отъезжать вместе с открывающейся дверью. Митя уже так выдохся, что смотрел на этот шкаф, лежа на полу, с бессильными слезами, и десантники ворвались в комнату и Митю связали. «Посредник» бил теперь в упор, после каждой посадки десантники спрашивали: «Кто ты?», надеясь услышать личный

номер «копии». Но Митя пересиливал ее и отвечал, как автомат: «Я с вами... на «ты»...не пил!» Ему все время внушалось что-то, внушалось, а он старался запомнить, урвать из памяти «копии» — он ощущал эту память, как свою, — старался запомнить, но не подчиниться. Так его, по-видимому, и бросили. Он совсем потерял сознание и не слышал, как десантники уходили.

Да, вот была неожиданность для пришельцев! Взрослый человек не принимал «копий»! Почему десантники не приказали «тебам» убить его! По свойственному им отращению к убийству, наверно. Да Митя, по их мнению, и не мог быть опасным. Обычно «тебам» не помнили ничего.

А Митя запомнил. Что пришельцы почкуются, как речные гидры, профессор узнал от него. Еще он запомнил, что десантным кораблем управляет одна-единственная «копия», ее номер — Точка, и на каждом десантном корабле Точка только одна. Что никакой вычислительной машины в корабле нет. Все «копии», лежащие в хранилище корабля, работают вместе, вычисляя курс и все, что потребуется, — думают, как один общий мозг. Это десантники и называли «Расчетчиком». Когда опустел большой «посредник», им приходилось собираться в общий мозг через «опознаватели». Точка подавала команду «К Расчетчику!» — и они собирались.

Митя запомнил еще много, но профессор не стал об этом рассказывать. Это — первая в истории Земли международная военная тайна.

Второй интересный разговор был с полковником Ганиным, но уже при первом разговоре мы со Степаном поняли, что напрасно мним о себе, как о таких уж храбрых и заслуженных людях. Просто дети неуязвимы для «посредников» — и ничего больше. Если бы Угол сумел посадить в меня «копию» на почте, либо Пятиугольник обработал бы нас в подвале... М-да, нам просто повезло. Всем нам просто повезло, что Земля оказалась такой необычной планетой.

Так вот, насчет третьего сюрприза. Дети не принимали «копий». Поэтому Степка и сумел безнаказанно пронаблюдать все, что происходило у почты, и даже благодаря своей неуязвимости сумел пройти на телескоп — ведь охраннику наверняка было поручено обрабатывать всех проходящих, как веселого старика Прокофьева, например. И мы попали в герои: то разузнали, об этом предупредили, и всякое такое. Полковник Ганин очень много сказал таких приятных слов, когда приезжал дарить нам со Степаном подарки от Министерства обороны. А мы снова воспользовались своим геройским положением и спросили полковника: пытались ли пришельцы нападать на столицы великих держав? Они же собирались.

Полковник посмотрел на нас задумчиво и ответил:

— По-моему, не пытались.

— А точно вы не знаете?

— На Москву не пытались, а за других не отвечаю.

— Так они собирались!— сказал я.

— Раздумали,— сказал полковник.— Я бы на их месте раздумал. Ведь ты остался в живых, и улететь тебя не удалось, а план они обсуждали при тебе. Если противнику стал известен план наступления, его положено отставить. Ясно?

Я надулся от гордости и сказал, что сейчас, наверно, наши следят за космосом из всех сил, чтобы не дать космическим захватчикам высадиться где-нибудь еще. Полковник посмотрел опять задумчиво и ответил:

— Чего не знаю, того не знаю,— и стал прощаться.

По его задумчивым глазам было видно, что он-то знает и что следят за космосом здорово.

— А если бы Степа не отключил телескоп, тогда как? Они бы отставили свой план?— спросил я, когда полковник уже выходил из комнаты.

Разговор был у нас дома. Я еще не ходил в школу. Больше лежал, ноги были слабые. И очень мне запомнилось, как полковник во всей парадной форме стоит у нашей двери, принимает у матери свою фуражку с шитым золотом околышем и говорит:

— Степа Сизов свой долг выполнил честно. Это главное. Насколько же он попортил захватчикам игру, пусть они и прикидывают... У нас все благополучно пока.

...Да, все кончилось благополучно. Еще что замечательно: у Сурена Давидовича совсем прошла астма, а у профессора Быстрова сердечная болезнь. А Валерка как-то сразу подрос за это время и, если его пытаются обозвать «краснобровкин», тут же дает по шее. По-моему, у него и брови погустели, не такие уже розовые полосочки, как прежде. И ребята некоторые выросли — сразу на ладонь-полторы.

Все кончилось благополучно. Только я никогда, ни за что не поднимусь больше на холм к телескопу. Даже на открытие памятника Вячеславу Борисовичу Портнову. Не могу и никогда не смогу простить себе и всем остальным, что мы кричали, радовались, перевязывали царапины. Вспомнить этого не могу. Мы были живы и радовались, а он, спасший нас всех, был мертв и лежал у стола радиостанции, вытянув руку.

Он вернулся на машине к телескопу и прямо пошел в аппаратную. Часового обезвредил «посредником», закрылся в аппаратной и вызвал Москву. Он успел передать почти все, одного не успел — сказать, чтобы отключили высоковольтную линию, и тут пришельцы взломали дверь, схватили его, а он вырвался и застрелился.

Пришельцы вынули из его руки пистолет и оставили Вячеслава Борисовича лежать. Мы не знали, что он там. Людей сажали в машины, они кричали «ура» и пытались качать офицеров, и все радовались, и никто не знал, что Вячеслав Борисович застрелился, чтобы не выдать Степана, и этим спас его, а может быть, и всех живущих на Земле.

АЛЕКСАНДР МИРЕР

Перелепи мое лицо

Перелепи мое лицо, скульптор...
Майя Борисова

Был синий, ледяной январский день. На улице пахло яблоками, а здесь, на лестнице,— теплом и масляной краской. В просторной лестничной шахте столбом золотистой солнечной пыли стояла тишина. Андрей задремал в тепле. Он сидел, прислонившись к выпуклым стеклянным ромбам светового окна, и ждал друга Якова. От окна тоже веяло теплом. Да, в старом доме много старинных бессмыслиц! Например, вторая, «черная» лестница, которой никто не пользовался, кроме Якова. Свет на нее проникал лишь с «парадной» лестницы сквозь полупрозрачные световые окна. На втором этаже, где сидел Андрей, одного ромба в медном переплете не хватало. Какой-то досужий человек его лышиб, а это, поверьте, было нелегко... Так вот, Андрей очнулся, когда из ромбовидного отверстия вместе с запахом истлевшей мебели вытек знакомый голос.

— Не понимаю, о чем вы говорите,— сказал Яков.

Друг Яков, несмотря на свои неполные тринадцать лет, выражался кратко и определенно. Всегда. С кем бы ни беседовал. Сейчас с ним говорил взрослый — приставал с какой-то чепухой. К мальчишкам часто пристают: не ты ли разбил, сломал, утащил? Яков был не из тех, кто ломает или тем более тащит. В подобных случаях он объяснялся четко и холодно — каждое слово, как ледяной кубик.

Андрей прислушивался к разговору на «черной» лестнице с привычной завистью: как говорит! Ну и Яков... Но через минуту учуял, что лед Яшкиных слов вроде бы мутноват. И тепловат... Ого!.. Взрослый голос каркнул презрительное «Воришка!», а Яков — смолчал. Странно.

Хлопнула дверь на «черной» и сейчас же — на «парадной». Из своей квартиры вылетел Яков. Съехал по перилам, спросил, свирепо оглядываясь на Андрея:

— Идем к тебе?

— На улице замерзнем. Градусов двадцать, — сказал Андрей. — А кто там приставал, на «черной»?

— Борис Иванович, со второго этажа. Поговорим у тебя...

И все, и стоп. Теперь приходилось ждать — раз Яков отрезал.

Мы дружим втроем: Яков, Андрей и я. Что наш друг Яков необыкновенный человек, мы с Андреем поняли давно. Еще во втором классе. Был случай — Яков читал на уроке. Учитель увидел и отобрал книгу — толщиной со все наши учебники, взятые вместе. Название не помню, слишком уж ученое... Кирилл Николаевич поставил Якова у доски, книжищу отнес на свой стол, заглянул в нее. И зачитался, понимаете? Читал минут семь, а на уроке это целая вечность. Потом книгу не отобрал, а вернул Яшке — тот уже успел нарисовать на доске корабль и еще написать сверху: «Галеон XIV век». Вернули ему книгу! Мы по детской беспечности не придали этому событию значения. То есть сначала не придали. Но после убедились, что Кир-Ник смотрит на Яшкино читательство «вот так» — сквозь пальцы. А сам Яков «развернулся во всей красе и стал себя вести, как в избе-читальне». Это все — выражения Кир-Ника, который всегда изъяснялся мудро. Но когда мы были в третьем классе, он не выдержал и отобрал у Яшки «Происхождение видов» Дарвина. Даже вызвал родителей.

Хороший человек, а поступил плохо. Впрочем, откуда ему было знать, что у Якова такие родители? Яшка молчал, к себе домой никого не пускал, даже нас. Буркнет: «Да ну их...» и спрячется за книжкой. Он говорил мало, зато читал при всех удобных и неудобных случаях. И в тот день, когда он шел по заснеженному, солнечному переулку в гости к Андрею, к другу, было видно, что идти ему никуда неохота. Сидел бы и читал...

Необыкновенные люди — все чудaki. Это уж точно.

Войдя к Андрею в комнату, Яков сказал:

— А хорошо у тебя. — И огляделся, будто попал сюда не в тысячный раз, а в первый. Залез с ногами в большое кресло и стал совсем маленьким, совсем тощим — шмыгал носом. Правую руку он почему-то держал за отворотом пиджака. «Как простуженный Наполеон при Ватерлоо», — рассказывал Андрей. Потом рассказывал мне, а Якову он ответил:

— Да чего... Ничего хорошего не вижу...

— Тихо и чисто... Все равно не поймешь... Блестит все.

Андрей эту блеск-показуху ненавидел, вел из-за него боя с матерью. Нескончаемые, как у Наполеона. А она сочинила издевательскую песню о сыне: «Тупицам-взрослым не дано постигнуть нас, безмерно-сложных,—как ценно от бутылки дно, когда его в карман положишь». Всем, кроме сына, песня очень нравилась. И нам с Яковом.

— Где уж нам понять,— сказал Андрей.— Послушай, почему этот, со второго этажа, назвал тебя вором? И ты — стерпел?

— А я и есть вор,— Яков выдернул руку из-за пазухи и брякнул на стол металлическую авторучку. И уставился на нее, как цыпленок на удава.

— Ха! — выдохнул потрясенный Андрей.— Шариковая? Да зачем? Да я бы тебе,— он потянулся к столу, договаривая: — ...подарил.

Яков мгновенно спрятал ручку. Отрубил:

— Такого не подаришь.

И рассказал странную историю — о дружбе, о любви к чтению и о соседе со второго этажа, ретушере по профессии.

Борис Иванович появился в Яшкином доме недавно — осенью. Он поменялся квартирами со вдовой профессора Зайцева. Яков дружил с профессором — по-моему, это не удивительно. Профессор давал Якову те книги, которые наш друг читал в классе и прочих местах. Потом Зайцев умер. В конце лета. И его жена сказала, что часть своей библиотеки профессор завещал отдать Якову. Но куда поставишь такую уйму книг? Там было штук четыреста, и все толстые. С родителями и заговаривать не стоило, куда уж... Подумав, Яков решил устроить библиотеку на «черной» лестнице, на просторной площадке третьего этажа. Набрал ящиков из-под алельсинов, отгородил закуток — прямо под лампой. Получилась библиотека-читальня. Никто не мешает, потому что дом старый, малолюдный, а ход на улицу давно заколочен. Намертво.

Мать кричала «Не болтайся под ногами, лезь в свой занорыш!».

Яков и отсиживался в библиотеке. Из дома тоже принес книги.

А новый жилец тем временем отсиживался у себя, в бывшей зайцевской квартире. Очень тихий, работающий оказался человек. В доме он один не знал о Яшкиной библиотеке. Целыми днями сосед, согнувшись, с лупой в глазу, корпел над ящиком со стеклянной, подсвеченной снизу, крышкой. Тонкими кисточками подкрашивал негативы фотографий. Макал кисточки в разведенную тушь. Иногда — в белила. Сотни чужих лиц, серых на белом фоне, серых на черном фоне, с белыми волосами и губами, теснились на

громадном столе. Там раньше стоял письменный стол Зайцева — в угловой комнате, меж двух окон... Яков один раз был у ретушера — послали за солью. Смотрел, как он работает. На стене, где прежде висел портрет профессора, осталось серое пятно, Серое, как лицо на негативе. Больше Яков туда не ходил. Но однажды, сидя в «занорыше», слышал шаги и голоса на площадке второго этажа.

«Здесь поговорим свободно», — сказал ретушер. Другой голос спросил: «Значит, вы меня не забыли?» — «Забудешь вас! Как новенькие... Сколько уж прошло лет-то! Не меняетесь...» — «О том и речь», Борис Иванович! Время бежит, у меня все по-прежнему. Пришел к вам в надежде, что ваши золотые руки продвинут меня лет на пятнадцать». Ретушер сначала сердито отнекивался, но второй обещал хорошо заплатить, и они договорились. Второй сказал, что принес «и карандаш, и все что нужно», ретушер повернул о какой-то «вредности», и они ушли.

— И это все? — спросил Андрей.

Яков кивнул.

— А ручка здесь при чем? — Андрей любил во всем добираться до сути.

— Тот самый карандаш, про который они говорили.. Он у меня.

— Ну, ясно! Он подделывает документы, сосед твой. И голос у него, как у подделывателя, я же слышал..

Яков сердито и растерянно фыркнул:

— Что ты мелешь, какие документы!

— Тот, второй, украл чужой паспорт. Новенький. Фотография же там чужая, правда? Он и явился — чтобы ему перерисовали фотографию!

— А что значит «продвинут сразу лет на пятнадцать»? Тупица ты этая!

— Сам тупица! В паспорте еще год рождения пишут, понятно тебе? Небось, и паспорта никогда не видел, он слишком тонкий для тебя, умника? — Андрей захохотал, довольный остротой. — Тонкие книжки тоже читать полезно... Хе-хе...

— Тупица есть тупица, — профыркал Яков и вылез из кресла.

— Если бы кое-кто не был моим гостем... — произнес Андрей..

Схватка была короткой и безуспешной.

Минут через пять они продолжали беседу.

— Он пришел исправлять не фотографию, а лицо, — отдуваясь, начал Яков. — Передаю по буквам: Лена...

— Не на того напал. Не купишь, — перебил Андрей.

— Да я серьезно! Пойми! Серьезно!

— Серьезно?.. Тогда — докажи, — сказал Андрей.

Вместо доказательства Яков поведаль, что Борис Иванович спрятал некий предмет под косяком светового окна, на «черной» лестнице. И несколько раз ходил проверять, на месте ли спрятанное. А Яков две недели смотрел на это...

— Ага, ты смотрел-смотрел, не выдержал и взял! — догадался Андрей.

Яков шмыгнул носом, кивнул.

— Он у тебя в кармане? Ну и что? Лица исправляет, что ли?

Яков раскрыл левую ладонь, ткнул в нее пальцем, и Андрей увидел. В мясистой части ладони, что под большим пальцем, был желобок. Если надавить ладонью на острый край стола и несколько секунд подержать, останется такой шрам. Правда, он затянется довольно быстро.

— Ну и что? — снова сказал Андрей.

Яков выхватил краденый карандаш, нацелился и быстрым движением провел на своей ладони вторую линию. Рядом с первой. Линия сначала была красной, через секунду — побелела... Остался желобок — гладкий, чуть блестящий. Совсем как первый. Яшкина ладонь стала лепной — будто карниз. Андрей охнул. Яков ухмыльнулся и мелкими, плотными штрихами затушевал свою ладонь, словно лист бумаги и, когда с кожи схлынула краснота, Андрей увидел, что желобки исчезли.

— Никогда бы не поверил, — сказал он, чувствуя, что губы плохо слушаются, шея онемела, а в желудке холод. — Как же? Больно же, наверно, когда по живому, как по пластилину, это клетки, они живые, и эти... Окончания... Нервные окончания — они же чувствуют? А? Боль ощущают... — Андрей замолчал и сунул в рот пальцы. Прошепелявил: — Не... Это фокус.

— А попробуй сам, — Яков протянул ему карандаш.

— Нет, этого не надо, — в панике отдернул руку Андрей и подумал: «Вот какой он, настоящий страх...» Потом вскочил, заметался по комнате, что-то взял с полки, переставил, вдруг рванул к столу и схватил карандаш — тяжелый, теплый... И судорожно чиркнул себя по тому же месту на ладони, где тушевал Яков.

Желобок! Еще глубже! И никакой боли. Немного жжет и чешется. Прошло и это.

Тут Андрей завыл от восторга, а Яков рассердился:

— Ну? Что воешь? Никакой собранности... А дальше — как быть? Куда его девать?

— Дальше, дальше... — Андрей его не слушал. — Дальше? После подумаем, успеем! А тяжелый какой!

— Отнесем ученым. Жаль отдавать, поэкспериментировать бы, — сказал Яков.

Андрей крепче сжал карандаш и лихо, бодро уничтожил жа-
лобок. Бесследно. Подскочил к зеркалу, затушеввал шрамики
на подбородке. Был у него такой — след наших младенческих
забав...

— А-а! Видал?! — завопил Андрей. Великолепные планы рои-
лись в его благородной, хотя и взбалмошной голове. А этот хо-
лодный скептик, умник, помешанный на Дарвине, — ледышка! Бес-
чувственный книгочей... Отда-ать?!

— Никому не отдадим! — крикнул Андрей. — Может, и отда-
дим, но потом, потом, а сначала — применим...

— Как намереваясь применять? — отозвался бесчувственный.

— Если Анечке Федосеевой ушки подправить, а? — вкрадчиво
спросил Андрей-искуситель. — Лопушки? (Он показал, какие уши
у Федосеевой). А? Любовь до гроба обеспечена...

Яков покраснел до шеи, но спросил очень тихо:

— А ты как употребишь? На чьи уши?

— Не твое дело.

— Согласен, — сказал Яков. — Анечка — тоже не твое дело...
И запомни еще: мне купленная любовь не нужна. Даже любовь
до гроба.

Помолчали. Яков взвесил карандаш на ладони, спрятал. Вздох-
нул. Сейчас же Андрей тронул его за плечо:

— Яш, ведь я чего хотел... Этой штукой можно лицо попра-
вить, а? Морщины, все такие складки убрать?

Яков кивнул.

— Мать стареет, — сказал Андрей. — За осень, говорит, так из-
менилась — не узнать... Позавчера, знаешь, стоит у зеркала, смо-
трит на себя и плачет. Я бы потренировался на себе, а потом как-
нибудь ее подправил. Она же красивая!

Больше они не спорили. Решили отложить окончательные дей-
ствия и пойти к Бобу — экспериментировать на хомяках. (Боб —
это я. У меня в то время хомяки страшно расплодились. Только
взрослых было двадцать девять штук.)

И они пошли.

Наверно, Борис Иванович давно стоял у подъезда. Поднятый
воротник заиндевел, морщины на лице казались фиолетовыми.
Друзья потом рассказывали, что их поразили морщины — почему
он свое-то лицо не отретушировал?

Заговорил Яков. Он задрал голову и сказал: «Карандаш взяв
я. Разговор на лестнице подслушал я. Вы ретушировали лицо.
Мой друг все знает». Ретушер ответил: «Чего же стоять? Пойдем-
те, куда шли». И они направились к проспекту, на шум машин.
Ретушер сразу заговорил — как будто включили магнитофон. Ка-

залось, ему не нужны слушатели, только бы выговориться, вывалить все, о чем он молчал много-много лет.

Тридцать лет назад он уже был ретушером, очень хорошим, известным среди фотографов. Работал у самого Фогельмана — в лучшей московской фотографии, где снимались все знаменитости. Артисты. Летчики. Генералы. Ретушеры трудились крепко, до глубокой ночи. Тот человек, о котором речь, ждал его дома, ночью, в пустой комнате. Неизвестно, как проник — соседи его не впускали. Он ждал хозяина, стоя под яркой лампой. Лицо освещено. Здоровое, большеглазое, но — мертвое. Под лампой стояла огромная кукла, манекен из витрины. Ретушерский глаз Бориса Ивановича увидел это сразу. Кто-нибудь другой, кому не приходилось, как ретушеру, «кубывать лицо» на фотографии, а затем, чертыхаясь, смыть ретушь и начинать все сначала, — кто другой не заметил бы мертвенности в лице гостя. Но потом начал бы ежиться, приглядываться... Почему же так неловко, вроде даже стыдно было смотреть на здоровое, красивое человеческое существо?

— Две черточки в лице упустили, — сказал Борис Иванович, и варежкой прикоснулся к нижним векам и к губам.

— Именно эти? — недогнущим голосом спросил Яков.

— Рядовая ошибка начинающего художника, — пояснил ретушер. — Эти места поначалу не даются. Парботает — поймет... Научится.

Андрей прошептал:

— Что вы это говорите?! Кто его делал?

И сверху, из заиндевелога воротничка, до них донесся ответ:

— Кто его делал — не знаю, не могу знать. Но точно — делал. Сам он — не человек, он сделанный...

Тем же равнодушным, монотонным голосом Борис Иванович продолжил рассказ. Как он смертельно перепугался, услышав просьбу — перелепить лицо... М-да... Как отказывался, пытался выставить гостя вон. И как согласился наконец. Весь стол был завален продуктами — а прекрасном наборе и изобилии принес их гость. А время было голодное, суровое. Хлеб по крошкам считали, щепотью со стола подхватывали... А еще карандаш. На него у Бориса Ивановича были свои виды...

— Какие виды? — живо спросил Андрей.

— Дурак я был. Хотел разбогатеть, на этом-то карандаше, — с тенью лукавства ответил ретушер.

— А он? Он кто был такой? Если не человек?

Несколько шагов они прошли молча. Борис Иванович двинулся между Яковым и Андреем, взял их за плечи, проговорил:

— Робот. Или, как еще называется, — машина, словом. Я, пока работал, ощущал его лицо. Вроде человеческое, но плотное чересчур. Холодное. А вот часы-браслет сделаны заодно с телом...

Яков вывернулся из-под руки ретушера и крикнул:

— Как это — заодно? Зачем вы нас пугаете?!

— А ты зачем в мои дела встрял? Зачем карандаш утащил? Он же ко мне приходил, меня просил, чтобы я его работал... Вывернулся совсем такой, каким я его сделал. Попросил, Карандаш оставил...

Они вышли на проспект. Рядами, плотно окутываясь белым туманом, мчались машины. Голос ретушера стал невнятен за шумом. Он говорил:

— Ученым отнести... Добра не будет, лучше отдайте... У тела его держать нехорошо, вредно...

Понимаете, уже смеркалось, и тротуар, хотя и широкий, затягивало морозным туманом, и в глазах стояла странная картина — лампа, кукла под лампой, и четвертушка мокрого хлеба в пустом шкафике. Яков опустил руку за пазуху — к карандашу. Андрей смотрел на ретушера. И неожиданно они втроем очутились на мостовой. Взрехали гудки, завизжали тормоза — удар, вскрик, — через секунду Яков и Андрей стояли в первом ряду толпы, окружавшей Бориса Ивановича, сбитого машиной.

Это случилось слишком быстро. Друзья стояли в ослепительном свете фар. Оцепенело смотрели на черную лужу, расплывающуюся на мостовой, по желтому снегу.

— Я врач! Пропустите! — крикнули сзади, и стремительный человек бросился на колени, разодрал на лежащем пальто, рванул брюки. Над коленом чернела рана — стреляла стружкой крови. Врач быстрым, злым движением сдернул шарф, провел под ногу Бориса Ивановича, стал стягивать жгут. Так останавливают кровь. Она не хотела останавливаться, брызгала на шарф, на мостовую. Андрей сквозь оцепенение увидел, что его друг выдвинулся вперед и протягивает врачу карандаш. Губы Якова шевелились, он что-то говорил врачу. Но тот вскрикнул, не поднимая головы:

— Мальчишку — убрать! Милиционер, «скорую» вызовите! Быстрее!

А кровь все била, толчками, толчками. Андрей стал всхлидывать. Яков вывернулся откуда-то, снова очутился рядом. Они схватились за руки. И вдруг услышали очень вежливый, очень мягкий голос:

— Мальчик, будь так добр, дай мне карандаш.

Из толпы вышел тот — приходивший к ретушеру. Они узнали его. По глянцево-му, невероятно здоровому румянцу и свежим,

кукольным губам. Как во сне, Яков протянул руку и вложил карандаш в большую ладонь, очень теплую на морозе.

— Спасибо, мальчик...— Он повернулся широченной спиной. За нею уже ничего не было видно.— Коллега, будьте добры,— сказал он врачу.— Немного поосторожнее... Хорошо... Хорошо...

Было слышно, как врач севшим голосом спрашивает:

— Что за прибор, доктор? Откуда?

А тот басит:

— Это, доктор, ультразвуковой коагулятор. Опытный образец... Так, жгут можно снять.— Он скинул пальто и закутал Бориса Ивановича.— О, вот и «скорая»!

С этими словами он поднял раненого и положил на носилки так легко и споконно, что в толпе послышался смех. Бывает вздох облегчения, а тут был смех облегчения. Человек в светлом, ловко сидящем костюме помахал рукой — на ней блеснули часы — и следом за носилками вошел в фургончик «скорой». Провыла сирена — уехали...

На обратном пути ребята прошли мимо школы. Ее окна отсвечивали выжидающей мутной пустотой. Через пять дней кончались каникулы.

Яков заявил: «Этого дела я так не оставляю». И скрылся с глаз. Появился только в школе. Злой, взъерошенный и еще более худой, чем обычно. На вопросы только дергал плечом. После все-таки заговорил. Рассказал, что нашел больницу, а в ней — Бориса Ивановича. Пробрался к нему в палату. Ретушер поправляется, Якову нисколько не обрадовался, от всего отказывается наотрез. От робота со встроенными часами, от волшебного карандаша — от всего... Утверждает, что ретушерам он работает недавно, а прежде был мастером по точной механике. И никакого лица он румяному человеку не ретушировал, а делал для него коагулятор... То есть медицинский прибор, которым останавливают кровь при хирургических операциях. Румяный человек оказался не роботом, а врачом, — он, мол, и изобрел этот коагулятор. К бывшему механику румяный приходил за помощью — «довести прибор до ума». Почему прибор хранился не в квартире? Пожалуйста. Он вредный, радиоактивный...

Черт знает что! Я тут же спросил: насчет желобков на ладони вы все выдумали или как? Андрюшка мрачно усмехнулся, а Яков еще мрачнее ответил. По словам Бориса Ивановича, прибор имеет «косметическое действие». Шрамик может свести, бородавку.

При этих словах Яков совсем взъерошился, надулся и объ-

явил: мол, в больнице он сидел не зря, со всеми сестрами познакомился и доподлинно знает — румяный к Борису Ивановичу и носа не показал. Его, Якова, на пушку не возьмешь. Он все равно разберется в этой истории.

Хотите знать, что я сам думаю? Яшка и Андрей — великие сочинители. Действительно, их на пушку не возьмешь и сознаться не заставишь. Мастера! Но одну-единственную деталь они не выдумали. Шрам с Андриюшкиного подбородка исчез. Я уж не спутаю — моя была пометина... Четыре года я расплачивался за нее угрызениями совести. И вдруг — нет шрама. Значит, что-то в их истории не выдуманно.

Я подожду конца Яшкиного следствия. Он, в общем-то, серьезный человек. Он разберется.

ЭРНЕСТ МАРИНИН

Искатели удовольствий

Я подсек. Уклейка вылетела из воды, промелькнула серебряной искрой и шлепнулась в траву. Я поймал ее, вытащил крючок из верхней губы, пустил добычу в ведерко и накрыл сверху листом лопуха — чтобы она не выпрыгнула и чтобы не так быстро грелась вода.

И тут за спиной у меня раздался вопрос:

— Вы ее будете есть?

«Что он имеет в виду? Что несолидно такую мелочь ловить? А кому какое дело? Ловлю для отдыха, для удовольствия. Нервы успокаиваю. Или он считает, что нехорошо ловить ради удовольствия? А кто вы, простите, такой, чтобы задавать вопросы?»

Я поднял голову и посмотрел на него. Было не что.

С первого взгляда — человек как человек: небольшого роста, худощавый, но крепкий, джинсы затерты до нужной степени, короткая курточка с металлическими пуговицами, с верхней пуговицы цацка свисает, вроде вишенки, кепочка какая-то непривычная — а кого сейчас удивит непривычная кепочкой? Загорелый до оранжевости, выбрит чисто, — но вот глаза..

Глаза у него были большие, круглые, сплошь ровного янтарного цвета, без белка, и с длинными горизонтальными щелями-зрачками. А уши громадные, почти прозрачные, расплывшиеся на тонких косточках, как спинной плавник у ерша. Эти плавники были аккуратно развернуты в мою сторону.

Вид его меня поразил: не был этот тип ни страшным, ни про-

тивным, ни смешным, а был он просто вылитый инопланетянин.

Я машинально поправил очки и, наконец, закрыл рот. Очевидно, выражение моего лица было красноречивым, потому что он сказал:

— Очень прошу вас не пугаться и не удивляться моему внешнему виду. Понимаю, что выгляжу непривычно, но именно таков облик жителей нашей планеты, входящей в звездную систему, истинное название которой вам ничего не скажет, а принятое здесь обозначение мне, к сожалению, неизвестно.

Говорил он, приоткрывая рот и старательно артикулируя коричневыми губами. Акцент дикий, в ударении ошибки, но тем не менее речь вполне внятная и грамотная.

— Еще раз извините, что отвлек вас от вашего занятия, но я любопытен и хочу понять его смысл. Насколько можно догадаться, вы с помощью этого приспособления добываете себе на пропитание представителей местной фауны. Ответьте, так ли это? И не лишит ли вас беседа со мной плодов этого процесса?

Я откашлялся и объяснил, что сущность моего занятия он понял верно, но вообще оно давно утратило первоначальный смысл и сохраняется лишь как старый обычай, дающий не столько пропитание, сколько удовольствие и развлечение. Его это очень обрадовало.

— Меня окрыляет ваш ответ. Он приводит к заключению, что местные разумные существа уже достигли высот истинного интеллекта и действуют не столько для удовлетворения примитивных биологических потребностей, сколько ради потребностей-излишков: любопытства, развлечения, удовольствий. Например, наша разумная раса давно исключила добывание пищи из числа насущных проблем, главное наше занятие — поиски именно развлечения и удовольствий.

— А кто же вас кормит?

— Мы перестроили свои организмы и непосредственно из окружающего пространства усваиваем энергию — световую, тепловую, электромагнитную в широком диапазоне частот, а также лучи, которых вы, очевидно, еще не знаете. Впрочем, я не разбираюсь в природе излучений, а различаю их просто на вкус.

Я попробовал представить себе вкус ультрафиолета, радиоволн и тех неизвестных лучей — и вздохнул.

— Так вы не будете ее есть? А кто будет ее есть?

— Костя, — улыбнулся я.

— Он вождь или старейшина? Или кто?

— Он — кот. Это такое животное. Немного позже вы его увидите. Он всегда приходит сюда, когда я ловлю рыбу.

— Он — священное животное? Он символ бога?

— Нет,— серьезно объяснил я.— Он рыжее животное, наглов и бессовестное, но очень теплое на ощупь, особенно зимними вечерами.

— Когда он съест много таких животных,— щелеглазый показал на ведерко,— вы его убьете и съедите?

— Нет, я не буду его убивать и есть.

— Ах да, вы ведь сказали, что он нужен, чтобы согревать тело зимними вечерами. Очевидно, зимние вечера — это такое время, когда холодно и тело нуждается в согревании?

— Ну, в общем, так,— согласился я.

Наверное, это выглядело дико: вот сижу я на берегу речушки, солнце, зеркальная вода, с писком носятся ласточки, листья шелестят, а я рассказываю нелепому ершеухому инопланетянину про кошек. Ершеухому и щелеглазому, с такими нестандартными представлениями о критериях разумности.

— Послушайте,— спросил я,— а какова цель вашего визита на нашу планету? Вы исследователь, дипломат, турист?

Он вежливо заметил, что охотно ответит на все вопросы, но ему неловко отрывать меня от моего занятия, и если ловля речных животных может быть совмещена с беседой, то он будет очень рад. Кроме того, он бы хотел дожидаться упомянутого кота Кости и насладиться зрелищем поедания вот этой рыбы, а также других рыб, если я их поймаю. Я взглянул на часы и согласился, потому что Костя, конечно, не удовлетворится одной уклейкой, времени же у меня оставалось всего часа полтора, а там пора будет предстать пред Журавликины очи и поглядеть, как он управился с заданием.

— Ладно,— сказал я.— Садитесь вот тут на травке, смотрите на поплавок и будем разговаривать, только потихоньку, а то рыба боится, когда шумят.

Я закинул удочку, присел рядом с новым знакомым и спросил, как его зовут. Ершеухого звали Кмых. Я сказал, что меня зовут Павлом, и продолжил:

— Так вот, уважаемый Кмых, я хотел бы знать цель вашей миссии. Если она не вызовет у меня протеста, я смогу помочь вам куда больше, чем сообщая отрывочную информацию об ужении рыбы, вкусе котов и прочих мелочах.

— Да-да, конечно, Павел, вы вправе спросить о моих целях, ведь любопытство — лучшая черта истинного разума. С удовольствием отвечу: я турист. Единственная цель моего прибытия на вашу симпатичную планету — удовлетворение любопытства. Я уже видел закаты и облака, они весьма красивы и превосходят явления такого рода, наблюдаемые на иных планетах. Кроме того, я видел водопады, ручьи, реки, океаны, пороги, пруды, бассейны, от-

стойники — все это чрезвычайно впечатляющее зрелище, так как обилие воды очень большая редкость во Вселенной.

— Простите, Кмых,— сказал я, перебросив удочку: течение затаскило поплавок в ряску, и он слишком долго стоял там неподвижно.— Ну посмотрите вы тут все, вернетесь домой и расскажете, что где-то есть симпатичная планета Земля и на ней можно увидеть закаты и океаны—верно я понимаю ваши намерения?

— Нет,— удивленно ответил он.— Зачем мне возвращаться домой? Я там уже видел все красивое и интересное. Зачем же мне возвращаться, когда во Вселенной еще столько планет, спутников, астероидов, все они симпатичны по-своему, везде можно увидеть что-нибудь новое, чего нет ни в одном другом месте.

— А-а,— догадался я,— понятно, вы поддерживаете связь со своей планетой и передаете сведения, не затрачивая времени на перелеты туда и обратно, так?

— Да нет,— возразил он.— Во-первых, если бы я захотел вернуться, на это не нужно времени, потому что вот здесь у меня,— он коснулся цацки-вишенки, висевшей на пуговице,— имеется выключо... выключатель пространства и времени, с его помощью я могу мгновенно оказаться на своей планете, вот так...

Он чуть повернул вишенку—и исчез. А секунд через пять возник на прежнем месте и вручил мне прозрачный зеленый камешек.

— Возьмите, это камень с моей планеты. Я принес его для вас, Павел. Турист должен дарить сувениры. Это—сувенир.

— Спасибо,— сказал я, улыбнулся, сорвал ромашку и протянул ему.— А это—вам, Кмых. Это ненадолго, но красиво.

— Во-вторых,— сказал он, и я сразу не понял, в каких вторых, но потом вспомнил, что он отвечает на мой вопрос о связи с родной планетой,— я ведь сказал, что я не исследователь, а турист, я не собираю сведения для какого-либо сведениехранилища, я собираю впечатления для себя. Поэтому мне нет нужды устанавливать связь.

— Ну хорошо,— согласился я.— Но вот в конце концов вы возвращаетесь из путешествия, отдохнувший, обогащенный впечатлениями, и снова занимаетесь своим делом, верно? Не могли бы вы рассказать мне о своей профессии, месте в обществе?

— Не мог бы,— ответил он так же спокойно и дружелюбно.— У меня нет дела, профессии или, как вы выразились, места в обществе, и я даже с трудом догадываюсь, что вы имеете в виду.

— Простите,— растерянно сказал я.— Но что же вы делаете, если вы ничего не делаете?

— Я же объяснил вам,— принялся столковывать он,— я турист. Я перемещаюсь по Вселенной и люблюсь разными местами. Удов-

летворяю свое любопытство, получаю удовольствие, развлекаюсь.

Удочка выпала у меня из рук, я оторопело смотрел на него, ничего не понимая, а он смотрел на меня и, кажется, не мог понять моего недоумения. Но потом он что-то сообразил.

— Ах, ну да, ваше слово «делать» имеет разные значения, его старое, давно забытое у нас содержание — что-то изготавливать, так? Но нам не надо ничего изготавливать, мы потребляем чистую энергию, наш организм имеет замкнутый цикл, а те его частицы, которые со временем разрушаются из-за радиоактивного распада или под воздействием космических лучей, очень легко пополнять за счет корпускул, испускаемых звездами, космической пыли, это так просто...

— Верно,— протянул я,— и вправду вам ничего не надо изготавливать. Но можно создавать что-то новое, придумывать, изобретать. Вот хотя бы этот, как вы выражаетесь, выключатор...— его ведь раньше не было, кто-то его придумал, сделал, дал вам...

— Не дал,— возразил он.— Я его сорвал. Они растут у нас, как здесь — вот это,— он показал на куст волчьей ягоды.— Я думал, это тоже какое-то полезное устройство...

— Нет,— вздохнул я,— не полезное. Оно ни вредное, ни полезное, растет — и все... Ну ладно, ваши выключаторы растут на кустиках. И что, всегда росли? Вряд ли. Если это дикое растение, то оно должно пройти свой жизненный цикл, сработать, выключить пространство-время и выбросить семена где-то в другом мире. Тогда и у нас на Земле росли бы эти... выключаторы. Нет, наверняка кто-то их когда-то придумал и вывел в виде растений.

— Возможно,— согласился он,— но я об этом ничего не знаю.

— А раз возможно, вы и сами могли бы придумать что-нибудь симпатичное, вроде этого выключатора.

— Зачем? — не понял он.— Ведь он уже есть, выключатор. Зачем его снова придумывать?

— Ну не его, что-нибудь другое, чего еще нет, понимаете?

— Не понимаю,— честно признался он.— Как можно придумать то, чего нет?

— Вот,— я попробовал на ходу найти пример,— скажем, эта одежда. Что, вы в такой одежде ходите у себя на планете?

— Нет, это я позаимствовал здесь, чтобы меньше выделяться среди местных жителей.

Я не стал выяснять подробности действия, которое он обозначал словом «позаимствовать», и продолжал развивать свою мысль.

— Так вот, одежда. У вас ее раньше не было, вы здесь увидели и... позаимствовали. А там, дома, разве вам не нужна одежда?

— Зачем?— с недоумением спросил он.

— Чтобы согреться, если холодно. Скажем, зимними вечерами.

— О, но ведь это можно сделать гораздо проще — напиться энергией из окружающей среды, например лучами солнца.

— Какое же солнце зимним вечером?— ехидно спросил я.

— А выключатель? Вы переноситесь туда, где есть солнце, напиваетесь и возвращаетесь, если хотите. Хотя зачем возвращаться туда, где холодно, если можно быть там, где тепло?

Ничем его не пронять. Я замолчал и закинул удочку. Почти сразу поплавок решительно полез в глубину, я сердито рванул удильщик и вышвырнул на берег крупную плотву. Она едва поместилась в ведерке. Я поторопился снова забросить, а Кмых присел возле ведра и, приподняв лопух, рассматривал рыбу. Я немного успокоился и придумал новый вопрос.

— Скажите, Кмых, но ведь к семье вы иногда возвращаетесь?

— К семье? А что это такое — семья?

— Ну, ваши родители, братья, сестры, жена, дети...

— Простите, я давно зафиксировал в памяти все эти слова, но смысла их не знаю.

— Это надо же! Слушайте, а как вы появились на свет?

— Как все — вырос.

— Что, на кустике?

— На кустике? Как, разве разумные существа могут вырастать на кустике? Никогда такого не видел!

— Я тоже не видел,— вздохнул я.— И, по-моему, такого не бывает. Но раз у вас на кустиках растут выключатели, то, может, вы и сами так...

— Не-ет,— протянул он,— ну кто же вырастает на кустике? Все вырастают в вырас... выращаторе.

— А что такое выращатор? Это растение или устройство?

— Это большое дерево, но оно еще и устройство, чтобы выращивать разумных.

— Ага, на кустиках, значит, нельзя, а на дереве можно. Чудесно. А как же вырастают разумные? В виде ягод, орехов, листьев?

— Нет, разумные вырастают в виде разумных, только меньшего размера. Они вылупляются из яйца совсем маленькими, попадают в питательный мешок выращатора и там растут, пока не начнут сами усваивать энергию, а потом выходят из питательного мешка и живут уже самостоятельно.

— Значит, вы вылупляетесь из яиц? А кто их откладывает?

— Ну конечно самки.

— А почему же вы говорите, что не знаете смысла слова «жена»?

— Потому что я действительно его не знаю.

— Ну хорошо: мы называем женами тех, которых мы любим, с кем вместе живем и которые рожают нам детей.

— Как интересно! А зачем вы это делаете? Зачем вам дети?

Я открыл рот и снова закрыл. Перевел дух и попробовал объяснить. Он слушал, наострив свои ершистые локаторы, и покачивал головой, будто не верил ни одному моему слову. Под конец я выдохся и смог только спросить:

— Неужели же у вас все настолько отличается?

— А как же! — радостно вскричал он. — У нас нет никаких хлопот. Мы, самцы, к этому вообще непричастны, а самки несут яйца время от времени, когда неумеренно потребляют ультрафиолет. Излишки излучения накапливаются в яйце, а потом самка откладывает его в выращатор. Это очень простой естественный процесс, он идет сам собой, без наших пожеланий или возражений.

— Положим. Но вот существо вышло из питательного мешка — его ведь надо воспитать? Научить ходить, разговаривать, вести себя среди людей. Потом уже — остальному. Как я понял из разговора, вы мыслите, имеете какие-то идеалы, по крайней мере понятия о красоте и об истинном величии разума...

— Но мы все это узнаем в выращаторе, нам ничего не надо изучать, мы все и так знаем и умеем.

— Подождите, — пробормотал я. — Мне надо подумать...

— Конечно, думайте, — разрешил он, — но лучше б вы ловили рыб, чтобы потом их съел кот Костя. А почему его так долго нет?

— Что? — рассеянно спросил я. — Ах, Костя... Я думаю, он уже пришел, но стесняется вас и потому сидит где-нибудь в кустах. Костя! Костя, не бойся, иди сюда!

В траве зашуршало, потом из-под ближайшего куста раздалось вопросительное «Мыр-р-р!»

— Иди сюда, рыжук, иди, животное, хищник ты этакий...

Кот вылез из травы, брезгливо отряхнул лапу и устремился к ведру. Был он, на мой взгляд, очень красив: тонкий, рыжий, с длинной шеей и маленькой головкой. Громадные треугольные уши просвечивали ничуть не хуже, чем у моего неземного приятеля... Костя остановился у ведерка, потянул носом и требовательно завыл: «Ма-а-ау!»

Я кинул ему уклею. Кот покосился на постороннего Кмыха, потом решительно уселся перед рыбешкой, устроил ее поудобнее и с хрустом агрызся в добычу. Бока его возбужденно раздувались, он урчал, как компрессор.

Инопланетянин Кмых присел перед котом, рот у него приоткрылся, горизонтальные щелочки зрачков расширились. Он глубоко вздыхал и шевелил ушами.

— Ах, как мне нравится, когда кто-нибудь что-нибудь ест! Или кого-нибудь! Это такое редкое зрелище! Это такое неописуемое удовольствие!

— Кажется, вам не хватает доброго старого обычая — поест с аппетитом, — осторожно заметил я. — Конечно, энергия — штука калорийная, но брюхо ею не набьешь. Так всегда в жизни: что-то приобретаешь, но одновременно что-то теряешь.

— Как вы сказали? — Кмых с интересом поднял голову. — Какая свежая мысль! Как прекрасно сформулировано! Знаете, так редко приходится слышать свежие мысли...

— Не удивительно, — пожал я плечами. — Ведь все мысли вложены в вас заранее, пока вы зреете в выращателе. Откуда же свежим взяться? Тем более что вы и не общаетесь ни с кем из своих...

— А что толку общаться со своими? У всех такие же мысли, — все ведь тоже из выращателя, так зачем общаться?

— Действительно... Слушайте, а зачем вы вообще живете?

— Чтобы получать удовольствие, — серьезно объяснил Кмых.

— Ну, ладно, — сказал я вслух. — Вот вы живете, получаете удовольствия, а что потом? Ведь не вечно вы живете? Или...

— Не вечно, — охотно отозвался Кмых. — Мы умираем. Живем, потребляем энергию, расходует ее, но к старости расход уменьшается, энергия накапливается в организме, от этого острота удовольствий возрастает, и когда она достигает наивысшего уровня, мы взрываемся, полностью переходим в энергию, в лучи...

Кот доел уклею, потянулся и начал тереться боком о мою ногу, ходить вокруг нее, обметать меня хвостом — намекал, мол, дай еще рыбку. Я почесал его за ухом, он блаженно заурчал и зажмурился, но тут же заныл квелим голосом попрошайки. Пришлось дать ему и плотву. Кот просто ошалел от счастья, схватил рыбу и утащил под куст. Кмых на четвереньках последовал за ним, чтобы не упустить ни крохи великолепного зрелища. Кот жрал плотву и урчал от удовольствия. Кмых пожирал его глазами, не урчал, правда, но его уши от удовольствия светились... Все хорошее быстролетно — плотва кончилась, кот сунулся ко мне за добавкой, я показал ему пустое ведро, он взглянул с презрением, разочарованно муркнул и исчез в кустах.

Кмых встал на ноги, вздохнул и сказал, что ему тоже пора: рыбу я, видно, ловить уже не буду, а если и буду, то есть не стану, а кот, который мог бы есть, уже ушел, так что делать ему, Кмыху, здесь нечего.

Но мне не хотелось отпускать его.

— Послушайте, я у вас так много спрашивал, вы мне все подробно объяснили, я полностью представил себе вашу жизнь, даже уяснил смысл вашего существования. А теперь хочу ответить вам тем же. Вы позволите?

— Да-да,— моментально согласился он,— конечно! В беседе с вами я обнаружил, что слушать — это тоже любопытно, тоже удовольствие, особенно когда вы произносите свежие мысли.

— Ну, спасибо,— сказал я и присел рядом.— Я учитель. Мы растем медленно, выращивать у нас нет, поэтому приходится учиться у других людей. Вот мои школьники учатся у меня и у других учителей. Я учу их математике — это искусство описывать мир с помощью чисел. Другие учат языку, то есть умению общаться с себе подобными, а также астрономии, физике, биологии — это науки о мире, в котором мы живем. Очень важная наука история: рассказ о том, как мы жили раньше, какие совершали ошибки, какие одерживали победы над своим несовершенством. Но главное — мы учим их быть людьми и стараемся, чтобы они стали лучше, чем мы сами. И когда удается их чему-то научить, мы получаем очень большое удовольствие...

Кмых слушал очень внимательно. Когда я замолчал, он спросил:

— А они получают от всего этого удовольствие?

Кривить душой не хотелось, и я ответил честно:

— Кто как.— Но потом подумал немного и вполне искренне добавил:— Но в конечном счете — да.

Кмых думал. Видно, это было непривычное напряжение, он морщился, гримасничал, наконец что-то сформулировал для себя и спросил — с большим недоверием:

— Значит, вы им причиняете удовольствие и от этого получаете удовольствие сами?

— Да! — с глубокой убежденностью отозвался я.

— И это — большое удовольствие?

— Очень!

— И все большие люди учат маленьких людей и получают от этого удовольствие?

— Учат не все. У большинства другие занятия, но и они получают удовольствие, особенно когда сделают для других что-то такое, чего раньше не было или чего раньше никто не мог сделать, отчего всем окружающим станет лучше.

— Значит,— сделал заключение Кмых,— и у вас смысл жизни — получать удовольствие?

Я задумался и честно ответил:

— Не знаю. Мы еще, наверное, не поняли, в чем смысл наше-

го существования. Но когда-нибудь пойдем, потому что учимся и понемногу становимся умнее. Пока что мы научились понимать смысл жизни конкретного человека. Вот смысл моей жизни — делать других лучше, чем они были раньше.

— Делаете ли вы кого-нибудь лучшим сейчас?

— Сейчас? — я усмехнулся. — Похоже, я пытаюсь сделать лучшим вас, уважаемый Кмых.

— Но разве мне надо стать лучше? Разве я нехорош?

— Ну, я слишком мало знаю вас, чтобы ответить на этот вопрос. Но скажите: вот вы узнали, что можно получать удовольствие, доставляя его другим. Разве не расширился круг ваших представлений об удовольствиях? Разве вы не стали богаче от этого?

Кмых добросовестно подумал и ответил:

— Я еще не знаю, как получить удовольствие, доставляя его другим. Но если научусь, то смогу значительно разнообразить удовольствия. Тогда я стану лучше!

— Не всегда человек становится лучше, научившись расширять круг своих удовольствий. Но если он делает это, радуя других, то, пожалуй, все-таки станет лучше.

— Я попробую. Это доставит вам удовольствие?

— Да! — с чувством отозвался я.

— Тогда я обязательно попробую. А пока вернусь к своему вопросу. Кого же вы делаете лучшим сейчас? Я не в счет, я здесь проездом...

— Понятно, — кивнул я. — Вообще-то сейчас дети не учатся, я могу отдыхать. Но есть на свете такой человек Толя Журавлик — неплохой человек, но ему очень надо стать лучше. Понимаете, он не умеет решать задачи о бассейнах с двумя трубами. Наверное, вы этого тоже не умеете, и потому вам непонятно, о чем речь, но для вас это не обязательно, да и не в трубах дело. А дело в том, что Толя Журавлик очень застенчивый и нерешительный, он не верит в свои силы и боится что-то сделать неправильно, а потому не делает никак. Мне очень важно, чтобы он догадался сам, как решать задачи про бассейн, тогда появится уверенность в себе, он не будет бояться пробовать — и сможет научиться многому, и многое сделает в жизни. Поэтому сегодня Толя Журавлик — цель и смысл моей жизни. И если я его научу, то это будет очень большое удовольствие...

— Вам хорошо, — совсем уж завистливо вздохнул Кмых. — У вас есть Журавлик. А мне такого где взять?

— А вы поищите. Отправляйтесь сейчас на родную планету, сядьте возле вырастатора, подождите, пока оттуда выйдет маленький человек, и попробуйте рассказать ему про этот мир, про то, сколько в нем удовольствий, какие они все разные, и что самое

большое удовольствие — то, которое доставляешь другому. Если постараетесь, то обязательно найдете своего Журавлика — там, у себя в небе...

Он был доверчив и впечатлителен, как ребенок, этот ершеухий Кмых, искатель удовольствий. Он с готовностью вскочил на ноги и торопливо проговорил:

— Простите, что покидаю вас, но спешу воспользоваться вашим советом. Мне очень хочется поскорее найти своего Журавлика!

Повернул вышенку-выключатор и исчез.

И мне пора было собираться. Толя, наверное, уже решил задачу про бассейн. Сегодня он обязательно должен разобраться. Небось, сидит сейчас во дворе, играет с лохматым дворян-терьером Митрохой, а когда я приду, заметит меня не сразу, наконец посмотрит снисходительно и бросит между прочим, что задача была ерундовая, может показать, если интересно...

И тут меня ошарашило. Господи, раз в жизни повезло — Контакт! — а я скатился в рутину своих педагогических шуточек и сходу принялся воспитывать Пришельца, даже не расспросив толком... Ну что я людям скажу? Ученым?

Я швырнул удочку наземь и в отчаянии завопил:

— Кмых! Погодите! Вернитесь! Я забыл...

И Кмых вывалился из воздуха — радостный, с надеждой в очах — и начал допытываться:

— Вы меня звали, Павел, да? Вы хотели что-то сказать? Вы придумали для меня еще какое-нибудь удовольствие?

— Нет, Кмых, я только хотел узнать, далеко ли ваша планета...

Взор его погас, лицо вытянулось, но он вежливо ответил:

— Нет, рядом. Полторы секунды выключателем против часовой стрелки и снизу вверх.

— Вы хоть на небе можете показать?

Он пожал плечами. Я задал другой вопрос:

— А как устроен выключатель?

— Не знаю. Он это... на кустике растет.

— Ну хорошо... А как вы усваиваете энергию?

— Очень хорошо! Когда чувствую потребность — это такое внутреннее ощущение, — поворачиваю приемники, — он показал на уши, — к солнцу и начинаю потреблять.

— Но что происходит при этом в организме?

— Становится хорошо: легко, тепло...

— А какие процессы идут при этом? Химические, физические...

— Я не знаю... — Он был явно огорчен, и я понял, что больше не надо его мучить, он ведь даже не троечник, из которого можно выдавить какие-то воспоминания...

— Спасибо, Кмых,— сказал я.— Извините, что отвлек.

— Пожалуйста,— по-прежнему вежливо сказал он, крутанул выключатель и — растаял.

Я вздохнул и закурил внеочередную сигарету. Да, немного я ученым расскажу. Печально. Но не особенно. Почему-то я не очень огорчился. Не потому ли, что изучать — это не моя профессия? Моя профессия — учить...

Я поднял удочки и по теплой пыльной тропинке зашагал к себе домой, где ждал меня Толя Журавлик, сидя во дворе в обнимку с собакой...

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

«Здесь водятся проволоки...»

Спокойствие утра охватило Горина, едва он шагнул за порог. Воздух был чист и недвижим, окна дома блестели, как умытые, ни звука, ни человека вдали, казалось, мир спит, досматривая безмятежные сны, и слух был готов принять даже побудку петушиного крика, если бы не зеленая, в полнеба, заря, в аквамариновую прозрачность которой врезалась веерная чернь древолистов.

Иное небо было над головой пожилого философа, даль тридцатых парсеков, и так все напоминало земное утро! Верилось и не верилось, что такое возможно, а тропинка меж тем разматывалась и вела, а легкие, не утомляясь, пили прохладу непотревоженных лугов, и смиренно хотелось благодарить судьбу за это чудо обретения среди безжизненных звезд второй, человечества, родины. Да еще такой, где все можно начинать с чистой страницы, начинать умудренно, единой людской семьей, на горьком опыте усвоив,— можно надеяться, что усвоив,— как надо ладить с лесами и травами, дождями и ветрами.

Все виденное Гориним подтверждало эту надежду. Тропинка, по которой он брел, сужаясь, окончательно исчезла в немятой траве, зеленой в зоревом свете, от этого почти своей, домашней. Ботинки тотчас оросил град светлых капель, надежных и здесь предвестников благодатного дня. Горин с рассеянной улыбкой оглянулся на потемневшую за ним полосу травы, на уютные позади домики, чьи мягко-округлые формы делали их похожими скорей на создания природы, чем на творения строительной техники. «Да,— с удовлетворением подумал он,— это мы умеем, этому мы научились, ради этого сюда стоило лететь...»

Он брел без цели, зигзагом, не слишком, однако, удаляясь

от самого поселка. Не потому, что адали что-то могло грозить человеку: опасности не было нигде. Человечеству сказочно повезло и в этом, хотя если искать так долго и упорно, если вспомнить о всех затратах, разочарованиях, жертвах звездного пути, тем более о борьбе и муках предшествующего, то эта случайность, пожалуй, не совсем случайна.

Горин в свое первое здесь утро хотел просто прогуляться, беспечным Адамом пройтись по новой земле, но привычная к абстракциям мысль уже заработала в нем, уводя все дальше от неспешного созерцания. Природа ни добра, ни зла, но разве яблоны не благодарит яблоками за уход? Разве поле не вознаграждает умелого сеятеля? Земные недра не одаривают того, кто зорко ищет? И наоборот, деятельность врачей, дураков, сиюминутников бумерангом обрушивается на всех, проклятием преследуя потомков. Так на Земле, почему в космосе должно быть иначе? Не должно быть иначе, не может, значит, и эта планета, раз она выстрадана в борьбе, добыта мудрым трудом и заботой, не случайный подарок судьбы, человек законный ее хозяин, и благодарить он должен лишь самого себя.

Из-под ног Горина рванулась тень, узкая и длинная, простерлась за горизонт, луг в брызнувшем свете засиял огоньками росы, искрясь, послал в небо сноп радужных переливов, и всякая философия тут же отлетела прочь. Не осталось ничего, кроме блаженного безмыслия, и Горин на миг ощутил себя растением, которое апитывает пераый проблеск солнца и больше ни в чем не нуждается. Хорошо-то как! Он медленно повернулся к блещущим лучам, тепло коснулось лица, как материнская ладонь.

Он замер в этой неге. Зеленое небо протаяло, сделалось высоким, безбрежным, зовущим непонятно куда, каким оно бывало лишь в детстве и каким оно снова стало теперь. Оказывается, он не забыл этого ощущения единства, нет, слияния, головокружительного растворения в природе. Оказывается, оно еще жило в нем, еще могло наполнить счастьем, которое не было счастьем любви или познания, свершения или творчества, а давалось просто так, мимолетно и даром, за одно лишь чувство единения с природой. «Ну, ну, — услышал Горин в себе скептический голос, — так и до лантензма недалеко...»

Свет белого, как бы перекаленного солнца изменил траву, теперь она казалась не зеленой, а... Может ли бронзовый отлив ее листья одновременно быть мягким, ковыльно-серебристым? Казалось бы, несочетаемое — здесь сочеталось.

Впереди, левее чащи древолистов, обозначилось едва заметное всхолмление, и Горин повернул туда с той же бесцельностью, какой была отмечена вся его прогулка, хотя сама эта бесцельность

была преднамеренной, ибо ничто так не сужает восприятие, как заранее поставленная задача. Приблизившись, он замер с ощущением плевка на лице: перед ним были искореженные бугры и оплывшие ямы. Все давно поросло травой, но еще оставляло впечатление шрама. Даже трава здесь была не такой, как везде,— грубой, однообразной, страшной, словно сюда стянулась и тут расплодилась вся дрянь, которая дотопе тишком пряталась по окрестностям. Нарушенный почвенный слой, иного и быть не могло! Отсюда брали, брали железом, силой, ладили какие-то временки, подсобки, без которых, очевидно, невозможен был сам поселок.

Кулаки Горина разжались. Кто он такой, чтобы судить? Очевидно, людям надо было немедленно дать кров, за горло брала необходимость, освоители не щадили себя, а кто не щадит себя, тот не церемонится и с остальным. До приборки ли тут, у самих руки в ссадинах, успеется и потом, зато главное сделано!

И ведь хорошо сделано... Быстро сделано.

«Это мне легко быть чистоплюем,— с горьким сокрушением подумал Горин.— Может, тут, наоборот, памятник ставить надо!»

Все было возможно и порознь, и вместе, памятник часто неотделим от хулы, вот что удивительно в жизни.

Горин двинулся к рытвинам и буграм, чтобы обстоятельно во всем разобраться, но не успел он ступить за черту бурьяна, как услышал позади себя крик.

— Дяденька, не ходите туда! Не надо!

Он в недоумении обернулся. От кучи древолистов спешила тоненькая, как стебелек, девочка; ее светлая, в облачке волос, головка шариком одуванчика хатилась над гущей трав.

— Это почему же мне не ходить туда?— любясь прелестно разгоряченным лицом девочки, спросил Горин.

— Там водятся проволоки...— с тихой убежденностью проговорила она.

— Проволока,— слегка оторопев, машинально поправил Горин.— «Проволок» нет, так не говорят...

— Есть,— взгляд синих, как земное небо, глаз девочки был тверд и серьезен.— Туда не надо ходить. Просто вы не знаете.

— А остальные знают?

— Мы, дети, знаем.

— Хорошо, хорошо,— согласился Горин, не зная, что и думать.— И как же они выглядят... эти «проволоки»?

— Змейки такие,— коротко вздохнув, девочка повела в воздухе пальцем.— Тоненькие и прыгучие...

— А-а, понятно...

Горин отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и посмотрел на поло-

гий, в проплешинах, бугор. На ногах девочки, как он заметил, не было никакой обуви, а это значило многое: дикая местность считается окончательно обжитой тогда, когда ребенок может всюду разгуливать босиком. И змей на этой планете не было. А вот обрывки проволоки тут вполне могли быть, а трава могли скрываться их петли, а чем это не силок для резвой детской ноги? «Здесь водятся проволоки...» Какой точный, если вдуматься, образ!

— Так взрослые, ты говоришь, ничего не знают?

— Не-а,— она досадливо взмахнула рукой.— Я говорила, и Тошка подтвердил, они не поверили.

— Понятно...

«Вот пакость,— рассердился он.— Первая опасность, с которой дети сталкиваются на чужой — чужой! — планете, исходит от... Носом бы ткнуть сюда всех кое-какеров! Мордой бы их в эти самые кучи!»

Однако что происходит?

Он смотрел на девочку, девочку-стебелек, босоногую фантазерку с исцарапанными, как в ее возрасте положено, коленками, и в нем нарастала тревога. Как это понимать? Мир всюду становится таким благоустроенным, что крохотный огрех освоения уже видится чудовищным пятном, но это бы ладно! — дети пугаются каких-то проволочных петель, боятся уже неведь чего. Кем же они тогда вырастут?! А ведь все шло, как надо: главное — забота о человеке, тем более о детях, добро, безопасность, свобода, тут достигнут, казалось, немыслимый прежде прогресс... Вот чем, выходит, все оборачивается!

— Пойдемте,— девочка потянула Горина за рукав.— Вообще-то проволоки только там, но кто их знает...

— А вот мы сейчас и узнаем! — весело, как только мог, сказал Горин.— Заглянем в их, так сказать, логово!

Он подмигнул, вовлекая малышку в ее собственную игру, но в ответ лицо девочки дрогнуло обидой.

— Ты чего?

— Ничего... Думаете, я выдумываю?

«Стоп, стоп,— сказал себе Горин.— Тут что-то не так...»

— Постой! Давай разберемся. Там водятся проволоки, верно?

— Да.

— А откуда ты это узнала? Ты ходила туда?

— Ходила. А как же? Вместе с Тошкой, он еще маленький, мы тут в находки играли. Это когда проволоки еще не было, только обычные. Ну эти, эмбрио и всякие... А потом они ожили.

— Ожили?!

Интонация выдала Горина. Рука девочки упала, губы скривились.

— Вот...— толчком выдохнула она.— Вы тоже... хотя и философ... Ну и пусть, ну и пусть! Соврала! Да! Назло!

Она в гневном вызове вскинула подбородок, но в глазах, ее упрямо немигающих глазах уже блеснули горькие, быстрые и бессильные слезы. Горин так растерялся, что не нашел слов. Рука оказалась проворней, она коснулась пушистых волос девочки, убрала прядь с плачущих глаз, быстрой неумелой лаской тронула лицо.

Всхлипнув, девочка ткнулась лбом в плечо Горина.

— Ну, все, все, рубашку промочишь... Видишь — я верю. Только при чем тут философия?

— Ни при чем,— она отстранилась и, словно котенок лапой, ладошкой прошлась по лицу.— Ни при чем. Просто говорят, что философы — не как все...

— Каждый человек не как все, и ты тоже, в этом вся прелесть. Рассказывай дальше... пушистик.

В ее волосах запуталось чужое солнце, но пахли они домашним теплом, он это чувствовал на ощупь.

— Глупые волосы,— тряхнула она головой.— Всюду лезут...

— Что ты? Они красивые.

— Ну и пусть! Значит, так... Прошлым летом, когда мы здесь играли, проволоки были обычные...

— Подожди, давай уточним. Откуда они там? Почему? Какие?

— А всякие. Тут до нас скуфер работал, и починочная станция была.

— Так, так...

— Этой весной, как пригрело, гляжу, шмыгают в траве. Те, не из железа которые, потолще...

— Ну, ну?

— Тошка их стал ловить. А одна ка-ак прыгнет, ка-ак даст! Прямо в глаз стукнула.

— В глаз?!

— Ага.., Только на глазу линза была. У Тошки зрение недалекозоркое, их для исправления поставили, она и слетела, а глазу совсем ничего...

Должно быть, выражение лица Горина напугало девочку.

— Нет, правда!— воскликнула она поспешно.— Честное слово, все обошлось ревом, нам потому и не поверили...

— Совсем?!

— Ну...— пальцами ног она смущенно ковырнула землю.— Папа ходил, смотрел. Только проволоки скрытные, а взрослые все поверху смотрят, а меня папа не взял... Ну, Тошку отругали, что линзу потерял, и меня, что в таком месте играли, еще врач при-

ходил, мама с ним насчет моих фантазий советовалась, лекарство давали... Ну и все.

Последние слова дались ей нехотя, она отвела взгляд, смотрела мимо Горина даже с каким-то равнодушием на лице, словно то, о чем она говорила, уже не касалось ее. Горин слушал, не зная, как быть. Никакой Кант не задавал ему столь сложной задачи. То есть объяснение, конечно, было, даже не одно, но что толку! Понятно, родители знали девочку лучше, очевидно, они были правы во всем, нельзя же верить в очевидную дичь, и если бы не его, Горина, проклятая привычка к всеохватности и всепроверке...

— Ладно,— он откашлялся, чтобы выиграть время и наконец решиться.— Вот пакость! Кстати, кто, кроме вас, сюда еще заглядывает?

— Никто,— сказала она чуть удивленно.— Ребят я предупредила, а взрослые сюда и так не ходят, зачем?

Действительно, зачем? Праздничный вопрос! Мы сами избегаем тех мест, где вот так похозяйничали. Только дети снуют повсюду, только они везде находят что-то привлекательное и создают свой, отдельный от взрослых, мир.

— Так! Где же этих «проволок» больше всего?

— Ой!— она снова уцепилась за его руку.— Не надо...

«Не надо», потому что она боялась за него? Или опасалась проверки своих фантазий? Горин заколебался. Гипотез, которые могли объяснить ее рассказ, было три, и все, кроме одной, не лезли ни в какие ворота. А правдоподобную, ту же самую, что избрали родители, подтверждать не хотелось. Особенно когда на тебя смотрит гордая и упрямая малышка, которая только что доверила тебе свой мир. Тот странный, для взрослого труднопостижимый мир, в котором осколок стекла становится звездой, у тряпичной куклы взаправду болит животик, все превращается во все, глухая тень бурьяна оказывается преддверием сказочного леса, а проволока...

Но даже если тут не все фантазия, попробуй-ка, отличить! Неважно, что девочка говорит искренне, что для нее все правда. «Разве в моем детстве,— спросил себя Горин,— не было времени, когда я не сомневался, что коряга в саду — живая, а небо — медное? А почему медное, этого мне вся мудрость науки не смогла объяснить».

— Надо разобраться,— осторожно сказал он.— Ведь кто-то сюда может забрести? Такой же, как я, новичок... А тебя не окажется рядом.

Кажется, довод подействовал. Пальцы отпустили руку. Девочка глядела вопросительно, словно ждала чего-то, может быть, еще

каких-то слов. Кивнув ей, он скорым уверенным шагом поднялся на бугор. Как бы там ни было, проверить не мешает.

Всюду рос цепкий бурьян, гуще в ямах, пореже на склонах, и там, где он не прикрывал глинистые оплывы, почва уже дышала сухим печным зноем. Нигде не было ничего особенного. Глаз уколот звездчатый блеск двух-трех осколков спектролита, в дальней яме истлевал распотрошенный блок полихордового двигателя, матово синели пятна когда-то пролитого тиопсина. Носком ботинка Горин поддел какую-то ржавую железяку. Скукой веяло от этого места, и было тихо тишиной запустения.

Внезапно к отброшенной им тени бесшумно подкатилась другая, тоненькая. Горин обернулся в досаде.

— Ты здесь зачем? Я, кажется...

— Во-первых, вы ни словечком не запретили,— ее глаза смотрели обиженно, с вызовом, даже зло.— Во-вторых, вы так ходите...

Угадав его намерение, она отпрянула.

— Не словите! Думаете, я ничегошеньки не понимаю?

Мысленно Горин обругал себя. Строго-настрого не запретив ей следовать за собой, он тем самым дал ей понять, что не верит в опасность. И шел он в самом деле небрежно. И конечно, по мнению девочки, смотрел поверхностно. Как папа. Она, несомненно, тотчас представила, как чужой дядя, которому она доверилась, вынуждена была довериться, ничего не сыскав, станет утешительно гладить ее по головке и противным голосом убеждать, что фантазии все-таки надо отличать от реальности. Ее воображение живо проиграло эту лытку. Что тут страх перед «проволоками»!

Теперь ее прогнать было нельзя, невозможно.

— Ты права,— Горин вздохнул.— Конечно, с тобой куда легче найти эту дрянь. Но, понимаешь...

Он выразительно посмотрел на ее голые ноги.

— Ага!— сказала она, сразу все поняв и просияв.— Я думала, но это ничего, я тихонечко, следом, и на меня не напрыгнут.

Однако не так уж и силен ее страх...

— Ладно, ладно, показывай, куда смотреть и что делать?

Снова ему показалось, что вспомнить детство не так уж трудно. Всего несколько подсказок, и вот уже изменилась походка, он, крадучись, припадал к земле, трава стала вровень с лицом, он кожей ощущал накатывающее тепло и прохладу сырости, смотрел не в даль, как привык, не вообще, а видел ближнее, массу мелочей, которые, приобретя другой облик, уже не были недостойным внимания мусором. Тот же осколок спектролита поражал, когда дальний, в травяных дебрях просверк вдруг выдавал его сходство с укромным лесным озерком; синяя от тиопсина проплешина виделась сквозь бурьян клочком опаленной пустыни, над которой маревом

дрожал химический ток испарений; когда же в чащобной неясности проступали контуры каких-то машинных шутовских, то своею странностью они надолго задерживали взгляд, который прежде равнодушно скользнул бы мимо. И как много диковинного открывал сам бурьян! И сколько было повсюду мелкой, снующей, копошащейся, прыгающей живности!

Философ, ведомый ребенком. Горин едва не рассмеялся при этой мысли. Ему давно не было так интересно, вернее забавно. Он даже забыл о цели поиска, да и была ли она? Теперешний взгляд на мир рассеял сомнения. Оставалось лишь найти те самые «провода», найти и понять, какое их свойство так напугало детскую душу. Впрочем, и тут не было загадки. Вокруг хватало останков эмбриотехники, а эмбриотехника — это квазиз жизнь, полужизнь, самосохраняющие себя киберы, что-то здесь могло двигаться само по себе, шевелиться, как оторванный хвост ящерицы, бессмысленно и, может быть, долго. О, с таким миром, где, кроме живого и неживого, есть нечто третье, дети былых времен не сталкивались! Много ли тут надо воображению? Одна лишь возможность грядущих роботов и киберов в свое время пугала вполне взрослых и мыслящих людей. Каким парадоксом все это обернулось сейчас и здесь!

— Там... — выдохнула девочка. — Там!..

Горин быстро перевел взгляд туда, куда указывала ее рука. Сначала он ничего не увидел. Затем... Что-то тонкое, темное вильнуло в траве и скрылось.

— Видели, видели?..

Еще бы! Горин привычно унял было взметнувшийся сумбур мыслей. Конечно, ему не померещилось! И на эмбриотехнику не похоже. Даже саморефлекторные союзы киберов, чьи обрывки могли здесь оказаться, даже они не способны вести себя так, тем более мутировать в змееподобное существо. Правда, их взаимодействие с иной средой при каталитическом, вполне возможно, влиянии пролитых тут реактивов, кто ж это изучал... Никто, понятно, не изучал. Нет, нет, все равно это близкий к абсурду допуск!

И явное нарушение краеугольного в науке «правила «Оккама»: нельзя принимать маловероятное допущение, когда есть простое.

Жестом велел девочке поостеречься, Горин сделал несколько крадущихся шагов. Все, увы, очень просто и паскудно в этой своей простоте. Исплащенные места, какое бы солнце ни светило над ними, неизбежно становятся особой экологической нишей и райским прибежищем не одного лишь бурьяна: сюда могли, даже обязаны были стечься какие-то редкие, потому, очевидно, еще незамеченные и, не исключено, зловредные твари...

Вольно или невольно поступаясь достигнутым, на миллиметр снижая культуру своей деятельности, мы сами скликаем их к своему порогу. И тем настойчивей, чем колоссальней наша мощь. Техника все одинаково возводит в степень — и хорошее и дурное, и достижение и просчет.

Как ни внимательно смотрел теперь Горин, он едва не прошел мимо «проводаки». Она (быть может, «оно»?) едва различалась в тени густого бурьяна. Лишь смутное ощущение чего-то живого в этом свернувшемся клубке, ощущение скорей инстинктивное, чем рассудочное, оспаривало мысль, что глаз видит лишь свив какого-нибудь псевдонерва, а то и вовсе моток тонкого кабеля. В неясности этого сплетения воображения одинаково сплелось различить и неотчетливый узор змеиной кожи, и столь же сомнительный знак заводской маркировки.

Существо? Мутант? Проволока? Горин нагнулся, чтобы разглядеть.

— Нельзя так, лицо!..

Все произошло в одно мгновение. Девочка вскрикнула, кинулась, чтобы удержать, остеречь, и тут темное кольцо «проводаки» взвилось пружиной. Горин отпрянул, хотел заслониться и заслонить, но было поздно: меж ним и метнувшейся в лицо змейкой оказалась рука девочки.

Горин стремительно подхватил ее, падающую, побелевшую, не видя ничего, кроме точечной ранки, ринулся к поселку, твердя, что это не яд, не может быть ядом, а только шок, мчался к домам, словно вслед рушилось небо. Так, в сущности, оно и было. «Да когда же, когда же кончится это!» — кричал в нем ужас, и он сам не знал, к чему это относится — к кажущейся бесконечности беге или к чему-то еще.

ЭДУАРД ГЕВОРКЯН

Высшая мера

(Прощай, сентябрь!..)

Каждое утро в окно ко мне стучится нечто.

Здесь очень богатая фауна, я до сих пор не пойму, что именно летает, а что ползает. Живность мелкая и для меня безобидная — жуют трубчатые мхи и время от времени — друг друга.

Нечто у моего окна — желтый пушистый шар с клювом. У излучины реки я недавно обнаружил лежбище этих шаров. Они за-

капывались в песок, ворочались, елозя клювом по песку. Большие цыплята, размером с мяч. То ли прыгают, то ли летают. Крыльев и ног не заметил. Впрочем, не приглядывался. Биологические исследования не входят в мои обязанности.

У меня нет обязанностей.

Сегодня триста шестьдесят пятый день моего пребывания на багряной. Дни недели несущественны, захочу, и будет вечный понедельник. Время года здесь одно — лето. Не слишком жаркое, не очень сухое, но лето, только лето... Оранжевые восходы, фиолетовые закаты, и все оттенки красного — днем.

Заурядная кислородная планета, таких в Рубрикаторе сотни. Четвертая в системе красного гиганта. Два материка. Орбитальных ретрансляторов — два. Информационных буев — двадцать четыре. Людей — один.

Год назад и, может, в этот самый час я стоял на балконе высоко, и прохладный ветер тянул с севера долгое: у-у-у... Будь я волком, то затаил бы в полнолуние ветру след: у-у-у...

Но тогда, как и сейчас, был день. Там, на Земле, в своей квартире, я вспоминал, перетряхивал память, высчитывал ошибки, действительные или мнимые, взращивал на хорошо унавоженной почве сомнений дерево вариантов каждого поступка и гадал, который из них ключевой... И тут замигал наружный вызов. Я отключил сигнал, но через минуту он снова замигал. Это могла быть Лиза, но именно ее я не хотел сейчас видеть. И трижды именно, если это кто-либо из Десятки. Кончилась Десятка, кончился Учитель, попросим учителя Шамиссо отчитаться о своей деятельности.

Сигнал непрерывно мигал, из-за двери усердно прорывались ко мне. Может, по делу?.. Хотя какие могут быть дела у бывшего учителя! Скорее всего нашлась соболезнующая душа...

Снова сигнал. Пусть мне будет хуже, решил я, и разблокировал вход.

— Итак, это вы! — сказал вместо приветствия высокий мужчина с длинными висячими усами. — А я — Клецанда из Общественного контроля. Вы не будете возражать, если мы займемся вашим делом? Разумеется, найдем хорошего протектора... Вы меня слышите?

Я его слышал. Для начала совсем неплохо. Вот уже энтузиасты из ОК проявляют заботу. Ненавязчиво и скромно.

— Если вам трудно решить сейчас, мы свяжемся позже, — продолжал Клецанда. Он посмотрел на меня и поднялся с места. — Я хотел бы пригласить наших экспертов, ваше дело будет прекрасным казусом для дискуссии... может, и всеобщей.

Только этого мне не хватало! Молодцов из ОК далеко занесло.

— Не могу принять вашей заботы,— ответил я гостю и тоже встал, давая понять, что разговор окончен,— тем более что сейчас, приношу извинения, не могу пригласить кого-либо к себе.

Вчера я еще не мог вообразить, что буду в состоянии грубо оборвать человека, не закончившего разговор. Но Клецанда вместо того, чтобы холодно откланяться, только улыбнулся и после секундной заминки сказал:

— В таком случае я приглашаю вас к нам. Приношу извинения...

Он поднял руку и разжал ладонь. Небольшой граненый хрустальный шарик завертелся перед моими глазами. Я удивился, но тут же сообразил, что это компактный гипнарк. И вдруг он превратился в голубую ослепительную звезду...

Очнулся я в помещении с выключенным окном. Связь не работала. Выход заблокирован. Ноги ватные и стены расплываются, как после процедурного сна. Минут через десять я пришел в норму. Я не знал, где нахожусь, но при любых обстоятельствах собирался выбраться отсюда как можно скорее. И выяснить, кто и по какой причине меня изолировал. Что еще скажет Совет Попечителей, узнав о насилии над бывшим учителем? Ничего, я пока держусь. А вот что сейчас творится с Мурадом?..

Шестьдесят два года — почти старость. А полвека назад мой учитель назвал меня Вторым. Он долго колебался, и если бы не заболел Виктор... Добрый Учитель, ему казалось, что мне не хватает уверенности. Все-таки он назвал меня. А Первым, и без оговорок, шел Леон, краса и гордость Десятки. Он попал в одну из австралийских школ, встречались мы только во время каникулярных сборов. После выпуска своей Десятки он ушел к освоенцам и, кажется, участвовал в четвертом десанте на Горизонт. В Наставниках он не остался.

Какое это было время! После многолетних экспериментов на Марсе был сооружен и, наконец-то, задействован экваториальный фазоинвертор. Дальний космос стал Ближним. И такое началось. Я даже забыл, что являюсь вторым, и очень удивился, когда меня сняли с рейса и вызвали в управление.

В приемной меня встретил сам начальник управления, гроза штурманов и пилотов. Он странно оглядел меня, провел в кабинет, усадил в кресло и вручил голубой листок вызова на комиссию. Много лет спустя я понял, что значил его взгляд. Он уже тогда смотрел на меня как на Учителя.

После полугодового карантина я вошел в основную группу

школы 211, Базмашен. Физподготовку я любил, раза два даже брал призы на стендах и поэтому первого года не боялся. И напрасно! Нас гоняли похуже, чем на всех штурманских курсах, вместе взятых. Если у кого-то было особое мнение о своих способностях, то оно выветрилось через неделю, после канатных пятнашек и бега с подвязками. Ровно год шлифовали нашу мускулатуру и психику. Тесты и кроссы, гокинг и нарвные бревна, батут и колодец...

Главное началось потом! Первый год мы долго вспоминали, расслабленно улыбаясь. Теперь уже усиленный курс всех наук, и чтоб никакой гипнопедии или нейродопинга. Десять часов каждый день, лучшие учебники, отменные Наставники, консультации ведущих специалистов, экзамены шесть раз в год, две недели отпуска, и опять занятия, экзамены, лавина информации, мозг распирает, а попробуй не пересвари или забудь, попробуй на экзамене не ответить на блиц-вопрос из совершенно другой области.

Пять лет в Школе стоили тридцати до нее. В день Клятвы многим из нас было уже тридцать пять. Затем год общения, год стажировки, коррекция и гармонизация педагогической премудрости. Наконец, я получил свою Десятку. Первую и единственную. Пятнадцать лет вместе. Пятнадцать лет... впустую!

Когда я впервые узрел этих годовалых несмысленнейшей, вокруг которых вертелись, не находя места, родители, меня распирало от гордости. Я чувствовал себя Творцом, замесившим круто глину. Кого я вылеплю...

Девочки заговорили чуть раньше, зато мальчиков потом невозможно было остановить. Лена, Аршак, Сима, Гриша, Ирма, Мурад... Наш дом выбрали на родительском собрании за год до моего назначения. Он стоял на берегу речки, линию обеспечения провели от Базмашена. Наглубокое ущелье, а за ним начинался заповедник столбчатых базальтов. Прекрасные места!

Родительские комнаты занимали третий этаж, остальные были в нашем распоряжении. Первые два года прошли нетрудно. Большая часть нагрузки ложилась на родителей. Но вот дети стали задавать вопросы, и от контроля и советов надо было переходить к активному воздействию — вот когда началась моя работа. На каждый вопрос ответить своевременно, учесть последствия ответа, любой поступок мгновенно экстраполировать, направить активность, сместить активность, элиминировать активность, формировать начальные структуры — и все осторожно, без нажима, весело и серьезно, чередуя игры и занятия.

Все головоломные переплетения нелинейных барьеров на горизонте и все бездонные каверны Гиперборей были сущей ерундой по сравнению с детской психикой. Безупречная радость и чу-

довышняя ответственность Творца, ежедневные, ежечасные приключения и испытания духа, знаний, личности — это работа...

Но что и в какой момент я проглядел?

Вот Кнарник отобрала у Мурада игрушку, веселая возня, но Мурад отказывается взять ее обратно. Что это было — не признак ли чрезмерной гордости? А в первом классе он сам лишил себя восхитительной рыбалки из-за нерешенной задачи — требовательность или первый росток асоциальности? Вспоминать день за днем, искать в памяти слова и поступки, могущие оказаться ошибочными...

Линопласт слегка пружинит под ногами. Я иду от стола к окну, возвращаюсь к столу, снова иду к окну, иногда задерживаюсь у него.

Горы почти не видны, их затянуло сиреневой дымкой. Но до сумерек еще далеко. Со стороны реки ветер несет какой-то желтоватый пух.

Шар-цыпленок сегодня скучен.

Неделю назад он увязался за мной и допрыгал от отмели сюда. Скребся клювом в дверь, затем облюбовал окно и каждое утро барабанил в него. Сейчас он вяло копошится под окнами, ковыряется во мхах.

В соседнем помещении вдоль стены лежат ящики. Почти до потолка. Это мой архив, извлеченный из глубин Центрального Саода. Записи, наблюдения, видеотека, сочинения, рисунки, результаты контрольных... Один из ящиков набит картинами Гриши, в девять лет он увлекся до самозабвения акварелью, через год внезапно переключился на биомоделирование и начисто забросил краски. В другом ящике лежит матерчатый пес с разными ушами — его сшила Ирма в три, нет, в три с половиной года.

Ящики постепенно опорожняются, приходится наращивать полки: видеоблоки отдельно, журналы наблюдения — отдельно, дневники, мои дневники — на другую полку... Потом все должно сложиться в единую картину, имя которой — Белая Книга.

Скоро я начну складывать осколки воедино, а пока кружу по комнате, как тогда, год назад...

Я кружил по комнате, стряхивая с себя остатки гипнаркического беспамятства. И когда входная панель отошла в сторону и объявился Клецанда с двумя молодыми людьми, я уже был в норме.

— Что все это значит? — спросил я, заложив руки за спину.

Клецанда не обиделся.

— Видите ли, — доброжелательно сказал он, — нам обязательно надо побеседовать с вами.

— С каких пор Общественный Контроль взял на себя функции Совета Попечителей?

— Хорошо. С этого и начнем,— он кивнул сопровождающим, и те вышли.

Тут я понял, что они были вроде, как их... да — телохранителей. На всякий случай. Мне стало смешно. Мальчикам лет за тридцать. Клецанда, пожалуй, мой ровесник. Но если бы я позорно сорвался в истерику, то мог бы их гелам нанести некоторый ущерб. Тронм меня не удержать.

— Вы только выслушайте меня, а выводы делайте сами и не обязательно сейчас.— Клецанда потрогал свои усы и продолжил:— Виновный должен быть наказан и будет наказан. Прекрасно! Но остальные, остальные!.. Я преклоняюсь перед Дидаскалом! Я преклоняюсь перед Учителями, сделавшими наш мир прекрасным и справедливым, насколько это сейчас возможно. Но, клянусь памятью первых Учителей, где же логика? Простая логика отношений требует, чтобы и десятку, в которую вы входили, лишили полного доверия, а значит, и вашего Учителя, и его десятку и так далее... Вы не находите?

— Не нахожу!

— Да? Но вы обратили внимание, что от здравого смысла до абсурда мы совершили путь всего в один шаг?

— А ведь вы не из Общественного Контроля,— сказал я, с бесцеремонным любопытством разглядывая Клецанду,— вы «персоналист!».

— Рад за вас,— быстро ответил он,— это упрощает дело!

Минуту или две мы молча смотрели друг на друга. Мне, наконец, вочию довелось увидеть «персоналиста». Не персонажа анекдотов курсантских времен, не сотую долю процента социогрфических справок (мелким шрифтом в специальном приложении для научных библиотек), а живого, натурального «персоналиста». Их на Земле и в Радиусе Обитания несколько сотен, ну, может быть, чуть больше тысячи. Даже не горсть, даже не капля... Но все-таки нормальные, полноценные люди, которые в какой-то момент отрекались от Десятки и Учителя, публично снимали с себя ответственность за других и отвечали сами за себя. Общество могло себе позволить такое отклонение, да оно и не обрещало на них почти никакого внимания. Дети, правда, иногда спрашивали, до них доходили всякие слухи, но это было где-то рядом с жутоватыми сказками.

— Вы нам нужны!— заявил Клецанда.— Разумеется, до референдума дело не дойдет, но дискуссию мы затеем славную. К тому же безразлично, чем она кончится. Важен прецедент, понимание! Если вы опротестуете...

Он говорил, уговаривал меня, а я молча смотрел, как он размахивает руками. Вдруг мне показалось, что он разыгрывает маленький спектакль, а сам наблюдает со стороны. Когда я окончательно уверился в этом, он на полуслове оборвал себя, улыбнулся и тихо сказал:

— Только не подумайте, что я подкапываюсь под основы бытия. Скорее всего вы никогда не будете с нами, но рано или поздно к вам придет мысль — а все ли возможности старой этики мы перепробовали, прежде чем ее сломать?

Мне стало скучно. И стыдно. Стыдно за его Учителя, пусть даже Клецанда и отрекся от него.

— Вам наверно трудно давалась История Разума? — участливо спросил я. — Могу вам порекомендовать отличный восстановительный курс.

— Благодарю! — спокойно ответил Клецанда. — Непременно воспользуюсь вашей рекомендацией. Но если вы считаете, что за какие-то тысячелетия индивидуальная ответственность исчерпала себя...

Не дослушав, я подошел к нему, взял за локти и, легко приподняв, отодвинул от входа.

— Сейчас я уйду, а если ваши авантюристы попробуют меня задержать, то... Словом, не советую!

— Куда же вы? — развел руками Клецанда. — Напротив, это я уйду. Вам совершенно незачем уходить. Вы что же, свою квартиру не узнаете? Впрочем, мы перенесли мебель в соседнюю комнату. Беспокоились за вас. Извините.

И вышел.

После гипнарка с координацией плоховато, но хорош же я!.. Заперли, заточили, ах, ах!

Включив окно, я несколько секунд смотрел на зеленое кольцо парка. Его наискось пересекал гребной канал, с высоты казавшийся темной трещиной.

На седьмой год мы переехали в Базмашен, в учебный центр. Родители остались в доме, место им нравилось. Встречались с ними раз в неделю. Дети врывались ко мне в любое время суток и по страшному секрету, разумеется, сообщали, что они придумали для воскресного подарка родителям и почему для него необходимо сию секунду и откуда угодно достать три килограмма орехов в шоколаде, двести метров нитинола, лимонную тянучку, губчатую платину и все такое...

Мурад, Семен и Лена дружили с соседней десяткой. У остальных тоже было немало друзей по школьному городку. У меня

прибавилось забот. Много сил и времени забирало планирование — надо было срочно выяснять, кто из Учителей наиболее силен в Прекрасном Чтении, а кто — в Биофизике, решать, идти ли к ним на урок или приглашать их Десятку к нам, ломать голову, увеличить ли частоту таких посещений до двух раз в неделю, или, наоборот, пора на некоторое время локализовать учебный процесс...

Голова пухнет от массы сопутствующих дел, а тут вдруг вылезает Аршак с проблемами эн-формных логик, а ты сразу и не сообразишь, за что хвататься, матричную историю и математическую философию в Школе я вытягивал на пределе... Какое это было время! Тогда я встретил Лизу, до моего Выпуска оставалось четыре года, а ее — три. Но через год я вернул ей Слово, потом снова у нас наладилось, затем опять мы запутались... так, в общем, до сих пор ни я, ни она не разобрались, что кому надо. Каждый остался при своем Слове, с ним и распрощаемся... Не судьба... В последние годы все стало яроче, и Лиза усвоилась, и я расслабился, но где ты, школьный городок?!.. Где ты, сентябрь?..

В десять лет у детей началось критическое осмысление мира. Ничего на веру не принимается, идет вторая волна вопросов, и среди них многократно и в самых забавных вариациях: неужели так трудно за всю жизнь Учителю воспитать десять человек?

Рано или поздно задается этот вопрос. Потом еще и еще раз. Главное, почувствовать момент, когда наступила пора рассказа об Учителях. Почему ими гордится человечество, какая лежит на них чудовищная ответственность за все и вся, и почему последнее слово всегда остается за Учителем. С этого начинается введение к курсу Истории Разума, который продолжается до выпуска. В это время Учитель начинает приглядываться к своим ученикам, чтобы за оставшиеся до выпуска годы успеть подготовить Первого и Второго, возможных кандидатов в Учителя. Сколько их отсеялось в школах, сколько отвели себя сами! Это не делало чести Учителю, но это честно. Учитель — не десантник, не разработчик и не мастер. Он не имеет права ошибаться. Если ошибся — не Учитель!

Пустяковая ошибка, и... Нет, Учителя не делают пустяковых ошибок, любая ошибка — конец! Но где, когда... Вывернуть Вселенную наизнанку, пустить время вспять, секунда за секундой просмотреть все сначала, найти несправедное слово, неверное действие... Конечно, бывший учитель! Сколько «бывших» наберется на наш век? Пять или десять, хоть отсчет веди! «Это был шестой год от провала бывшего учителя Шамиссо», — скажут историки, а курсанты будут понимающе кивать. Бедная усеченная десятка, бедный Мурад...

Закат на багряной красив. Горизонт расслаивается на синие и

красные полосы, медленно наливается фиолетовым небо, а в нем время от времени расцветают стрелчатые цветы метеорных дождей.

Перенося ящик из соседнего помещения, я задел боком терминальную тумбу стола и чуть не выронил свой груз. Подхватив его, я случайно ухватился за скобу фиксатора. И разумеется, скоба осталась в моей руке, а ящик немедленно распался на тонкие полоски. На пол со стуком посыпались видеоблоки, у некоторых отвалились крышки, и тонкие серебристые диски разлетелись по комнате. Я постоял над безобразной кучей, затем махнул рукой и сел прямо на линоласт, посреди этого развала, собирая блоки по годам и разглядывая пометки на дисках.

С видеоблоками я возился долго и отсидел ногу. Чтобы размяться, решил пройтись, обойти территорию.

Снаружи было не очень темно, что-то вроде земных сумерек. Но темнее здесь не бывает.

Под окном зарылся по самый клюв шар-цыпленок. Мне показалось, что он стал чуть больше. А может, это другой. Хотя нет, вот темное пятнышко у клюва.

Я пошел по тропинке к серому кубу синтезатора, от него я реактору, хотел спуститься к реке, но посмотрел на часы и передумал.

Сегодня я надел часы. Сегодня день связи.

Код вызова я оставил только Лизе. Потом, когда-нибудь, я попрошу ее связать меня с Десяткой... вернее, с девятой.

За десять минут до связи я был уже за столом. Потом взял себя в руки, быстро сварил кофе и успел сделать несколько глотков.

Сигнал вызова я заглушил почти до предела и поэтому его не услышал. Вспыхнул экран, на нем появился юноша с эмблемой Прямой Связи на рукаве.

— Здравствуйте,— сказал он и замялся. На секунду, не больше.— Вы просили связь на полчаса. Если вам понадобится, можно будет продлить.

— Спасибо, думаю, что не понадобится,— ответил я совершенно искренне. Каждая секунда прямой связи съедала уйму энергии.

Юноша исчез. На экране возникла Лиза. Она крепко зажмурила глаза и прищмокнула. Я ответил ей тем же. Наше приветствие.

— Я долго думала, что тебе сказать вначале, но ничего лучше «ну, как ты?» не придумала. Спросить?

— Спроси!

— Ну, как ты?

— Как видишь! — я бодро выпятил грудь и для убедительности стукнул по ней кулаком.

— А ты не поседел...

— Не поседел или даже не поседел? — переспросил я и тут же мысленно обругал себя — и сейчас я не смог удержаться. Ну почему каждый разговор с ней начинается и кончается выяснением, кто что имел в виду и почему имел... Куда девается чуткость, такт и понимание?

Лиза не ответила на мой вопрос. Она разглядывала меня, потом вдруг улыбнулась.

— Если бы не мать, я бы приехала к тебе.

— Как ее здоровье?

— Все так же. Не лучше и не хуже. Пробуем клеточные стимуляторы. Ходить еще не может.

— Передавай от меня... Хотя, не надо.

— Да, лучше не надо. Обещают за полгода поставить ее на ноги.

— Но тебе придется долго за ней присматривать.

Она опустила глаза и поджала губы.

— Я все понимаю, — наконец сказала она. — Я начала сидеть.

— Вот глупости! — ответил я. — При чем здесь это?

Несколько секунд она смотрела мне в глаза, потом вдруг всхлипнула.

— Только сейчас я поняла, какие мы были... Все равно ты от меня никуда не денешься!

— Ты же понимаешь... — я развел руками, — мне... ты...

— Я все понимаю. Как только поправится мать... — она снова всхлипнула и исчезла.

Юноша с эмблемой прямой связи выглядел растерянным.

— Ваш собеседник отключил линию. Если терминал...

— Все в порядке! — я потряс ладонью для убедительности.

— Но... в вашем распоряжении больше двадцати минут! Есть еще один запрос, — юноша повертел в руках жетон с прорезями кода. — Если вы не возражаете... Запрос шел через Совет Полечителей. На ваше усмотрение...

Кто бы это мог быть? Кто-либо из Десятки, то есть из девяти? Нет, подобную бестактность они себе не позволят. Я вдруг поймал себя на мысли, что простил бы им это. Хорошо, если это Кварик. Много говорить не будет, повздыхает, выпатит нижнюю губу — уже теплеет в сердце. Нет, не она...

— Ладно, — ответил я, — соедините.

И чуть не застонал от доседы, когда на экране появилось длинное лицо и длинные же усы Клеанды.

— Приветствую вас!

Я ограничился кивком.

— Ну вот, если суждено встречаться, встречи не избежать. Вы неплохо выглядите. Как ваше здоровье?

— А вы запрашивали Совет ради удовольствия осведомиться о моем здоровье? — спросил я.

Улыбка с его лица исчезла мгновенно.

— Нет. У меня к вам предложение... Просьба! Вы, наверно, пишете книгу, ну, понимаете, вашу... книгу. Так вот, не могли бы вы, как бы это сформулировать... ну, несколько страничек, буквально — ваши мысли, эмоции и все такое в тот день. Я имею в виду день Суда. Если это вас не затруднит! Я понимаю, неудобно обращаться с такой просьбой, но...

Он с минуту расшаркивался словесами, а я смотрел ему в глаза и молчал. «Опять какая-то игра, — думал я, — опять «персоналисты» жаждут дискуссии или референдума. Прекрасно, но при чем здесь я! Что-то затянулась их возня вокруг бывшего Учителя. Теперь понадобились мои эмоции!».

— Я ничего не понял! Собственно говоря, что вам от меня надо? Какие еще там заметки? Если у вас много свободного времени...

— Извините и еще раз извините, — перебил меня Клецанда. — Но нам действительно были бы крайне интересны ваши э-э-э... воспоминания о том дне. Время связи истекает, а в двух словах теорию альтернативной этики не изложить. Если бы позволили в следующий раз...

Я медленно помотал головой.

— Жаль. Ваш Учитель был уверен, что вы не откажете...

— Что-о?

— Я немного знаком с Учителем Барсегом. Он, разумеется, не имеет к нам ни малейшего отношения и весьма скептически отзывается о наших концепциях. Мы с ним соседи и иногда встречаемся в гостевые дни. Он, сами понимаете, не хотел говорить о вас, но потом сказал, что теория альтернативной этики могла бы у вас вызвать интерес и что вы занимались чем-то подобным за год до выпуска.

Он хотел еще что-то сказать, но в верхнем правом углу экрана замигали буквы: «Одна минута».

Клецанда потрогал усы, наклонил голову и исчез. Конец связи.

Некоторое время я сидел перед пустым экраном, затем допил остывший кофе и встал. Все-таки никто из девяти... Они-то могли не посчитаться с моим запретом. А Мурад... впрочем, лучше о нем не думать, даже подумать страшно, что с ним...

А Клецанда меня смутил. Гора родила мышь, и мышь оказалась дохлой! Если раньше я подозревал их в непонятных кознях вок-

руг меня, Мурада и Преступления, то все это оказалось пшиком. Мемуары им нужны... Но что имел в виду мой Учитель? Никогда я не увлекался и не занимался альтернативной этикой, да чего уж там, о ней я только сегодня услышал, от Клеандры. Что-то здесь не то!

Я прошелся по комнатам, включил пылесборник, выключил пылесборник, вскрыл еще один ящик — он тоже оказался с видео-блоками. Разбирать их не стал, сегодня буду листать дневники.

Выложив на стол первую стопку толстых тетрадей, я некоторое время сидел над ними, ничего не делая. Никак не мог сосредоточиться. Потом решил отвлечься и вышел из дома.

Там меня ждал сюрприз. Вокруг шара-цыпленка сновали маленькие клювастые шарики, полтора десятка, не меньше. Ну, вылитая насадка с цыплятами. Шар-насадка выглядел плохо, из него, или из нее словно воздух выпустили. А потомство возбужденно подпрыгивало, вытягивало острые клювики и, не успев я удивиться этой картинке, как вдруг они набросились на шар-насадку... Во все стороны полетел пух, ветер подхватил его и понес. Я не успел опомниться, как от шара-насадки остались лишь тонкие полудужья скелета, а шарики весело запрыгали вниз по склону к реке, откуда ветер временами нес клубы пуха. Вот, значит, как...

«Вот, значит, как», — повторял я про себя, вернувшись в дом. Однажды Учитель Барсег повел нас в Музей Питания. Там был макет скотобойни... неприятные ощущения... Когда же это было?.. Вспомнил! Вспомнил! Никакими этическими теориями за год до выпуска я не увлекался, а взялся я тогда, и взялся основательно, за социомутагенез. Закопался плотно и надолго, запутался сам, запутал Учителя, вместе долго сидели у терминала, что-то интересное получалось, а потом вдруг остыл, забросил. Учитель огорчился... Что же это — весточка от Учителя? Намек? На что? Неужели он полагает, что в «персоналистах» что-то есть, что пора присмотреться к ним всерьез, и заняться этим следует именно мне? Странно... Хотя, социомутагенез... Мир, созданный Учителями, совершенен, насколько это возможно сейчас, и должен совершенствоваться впредь. И чтобы не растерять зерна будущих Систем Воспитания, придется быть внимательным и к сорнякам. Кто знает, что из них впоследствии вырастет.

Добрый Учитель! Не знаю, хватит ли у меня сил и желания взяться за эту проблему. Есть дела более насущные, а именно Белая Книга. Собственно, ее начинаешь писать уже в день Суда... И я ее начал тогда, год назад...

Тогда, год назад, в день Суда, после нелепой стычки с Клеандрой, я стоял у окна и смотрел вниз, на канал. Потом раздался

предупредительный звонок, окно переключилось. Это был сам Ранганатан, председатель Совета Попечителей. «Суд через два часа,— сказал он,— Уже выслана машина».

«А Мурад?»— чуть было не спросил я, но смолчал. Он будет ждать у входа...

Я вышел в коридор, транспортная лента вынесла меня на летнюю площадку. Над ней уже завис и с шипением опускался коптер. Я вошел в кабину.

Внизу потянулись зеленые зоны с вкраплениями городков и жилых башен, время от времени мелькали стартовые пропелсины портов, затем коптер нырнул в облака.

Во мне медленно поднималось опустошающее спокойствие. Что будет, то будет!

Коптер пошел вниз, показалась кромка берега, с белой ниткой прибора. Нитка постепенно раздалась в ленту, вода осталась позади, и тут выросли прозрачные синие купола Зимнего комплекса.

У входа меня встретил Наставник, немолодой, темнолицый, с пушистыми бровями.

— Я провожу вас,— сказал он после приветствия.— Можете отдохнуть, время еще есть.

— Спасибо. Вот, возьмите...— я протянул эмблему Учителя, которую снял по пути с рукава. Темнолицый сунул эмблему в карман и, не оглядываясь, ступил на транспортную полосу. Я последовал за ним.

Он довел меня до дверей, обитых бледно-зеленой кожей, кивнул и ушел. В комнате меня ждала Наставница.

— Это обвинительное заключение,— тихо сказала она, протянув мне кассету.— Ознакомьтесь, пожалуйста. С протектором вы встретитесь перед началом. Он тоже принимал участие в расследовании.

— Благодарю,— я взял кассету и сел на диван. Наставница вздохнула и вышла.

Я просмотрел кассету с обвинительным заключением и содрогнулся. Ах, Мурад, Мурад! Ну, как он мог!.. Боюсь, он даже не догадывается, как скверно все обстоит.

Промышленный реактор класса «атанора» сожжен дотла. Пострадало восемь человек, очень серьезно, двое в реанимации. Что-то замкнуло в инжекторе, и один за другим начали выгорать предохранители. Мурад покинул пульт, отключил автоматику и героически полез в релейный отсек, чего не имел права делать ни при каких обстоятельствах. Мурада пытался остановить напарник, но он заманил и запер напарника в подсобном помещении. Час от часу не легче! Экспертная комиссия признала риск допустимым, но только в безлюдном варианте. Между тем в реакторном зале

находилась группа технического обслуживания. Мурад знал это и тем не менее рискнул. Во имя чего? Автоматы сделали бы то же самое, хотя потом надо было налаживать все снова — работа на месяц. Ему не хватило нескольких секунд. Хорошо что сработал аварийный сброс, иначе от промзоны не осталось бы и лепла. Заражение района, непредсказуемые последствия... Он не имел права рисковать, зная, что есть угроза людям. Но когда, в какой злой час я не заметил ростков самоуверенности, вовремя не сместил, не сдвинул модусы?..

В комнату вошел Протектор, кивнул и протянул мне текст своего выступления. Я, не заглядывая в него, возвращаю и поволю себя на мысли, что так, наверно, поступали и те, кто до меня пытался уйти достойно.

— Я буду настаивать на определении «неоправданный риск». Это около двух лет частичного ограничения, — говорит Протектор. — Правда, я не знаю, что потребует Обвинитель.

Два года... У Мурада легкоранимая натура, травма будет на всю жизнь. На сентябрьские встречи он часто приезжал первым, и букет его был самым большим. Как он рассказывал о своей работе! А теперь...

А теперь Протектор, совсем еще молодой, смотрит на меня с жутковатым интересом. И конечно, немного гордости — скорее всего это единственный и последний Суд в его жизни. Ах, если бы знать, что ты последний споткнувшийся... К сожалению, тома «Истории Ошибок» медленно, очень медленно, но все же растут из века в век. Мы изучали их на последнем курсе, с горечью вчитываясь в сухие выводы и рекомендации, в выдержки из «Белых книг», полные отчаяния, сочившегося из скупых исповедей бывших...

Наконец с вводной частью было покончено, и мы вошли в зал Суда. Огромное помещение было набито до предела, многие сидели на полу. Ну что ж, каждый имеет право быть свидетелем редкого и поучительного зрелища. Только одному человеку запрещен вход, он будет топтаться у дверей, ждать исхода, а когда все начнут выходить, станет жадно хватать за руки, заглядывать в глаза. Ему будут неразборчиво-утешительно бормотать что-то, но вряд ли скажут сегодня...

Стойка с баскетбольным щитом сдвинута в сторону, на ее месте помост. За столом сидят трое: Ранганатан, Фалькбергер — Верховный координатор и Синицына — мотиватор. За их спинами — зеленый куб протоколиста.

Речь Председателя.

Речь Протектора.

Речь Обвинителя.

Обвинитель говорит тихо, скупо, но каждое слово его словно все туже и туже закручивает во мне пружину. Я не поднимал глаз, боясь встретиться с глазами Лизы. То, что она здесь, в этом зале, я не сомневался, и, возможно, где-то совсем близко.

Я отказываюсь от заключительного слова — в самом деле, что я могу сказать сейчас?

Жду решения и вспоминаю сентябрьские встречи. Десятка собиралась у меня в Ангермюнде: разговоры до утра, воспоминания, планы, споры... Сентябрь... Сентябрь...

Все встают. Суд принял решение.

Утверждена формулировка Обвинителя и принята Судом без изменений — преступная самонадеянность, повлекшая тяжелые последствия. Рекомендуемая мера — десять лет полного ограничения.

Зал неслышно ахнул, тяжелый вздох кольнул разноцветные полотнища, не убранные после спортивного праздника.

Я хотел что-то сказать, но будто стальные манипуляторы плотно взяли за горло и задушили крик. Мне не хватало воздуха, сердце раскаленной ледышкой барахталось в груди... Десять лет! Мурад этого не переживет! Как хорошо, что его нет в зале!

Десять лет! Что ж, выберу подходящую планету и засяду за свою «Белую книгу». Но Мурад... Такого тяжелого случая давно не было, но ведь не было и злого умысла!

Бедный Мурад, он не выдержит... Знать, что твой Учитель, твой второй отец отбывает за тебя наказание, а ты можешь идти куда угодно и делать все, что хочешь...

Я вернусь через десять лет, когда истечет срок моего ограничения. Привезу книгу, в которой день за днем будет все описано, разложено, чтобы кто-нибудь потом нашел мою ошибку в воспитании и обвел ее черной линией. Я вернусь через десять лет, десять лет добровольного одиночества с редкой, раз в год, связью...

Но сколько выдержит он, Мурад, среди людей, которые изо всех сил будут вести себя так, будто ничего не произошло, и он совершенно такой же, как все?..

Если я все же напишу для персоналистов что-то вроде воспоминаний, то назову их так: «Прощай, сентябрь!..»

АЛЕКСАНДР СИЛЕЦКИЙ

И даже очень...

Честное слово, странный был этот венерянин.

Не помню уже, кто первый из нас заметил его, да это и не

важно, поскольку в конечном счете все мы его увидели и сразу догадались — вот ведь, как все повернулось тогда в наших мозгах! — что проделал он свой дальний путь от Венеры к Земле только ради нас, прилетел именно к нам и ни к кому другому на свете.

Корабль опустился на зеленую клумбу посреди двора, и произошло это так быстро и бесшумно, что, когда мы, наконец, опомнились, из ракеты выходил уже тот самый венерянин.

Он остановился шагах в десяти от нас и посмотрел счастливо вокруг, и улыбнулся — небу, всему миру, но главным образом, конечно, нам.

— Добрый день! — сказал он. — Как живем, ребята? — к сам же весело ответил: — Прекрасно! Ведь нельзя плохо, а?

— Нельзя, — важно подтвердил Артем, а мне вдруг захотелось дернуть его за руку: «Помолчал бы уж, карапуз несчастный!..», но я не сделал ничего такого, постеснявшись незнакомого человека.

— Я с Венеры прилетел, — сообщил венерянин. — У нас там тоже весело и тоже весна стоит.

— У нас весна скоро кончится и лето наступит, — с сияющей рожей похвастал Артем, и тут уж я не выдержал и ткнул его в спину кулаком — легонько, конечно, а то ведь такой рев поднимет, хоть уши зажимай.

— Чем вы тут занимаетесь? — спросил венерянин.

— Гуляем, — ответил я.

А Гошка добавил:

— Играем.

— Во что же, интересно?

— А во что придется, — сказала Маринка. — И в салочки, и в прятки, и через веревочку прыгаем.

— Только ты и прыгаешь, — буркнул Артем, злясь на меня, — он был младше на три года и страшно поэтому переживал и все грозился стать когда-нибудь старше меня, и уж тогда, на правах старшего брата... — чего только ни изобретал мозг этого человечка, которому впервые в школу-то идти лишь этой осенью!.. — Мы в марсиан играем! — гордо солгал он: ведь ни в каких марсиан никто из нас отродясь не играл.

Но мне понравилось это вранье, и всем, наверное, тоже, потому что Валька со странной фамилией Дуло, здакая тощая длинная девчонка, конопатая, с куцей, как намокшая веревка, косой, которую она украшала синим бантом не на конце, как все порядочные люди, а посередине, — так вот, эта Валька, привычно шмыгнув носом, заявила вдруг:

— Я была марсианкой, а они, — она ткнула пальцем в нашу с Артемом сторону, — устанавливали со мной контакт.

В другой раз я бы задохнулся от такой чудовищной лжи, но теперь промолчал и только согласно кивнул головой, и все тоже дружно закивали — не каждый день можно так красиво врать самому венерянину, вот ведь какое дело.

— В марсиан играете? — изумился тот. — Это здорово. А я как раз туда лечу. Какие же они, эти марсиане?

— Живые, — не моргнув глазом, выдал Моня, мой одноклассник. — И даже очень.

— Это ясно, что живые, — усмехнулся венерянин. — Я другое спрашиваю: какие они из себя?

— Ну, как бы это сказать, — начал Моня, — все на нас похоже и уж веселые — будь здоров! — Он окинул критическим взглядом Валентину Дуло и насмешливо добавил: — А она первобытной марсианкой была.

— Ну-ну, — сказал венерянин. — Спасибо за информацию. Мне она очень пригодится.

— А вы что, и вправду летите на Марс? — полюбопытствовала Гошка.

— Я же сказал! На Земле у меня только пересадочная станция.

— У-у, — пропела Маринка разочарованно, — а мы думали, вы специально к нам прилетели.

— Ясно, к вам! — улыбнулся венерянин. — Я ведь мог отправиться сразу на Марс, но вот решил навестить вас, поболтать немножко — знаете, скучно все время одному в ракете...

— А вы еще прилетите? — жалобно спросил Артем.

— Обязательно. Уж тогда и в салочки поиграем, и в прятки...

— И в марсиан? — взвизнул я.

— Можно и в них. Но это после, когда я вернусь, когда все дела будут сделаны...

Он помолчал немного, а потом вдруг сказал:

— Но я не хочу, чтоб вы забывали обо мне — мало ли, что там случится в дороге! Может, я подарю вам на память игрушки?

— Игрушки? — недоверчиво переспросили мы хором.

— Да. То есть нет. Я хочу сказать вот что: дайте мне сюда ваши игрушки, какие у кого есть с собой, и я вдохну в них венерянскую жизнь. Вы будете глядеть на них и вспоминать нашу встречу, и, как знать, может, кто-нибудь из вас, когда вырастет, прилетит на нашу планету и поднимет над головой эту игрушку — в знак приветствия, и тогда все поймут, что прилетел друг.

Увы, у нас с Артемом во дворе была лишь одна игрушка на двоих — плюшевый медведь, который изображал пассажира на борту океанского лайнера, потому что никто из ребят пассажиром становиться не хотел — все желали быть только капитанами.

И мы отдали венерянину нашего мишку, и он вдохнул в него волшебную жизнь Венеры.

— Артем, Борис! Обедать, живо! — на балконе третьего этажа вдруг показалась наша мама.

И тотчас, словно ожидая этой команды, запрыгали солнечные зайчики от распахиваемых окон и дверей, и, как дружная канонада, понеслось со всех сторон:

— Обедать, обедать, обедать! Марш по домам!

— Вот видите, — сказал венерянин, — вас зовут. Значит, и мне пора. До свидания!

— Всего хорошего, — сказал я первым, и все подхватили хором: — Всего хорошего!

Он вошел в ракету и захлопнул за собой люк. Мы, помню, тогда ни капельки не удивились, когда громадная ракета совершенно бесшумно взлетела над двором, хотя, нет, легкое недоумение, конечно, появилось: ведь не такие уж несмышлениши мы были, отлично понимали, что любая ракета — это гром и пламя, но нам приятен был именно такой — бесшумный и плавный — старт, и мы поверили в его реальность, заставили себя в тот момент забыть о земных ракетных стартах, трескучих и жарких, и все стояли и смотрели ракете вслед до тех пор, пока она не пронзила небо, и небо сомкнулось за ней, чистое синее небо, и тогда мы перевели взгляд на клумбу — ни один цветочек не был на ней примят!

Нам стало грустно, как никогда, и каждый лишь еще крепче прижал к себе свою игрушку, и Артем стиснул нашего мишку что есть силы, а я глядел на него снисходительно, как и полагается старшему брату, и, честно говоря, был взволнован не меньше его.

— Артем, Борис! Марш обедать! Сколько раз повторять!

— Пошли, — тихо сказал Артем, и все ребята начали разбредаться по подъездам.

Артем шагал молча, бережно неся плюшевого мишку, — он так и притащил бы его домой и сказал бы гордо: «Вот, медведь с Венеры», и прихвастнул бы что-нибудь еще, но тут гадкая зависть вдруг поднялась в моей душе.

— Ну-ка, — потребовал я, останавливая его, — давай сюда мишку.

— Вот еще, — удивился Артем, — с чего это вдруг?

— А что, только ты с ним будешь играть? Он такой же мой, как и твой.

— И ничего ты не получишь, — разозлился Артем. — Раньше думать надо было.

— Это мы еще посмотрим, кто о чем думал. Гони медведя, или по шее заработаешь!

— Подумаешь,— фыркнул Артем,— испугал!.. Я на тебя — пфу! — и пошел дальше.

Все во мне прямо вспыхнуло от обиды — ну мог ли я, хоть и был старшим братом, сдержаться, скажите?

Словом, произошла отчаянная потасовка.

— Я убью тебя! — страшным голосом крикнул я и рванул игрушку на себя.

Но Артем вцепился в нее, как клещами,

— Отдай по-хорошему!

— Фиг тебе, фиг тебе! — прыгало передо мной плотное красное лицо Артема. — Два фига!

Ох и драка же была тогда!.. Никогда, наверное, мы так не дрались с ним — ни до, ни после.

С балкона раздался сердитый голос отца:

— Оболтусы несчастные! Вас же звали обедать!

Мы мигом вскочили и замерли, с трудом переводя дыхание.

— Где медведь? — спросил я наконец.

— П-почем я знаю? — чуть заикаясь от напряжения, проговорил Артем.

И тут мы увидели нашу игрушку — она валялась метрах в двух от нас на тротуаре, разодранная в клочья, выпотрошенная, грязная, — противно было даже прикоснуться к такой.

— Это ты, — еле слышно сказал Артем. — Ты виноват.

— Почему я? — пожал я плечами, стараясь не смотреть ему в глаза. — Сам виноват не меньше.

— Ты первый начал, — еще тише сказал Артем, и я увидел, что лицо его готово сложиться в трагическую мину, вслед за которой раздастся ужасающий рев, и, конечно, упреки родителей, и, конечно, обоюдная вражда до конца вечера — этого еще не хватало!

И тогда я решился на самый крайний, убийственный шаг.

— Послушай-ка, — сказал я как можно спокойнее, — а ведь не было никакого венерянина.

Глаза у Артема широко раскрылись, губы вытянулись в дудочку, будто хотел он свистнуть, хотя свистеть никогда и не умел...

— Врешь, — произнес он трагическим шепотом. — Я сам видел.

— Ха, — сказал я, презрительно сплюнув на тротуар, — что ты видел?

— Все: и ракету, и венерянина, и как он мишку в руки брал. И ребята тоже видели.

— Ха, — повторил я снова, еще громче. — Ничего этого не было. Мы играли, понимаешь? Это была только игра! А ты в нее, дурачок, и поверил.

— Ну и что? — насупился Артем. — Что из этого? Ты сам тоже

поверил. А теперь смеешься. Ты свинья последняя, Борис. Так нечестно, нечестно!..

— Не валяй дурака,— разозлился я,— А обманывать себя и думать, что все это правда, по-твоему, честно?

— Отдай медведя!— вдруг заорал Артем так, что стал пунцовым до кончиков ушей.

— Бери,— пожал я плечами.— Пожалуйста. Вон — валяется.

Артем встал на четвереньки и начал подбирать клочья от медведя, и собрал все до последнего лоскутка, а я стоял над ним, и мне, право же, было смешно — что вы хотите, я был старше на целых три года и кое-что смыслил в жизни...

Артем сгреб в охапку остатки игрушки и поднялся с тротуара.

— Я больше никогда не буду с вами играть,— тихо сказал он.— Никогда.

— Привет тебе с кисточкой,— скривился я.— Уж больно ты нам нужен.

Он ничего не ответил, только громко засопел, потом повернулся и засеменил к подъезду.

Я шагал метрах в двух позади, и мне ни капельки не было его жалко.

— Да брось ты эти лохмотья,— сказал я, когда мы подошли к дверям квартиры.— Грязь всякую в дом тащить!..

Артем обернулся и как-то разочарованно посмотрел на меня.

— Гад ты,— произнес он, наконец, совсем тихо.— Вот и все.

— От гада и слышу,— огрызнулся я и вдавил в стену черную кнопку звонка.

— Ну, что у вас там стряслось?— спросила мама, открывая дверь.— Боже, до чего вы грязные!.. Где вас только носило?— И вдруг, помрачнев, добавила:— Опять дрались?

Мы ничего не ответили — только чересчур усердно принялись вытирать ноги о половик.

— Ладно,— вздохнула мама,— дело ваше. Идите, сейчас же умойтесь. И живо за стол.

Но Артем первым делом прошмыгнул в комнату и долго возился там, а когда появился в ванной, медведя с ним уже не было — наверное, спрятал где-нибудь, в укромном уголке...

Артем несколько раз плеснул себе в лицо — так, только кончики пальцев чуть-чуть замочил...

— Вымой руки,— приказал я.— Нечего с грязными руками за стол садиться.

Он промолчал, но даже не шелохнулся.

— Вымой руки,— повторил я, повышая голос.

— Катись-ка ты, знаешь, куда?— вдруг прошипел Артем. Он даже побелел от злости.

В другой раз за такой ответ я дал бы ему хорошего щелчка, но тогда только заметил небрежно:

— Пентюх ты, Артем. Был таким и останешься.

И мы чинно пошли на кухню обедать.

Папа сидел за столом и, дожидаясь нас, просматривал газету.

— Ну, теперь все в сборе,— весело сказал он.— Званный обед за круглым столом короля Артура начинается,— и подмигнул нам обоим.— Прекрасная королева, то бишь мама, прошу налить нам в царские тарелки наши царские супы.

Когда мы закончили с супом и уже было принялись за второе, папа повернулся невзначай к окну и вдруг странным голосом произнес:

— Глядите-ка, что это такое?

Я мигом вскочил.

Там, во дворе, посреди цветистой клумбы, точно удивительное дерево, в пять минут вымахавшее до невиданных размеров, стоял чужой космический корабль — я это понял сразу — и блестел на солнце своими синими отполированными боками, как наша ваза из чешского стекла.

— Что это такое? — повторил папа и изумленно посмотрел на нас с Артемом, словно мы могли ответить ему, хотя, нет, кое-что мы, безусловно, знали, но ведь тогда мы только играли, выдумывая все от начала до конца, а теперь — теперь-то не одни мы видели этот Корабль, но и папа и мама тоже видели, и весь дом, наверное, уже всполошился — что мы могли ответить на этот вопрос?

— Ракета, — только и сказал я. — Настоящая. С Венеры.

— Ты так думаешь? — спросил отец.

— Артем, — позвал я. — Артем!

Тот сидел, даже не шелохнувшись, на своем стуле и молчал, и глядел как-то странно, недоверчиво, что ли, чуть ли не с испугом, а губы его снова вытянулись в дудочку, будто он хотел свистнуть, да так и не засвистел...

— Ну да, — сказал он, наконец. — Видали мы...

И вдруг рука его разжалась, и на ладони я заметил плюшевый лоскуток — он сжимал его в течение всего обеда, и вот теперь...

— Артем! — крикнул я.

И тут что-то словно лопнуло, оборвалось в напрягшейся, как кусок сильно растянутой резины, атмосфере.

— Врете вы! — с отчаянием закричал Артем. — Врете! — и, вскочив, с ревом бросился вон из кухни.

— Что это с ним? — изумился папа.

А мама уже помчалась вслед за Артемом — успокаивать, утешать...

— Это ты? — спросил папа.

— Что — я?

— Ты наговорил ему чего-нибудь такого?

— Ничего я ему не говорил. Дурак он — вот и все.

— Ох, Борис, — сказал папа, — чувствую, будешь ты у меня сегодня стоять в каземате инквизиции, носом в угол.

— А я ничего не сделал. Ничего-ничего!

— Это ты сам разберешься, когда простишь целый вечер. И пытаться тебя будет твоя совесть.

— Я не сдамся, — буркнул я.

— Тогда твоя совесть с досады умрет, и я, и мама, и Артем — все мы станем тебя презирать.

— Подумаешь, Артем... — начал было я, но осекся, снова глянув в окно.

Там, во дворе, ничего не было.

Ракета, которую совсем недавно могли видеть все, исчезла, испарилась, вдруг растаяла, как лед на солнцепеке.

— Где она? — акнул я.

— Так-так, — сказал папа. — Вот постоишь в углу и постарайся ответить на этот вопрос. А пока доешь второе — совсем уже застыло.

Я вернулся к столу и, нехотя ковыряя вилкой антракот, все думал, пытался понять, откуда же взялась эта ракета и, главное, была ли она все-таки на самом деле?

А может, снова кто-нибудь из наших играл (хотя, откуда было отцу, к примеру, знать о наших дворовых забавах?), а остальные, поддавшись азарту игры, лишь поддекивали и умиленно ахали?

Под вечер, когда я все еще отбывал наказание в предназначенном для этого углу, ко мне подошел Артем, держа руку за спиной, и сказал вполне миролюбиво — этого карлуза, надо полагать, весьма размалобили, наконец, мои мучения в проклятой одиночке:

— Устал стоять?

Я хотел было послать его куда подальше, но только кивнул, соглашаясь.

— На-ка, — вдруг произнес Артем и протянул мне что-то мягкое и теплое. — Возьми.

— Что это?

— Мишка. Твоя доля. Здесь ровно половина. И, знаешь, я уже не сержусь на тебя.

«Ну, еще бы!», — подумал я, однако лоскуты взял, и, удивив-

тельное дело, мне неожиданно стало очень приятно от мысли, что и у меня теперь есть своя доля чуда...

Так и закончился тот странный день.

С тех пор прошло много-много времени, многое забылось и потускнело. Но одно воспоминание, точнее, даже не воспоминание, а некое радостное ощущение остается постоянно в моей душе — удивительное чувство ожидания, надежда: вот-вот что-то произойдет, случится непременно, нужно лишь дожидаться, как уже дождался как-то раз...

Мне кажется, в один прекрасный день я снова, как тогда, подойду к окну и вдруг увижу возле своего дома, над дворовой клумбой, Неведомый Космический Корабль. И ни одна травинка не пригнется под ним — он будет парить над самой землею, и тогда я выбегу ему навстречу и, как сигнальными флагами, взмахну плюшевыми лоскутками, и там, на Корабле, увидят меня и поймут мои сигналы, догадаются, что перед ними — друг.

Да, друг. И даже очень...

**ДМИТРИЙ БРОДСКИЙ,
ВЛАДИСЛАВ ПЕТРОВ**

Победитель

Еще зелененьким лейтенантом Давлиот, как и полагается, мечтал командовать дивизиями, а то и всеми вооруженными силами. Он давно уже открыл в себе талант военного стратега. Чтобы, не дай бог, не зарыть его в землю еще до покорения больших командных высот, Давлиот на первое же офицерское жалование купил оловянных солдатиков и часами разрабатывал сценарии будущих сражений.

Шли годы, но к заветной цели, увы, не приближался. Давлиот служил ревностно, однако выше майора подняться не сумел. Более молодые, но не менее ретивые обскакали его по службе. Когда Давлиот понял, что больших чинов не достичь, он замкнулся в себе, стал мрачен и неразговорчив.

Единственной отрадой были солдатик. Едва придя домой, майор извлекал из шкафа оловянную армию и начинал военные действия. В углу стола он смонтировал большую красную кнопку: когда наступал апогей сражения, он с наслаждением нажимал ее, обрушивая смертоносные ракеты на вражеские войска.

Солдатик умирал молча. «Своих» после победы майор

награждал орденами и денежными премиями, «чужих» предавал земле, то есть складывал в ящик, без речей и воинских почестей.

Так продолжалось изо дня в день. Жена не выдержала и ушла. Давлиот этого почти не заметил. Его счет в банке заметно оскудел, но на солдатиков хватало — и это было главное.

Жизнь шла своим чередом. Дневное время майор отдавал службе, а вечерами воевал дома. Особое удовольствие ему доставляло командовать генералами и даже самим военным министром. К счастью для Давлиота, генералы и военный министр об этом не догадывались.

В один прекрасный день майора вызвал бригадный генерал Фризли и объявил о предстоящей отставке. Не сразу осознав услышанное, Давлиот твердым шагом вышел из кабинета, пришел домой, достал солдатиков и только тут будто провалился в глубокий омут...

Впервые за много лет майор, не начиная сражения, нажал на красную кнопку и, не наградив победителей, не предав земле побежденных, покинул поле боя. Больше майор к столу не подходил. Поле боя и войска покрывались пылью.

Через месяц генерал снова вызвал Давлиота и вручил ему приказ об отставке. На следующий день был назначен прощальный офицерский ужин.

...Давлиот проснулся на рассвете и долго лежал, уставившись в потолок. Потом, стараясь растянуть время, медленно облачился в парадный мундир и стал бродить по квартире.

Обойдя все комнаты, он добрался до кабинета. Случайно его взгляд упал на стол. Полки, занимавшие позиции на левом фланге, были явно поражены оловянной чумой. Фланг оказался ослабленным. Давлиот машинально перебросил туда кавалерийскую часть, придав ей для поддержки танковую бригаду.

Войска его были разношерстны. Бок о бок уживались индейские разведчики и наполеоновская гвардия, конница Чингис-хана и рыцари короля Артура, зеленые береты и королевские мушкетеры. Они попеременно бывали то «своими», то «чужими», но красная кнопка принадлежала только «своим»...

Противник открыл пулеметный огонь, пытаясь отсечь конницу от танков. Майор совершил отвлекающий маневр, перейдя в атаку на правом фланге. Там у противника стояли римские легионеры. Давлиот нанес по ним бомбовый удар, и, пока легионеры не опомнились, в их расположение ворвались самураи майора.

Слева, однако, положение ухудшалось. Генерал Фризли, которому майор поручил командовать танковой бригадой, промедлил, и враг все-таки отсек конницу. Теперь он не спеша ее добивал. Конница отстреливалась из луков. Давлиот вызвал генерала, распек его и отправил под арест — в ящик стола, а сам взялся за руководство сложным участком фронта. Посадив мушкетеров на танковую броню, он бросился в лихую атаку и опрокинул врага. Тому пришлось отступить в горный массив, роль которого исполнял мраморный чернильный прибор. Майор вызвал егерей.

Противник начал контрнаступление в центре. Войска майора ожесточенно отстреливались. Позади них раскинулось море — огромное чернильное пятно, в котором эсминцы майора охотились за подлодками противника. Подлодки гибли, но вред приносили немалый: два транспорта с техникой майор уже потерял.

Давлиот мельком взглянул на часы. Удивительно, день уже прошел. Пора было идти на ужин, но как же мог главнокомандующий оставить армию в разгар сражения? «Еще немного», — подумал он.

А потом события закрутили его. Войска сталкивались, рубились, хрипели кони, лязгали гусеницы, свист стрел перемежался пулеметными очередями, гортанно кричали сипаи-погонщики боевых слонов, бухали гаубицы...

Раздался телефонный звонок. Продолжая руководить боем, майор поднял трубку и, услышав голос генерала Фризли, приказал доставить его в ставку. Генерал выразил недоумение, более того, воспротивился. Тогда Давлиот приговорил генерала к расстрелу за неповиновение на поле боя, достал его из резерва, бросил трубку и пальнул в фигурку из собственного пистолета, разметав при этом полк «своих».

Пришлось ввести в бой резервы. Однако, пока майор приводил в порядок войска, враг поднял голову. Легионеры, перехватив инициативу, начали теснить самураев; самураи делали хакакири, но не сдавались. Егерям тоже было несладко. Партизанские отряды противника, используя складки местности мраморной пепельницы, наносили им большие потери.

В центре враг бросил в прорыв боевых слонов. Давлиот выстроил против них фалангу гоплитов, но слоны оказались проворнее: растоптав гоплитов, передовые отряды сипаев прорвались к чернильному пятну. Над войсками майора нависла угроза окружения.

Только на море ему удалось достичь успеха: подлодки были уничтожены. Это облегчало эвакуацию войск, которую Давлиот, скрепя сердце, начал под прикрытием плотного заградительного огня. Несколько раз его палец касался красной кнопки, но нада-

вить ее не решался: в суматохе Давлиот боялся нанести удар по своим.

Наконец, корабли отплыли. Слоны злобно трубили им вслед. Майор перевел дух: основная часть армии была спасена. Егерям и мушкетерам, неожиданно оказавшимся в глубоком тылу противника, он дал приказ держаться до последнего. С остатками танковой бригады связь была утеряна. Майор видел, как, пройдя по тылам врага, она разгромила полк кирасиров и вдруг попала в засаду — отлично замаскированные ловушки для мамонтов. Они были вырыты дикарями, которых противник привлек на свою сторону, посулив всем мужчинам шитые золотом адыутантские аксельбанты. Подняв руки, танкисты покидали машины... Чтобы не видеть этого позора, Давлиот прикрыл глаза руками.

А между тем «чужие» продолжали наступать. Не видя смысла в том, чтобы цепляться за край стола, майор отступил на диван и подверг стол бомбардировке, но желаемого эффекта не достиг: ПВО противника действовала отлично. Удалось лишь потопить санитарный транспорт в чернильном пятне — на конвенцию майору было плевать.

Красная кнопка на столе оказалась в руках врага. Ракетно-ядерного удара Давлиот не боялся: нажать на кнопку мог только он сам. Но оставить ее врагу — значило безропотно отдать на поругание нечто большее, чем жизнь: воинскую честь. Такого майор допустить не мог.

Группу тейсинтай, наземных камикадзе, предназначенную для захвата кнопки, он возглавил сам. Выдав смертникам по чашке саке, он погрузил их в самолет. Кнопка находилась теперь в глубоком тылу «чужих», нападения здесь они явно не ждали. Тейсинтай захватили ее сравнительно легко и, отгрызаясь из огнеметов, заняли круговую оборону. Прикрываясь от нестерпимого жара, майор подобрался к кнопке. Тейсинтай гибли один за другим. Майор посмотрел, как редеют их ряды, и навалился на кнопку всем телом. Кнопка поддалась, он нажал еще раз, еще... Над столом выросли атомные грибы. В едином жутком мгновении отпечатались танки, кавалерия, корабли на море, слоны с поднятыми хоботами, первобытное племя в аксельбантах, взорванный бронепоезд, индейцы, собиравшие скальпы, пленные, растянувшиеся по дороге, гранатеры на биваке, монгольские конники, спешившие на курултай, егеря в отрогах чернильницы, викинги, затеявшие рукопашную с драгунами, латники, обступившие сбитый аэроплан, штурмовики «чужих», окружившие кнопку, и последний оставшийся в живых тейсинтай, поливающий огнем все подряд... Отпечатались и испарились, оставив на поверхности стола тени, застывшие в танце смерти.

С минуту майор стоял, не шелохнувшись, потом подошел к походной палатке, выпил саке, предназначенное для теясинтай, повалился в пепел и теплую золу и забылся гяжким сном.

...Майор Давлиот лежит на диване. Входит военный министр. Давлиот не успевает подивиться его появлению в своем доме, как раздается гулкий заупокойный голос генерала Фризли: «За превышение полномочий разжаловать майора Давлиота в рядовые и сослать на галеры навечно». Два здоровяка из национальной гвардии поднимают майора с дивана. Военный министр срывает с него знаки различия...

«Какой нелепый сон», — подумал майор, не просыпаясь.

Наутро прислуга, убиравшая у майора, не смогла попасть в дом. Дверь была заперта изнутри. На звонки никто не отвечал. Женщина приходила еще несколько раз, а вечером, обеспокоенная, обратилась в полицию. Звонок полицейского инспектора начальству майора ничего не дал. Бригадный генерал Фризли не пожелал разговаривать. Вчера, когда Давлиот не явился на прощальный ужин, Фризли лично осведомился о причине и услышал в ответ идиотский приказ о расстреле. Он был взбешен выходкой майора.

Когда дело не удалось спихнуть военной полиции — майор все-таки числился в отставке, — инспектор приказал взломать дверь. Дом оказался пуст. В кабинете были явные следы борьбы: скомканный ковер, пистолетная гильза на полу, напрочь сожженное покрытие стола. На диване в беспорядке валялись оловянные солдатикки, игрушечные танки и самолеты. В углу комнаты лежала на боку испанская галера, на которую наступил неповоротливый полицейский.

Было назначено расследование, которое ни к чему не привело. Майор Давлиот бесследно исчез.

И никто не обратил внимания на странного галерника в парадном офицерском мундире, но с оторванными погонами.

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

Ведро воздуха

Па послал меня за ведром воздуха. Только я наполнил его и тепло сошло с моих рук, как я увидел ЭТО.

Знаете, сначала мне показалось, что я вижу молодую леди. Да, красивую молодую леди со светящимся в темноте лицом. Она смотрела на меня из квартиры напротив на пятом этаже, как раз над белым покрывалом замерзшего воздуха толщиной в двадцать метров. Я никогда не видел живых молодых леди, кроме как на картинках в журналах: Сест еще ребенок, а Ма уже здорово постарела. От удивления я даже выронил ведро. Да и вы на моем месте сделали бы то же самое, зная, что на Земле никого нет, кроме Па, Ма, Сест и меня.

Когда я поднял ведро и снова посмотрел на квартиру напротив, оказалось, что это не молодая леди, а пятнышко света — маленький призрачный зайчик,двигающийся от окна к окну, словно одна из далеких звездочек спустилась, чтобы узнать, почему Земля убежала от Солнца.

Пока я стоял и моргал глазами от удивления, у меня замерзли ноги, а на шлеме образовался такой слой инея, что я уже ничего не видел. Но у меня хватило ума нырнуть обратно. Медленно пробираясь сквозь многочисленные слои одеял, тряпок и резины, которые Па повесил, чтобы не выпускать воздух из Гнезда, я постепенно успокоился. Наконец, я услышал тиканье часов и понял, что вокруг уже воздух, потому что в вакууме, естественно, нет никаких звуков. Протиснувшись сквозь щель в последнем слое одеял, который Па обшил алюминиевой фольгой, чтобы сохранить внутри тепло, я вошел в Гнездо.

Давайте я расскажу вам о Гнезде. Оно небольшое и уютное, и места там хватает лишь для нас четверых и наших вещей. Пол покрывают толстые шерстяные ковры. Три стены — одеяла, потолок — тоже одеяла, касающиеся головы Па, когда он стоит. Он

Fritz Leiber «The Pail of Air» из сборника рассказов Ф. Лейбера «The Secret Songs». © 1968 London «Rupert, Hart-Davis».

объяснял, что они висят внутри гораздо большего помещения, но я никогда не видел ни настоящих стен, ни потолка.

Вдоль одной из стен тянутся длинные полки, на которых лежат инструменты, книги и прочие вещи, а наверху — целая шеренга часов. Па очень нервничает, если хотя бы одни из них останавливаются. Он говорит, что мы не должны терять счет времени, а без Луны и Солнца это не так-то просто.

Четвертая стена — тоже одеяла, но там еще есть и камин, в котором всегда горит огонь. Он не дает нам замерзнуть и вообще приносит большую пользу. Кто-то из нас должен постоянно наблюдать за ним. У нас есть несколько будильников, которые напоминают нам, когда чья смена. В первое время за огнем следили только Па и Ма, но теперь им помогаем и мы с Сест.

Конечно, Па — главный хранитель огня. Таким он навсегда останется у меня в памяти: высокий мужчина сидит, закинув ногу на ногу, и, нахмурившись, смотрит на пламя, бросающее бронзовый отсвет на его морщинистое лицо. Через равные промежутки времени он осторожно кладет в огонь кусок угля из большой корзины, стоящей рядом. Па говорил, что в древности тоже были хранительницы огня, их называли весталками, хотя тогда повсюду был воздух, на небе светило солнце, и люди совершенно не нуждались в огне.

Па и сейчас сидел в той же позе, но, увидев меня, встал, и, взяв ведро, отругал за то, что я долго оставался снаружи. Он сразу заметил иней, покрывавший мой шлем. Па завернул ведро в плотную ткань. Только внутри Гнезда ощущаешь, какое же холодное это ведро. Кажется, оно высасывает тепло отовсюду. Даже языки пламени съеживаются, когда Па ставит ведро рядом с огнем.

Однако мерцающее бело-голубое вещество, насыпанное в ведро, сохраняет нам жизнь. Оно медленно тает и, испаряясь, освежает Гнездо и поддерживает огонь. Слои одеял не дают ему слишком быстро покинуть Гнездо. Па хотел бы заткнуть все щели, но у него ничего не получилось, да и к тому же он должен держать трубу открытой, чтобы дым выходил наружу. Но там у него поставлены какие-то хитрые штуки (Па называет их отражателями), которые мешают выходу воздуха.

Па говорит, что воздух — это крошечные молекулы, которые мгновенно улетают, если их ничто не удерживает. Мы должны постоянно быть начеку, чтобы не упустить слишком много воздуха. У Па наготове несколько запасных корзин, стоящих за первым слоем одеял, — рядом с запасами угля, консервами, бутылками с витаминами и прочим, например с ведрами со льдом, из которого получаем воду. За льдом приходится спускаться на первый этаж, что не так-то легко, и выходить из дома через дверь.

Видите ли, когда Земля начала остывать, вода, находившаяся в атмосфере, замерзла первой, и на поверхности образовалась корка льда толщиной около четырех метров. А на лед легло покрывало из кристаллов замерзшего воздуха, поднявшееся до пятого этажа.

Сразу надо льдом — слой углекислоты. Поэтому, когда идешь за водой, надо убедиться, что не набрал этого вещества, которое при испарении может усыпить нас и погасить огонь. Затем идет азот, от которого нет никакой пользы, хотя он составляет большую часть замерзшего воздуха. Сверху, к счастью для нас, находится кислород, поддерживающий нашу жизнь. Мы отличаем его от азота по светло-голубому цвету. Твердый кислород образуется при меньшей температуре, чем азот, поэтому он и оказался на самом верху.

Па говорит, что мы живем лучше, чем в прошлом короли, потому что дышим чистым кислородом. Но мы привыкли и не замечаем ничего особенного.

А на самом верху — тоненькая пленочка жидкого гелия, очень забавного вещества.

Сняв шлем, я сразу рассказал о том, что видел. Ма разволновалась, а Па рассердился за то, что я ее расстроил.

— Ты долго наблюдал свет? — спросил он, когда я закончил. Впрочем, я ничего не сказал о том, что сначала принял свет за лицо молодой леди. Почему-то мне хотелось сохранить это в тайне.

— Да, огонек прошел пять окон и скрылся этажом выше.

— Может, он выглядел как блуждающее электричество? Или ползучая жидкость? Или звездный свет, сфокусированный растущим кристаллом?

Па расспрашивал меня не зря. Станные вещи случаются в мире глубокого холода. Даже когда ты уверен, что вся материя намертво замерзла, вещество обретает новую жизнь. Липкая пленка ползет, ползет к теплу, как собака бежит на запах пищи, — это жидкий гелий. А однажды, когда я был маленький, молния — молния! (даже Па не представляет, откуда она взялась) — ударила в шпиль неподалеку от Гнезда, и электричество сохранялось в нем долгие недели.

— Ничего похожего я еще не видел, — ответил я.

— Выйдем вместе и разберемся, что там делается, — помолчав, сказал Па.

Ма и Сест очень не хотели оставаться одни, но Па их успокоил, и мы начали надевать костюмы для дальних походов. Па сделал их сам, со шлемами из трехслойного стекла, которые когда-то были большими прозрачными банками для консервов. Наши

костюмы держат воздух и тепло, во всяком случае мы ходим в них за водой, углем, консервами и прочими необходимыми нам вещами.

Па надел все, кроме шлема, и, опустившись на колени перед камином, сунул в него руку и дернул за длинный металлический прут, идущий вдоль всего дымохода. Им мы сбиваем лед, постоянно нарастающий в трубе. Раз в неделю Па лезет на крышу и проверяет, все ли в порядке. Это наше самое опасное путешествие, и туда Па не пускает меня одного.

— Сест,— тихо сказал Па,— следи за огнем. И за воздухом тоже. Если его останется мало или он будет испаряться недостаточно быстро, возьми корзину, стоящую за одеялами. Но будь осторожна. Не касайся корзины голыми руками,— потом Па надел шлем, взял пустое ведро, и мы вышли из Гнезда.

Па шел первый, а я держался за его пояс. Что самое смешное, я не боюсь ходить один, но когда Па рядом, мне хочется за него ухватиться. Я полагаю, это привычка, хотя в данной ситуации, надо признать, я и, правда, был немного испуган.

Дело в том, что за пределами Гнезда нет жизни. И кроме того, там всегда ночь. Я родился, когда черная звезда утащила Землю за орбиту Плутона и даже дальше. Мы можем ее видеть, когда она пересекает небо, закрывая звезды, и особенно четко она выделяется на фоне Млечного Пути. Черная звезда довольно велика, и мы находимся к ней ближе, чем планета Меркурий к Солнцу, но у нас нет времени часто наблюдать за ней.

Пройдя по коридору, мы вышли на балкон. Я не знаю, как выглядел город раньше, но сейчас он прекрасен. В звездном свете все неплохо видно (Па говорит, что раньше звезды мерцали — из-за атмосферы, — а теперь они сияют ровным светом). Наш дом расположен на холме, над сверкающей пеленой, которую пронзают высокие здания, а темные впадины между ними, когда-то бывшие улицами, образуют ровную прямоугольную сетку. На каждом здании — круглая шапка кристаллов замерзшего воздуха, похожая на меховой капюшон Ма, только еще более. Некоторые дома наклонились, а многие разрушились во время землетрясений и ураганов, обрушившихся на город в тот период, когда черная звезда боролась с Солнцем за Землю. В темных глазницах окон висят сосульки. Как из воды — эти появились в первые дни похолодания, — так и из замерзшего воздуха. Иногда какая-нибудь сосулька так ярко отражает звездный свет, что кажется, будто одна из звездочек сама спустилась к нам в гости. Именно об этом и подумал Па, когда я рассказал ему об увиденном. Но и я подумал о том же и понял, что причина тут другая.

Он прижал свой шлем к моему, чтобы мы могли говорить, и попросил показать, в каких окнах я видел свет. Но мы не заметили ничего похожего — ни в тех самых окнах, ни в соседних. Па набрал ведро воздуха, и мы пошли обратно.

Когда мы подходили к Гнезду, он вновь коснулся моего шлема и сказал:

— Если ты увидишь это опять, сынок, не говори остальным. Твоя Ма очень нервничает, а мы должны ее беречь. Ей пришлось много пережить. Однажды, когда я заболел, она сама целую неделю поддерживала огонь. Выхаживала меня и еще заботилась о вас двоих. Ты знаешь нашу игру, когда мы садимся в кружок и бросаем друг другу мяч? Мужество — это тот же мяч, сынок. Каждый держит его, сколько сможет, а затем передает другому. Когда он летит к тебе, ты должен поймать мяч и крепко держать, надеясь, что найдется человек, которому ты сможешь его бросить, когда устанешь быть храбрым.

Конечно, мне было приятно услышать такие слова, я почувствовал себя взрослым, но все-таки меня беспокоило, что же я увидел.

Вернувшись в Гнездо и раздевшись, Па рассмеялся и сказал, что у меня слишком богатое воображение. Но его слова не убедили ни Ма, ни Сест. Казалось, никто не хотел держать этот мяч — мужество. Что-то надо было делать, и я разрядил обстановку, попросив Па рассказать о прежней жизни, о том, как все случилось.

Он редко отказывается повторить эту историю, а мы с Сест любим его слушать. И мы сели в кружок около камина, Ма поставила поближе к огню несколько банок с консервами, наш ужин, и Па начал.

Это одна и та же история, но каждый раз Па прибавляет незначительные детали. Он рассказал нам, что Земля обращалась вокруг Солнца, и на ней жили люди, зарабатывали деньги, устраивали войны, развлекались и относились друг к другу хорошо или плохо. И тут, без предупреждения, из глубин космоса появилась эта черная звезда, сгоревшее солнце, и все изменилось.

Знаете, мне трудно поверить в то, что люди могли плохо относиться друг к другу, как и в то, что их было так много. Я не могу представить, что они готовились к ужасной войне, которая могла уничтожить человечество. Впрочем, им же не приходилось бороться за каждую крупицу тепла, чтобы остаться в живых.

Иногда я думаю, что Па преувеличивает и представляет все в слишком мрачном свете. Он иногда сердится на нас и, возможно, раньше сердился и на других людей. Однако в старых журна-

лах я прочитал такие ужасные истории... Так что, может быть, он и прав.

Черная звезда, продолжал Па, приблизилась довольно быстро и не дала времени подготовиться. Сначала ее появление скрывали от людей, а потом правда открылась сама, пришли землетрясения и потопа — подумать только, океаны незамерзшей воды! — и люди видели, как по ночам что-то закрывало звезды. Сначала все думали, что черная звезда врежется в Солнце, затем — в Землю. Началась паника, и все бросились в Китай, потому что надеялись, что звезда ударит по другому волушарию. Но оказалось, что звезда пройдет в непосредственной близости от нее.

Другие планеты в это время находились за Солнцем, и появление черной звезды не повлияло на их движение. Солнце и пришелица некоторое время боролись за Землю, тянули ее в разные стороны, как две собаки, дерущиеся за одну кость, — на этот раз Па предложил такое сравнение, — но черная звезда победила и утащила нас с собой. Правда, в последний момент Солнце успело ухватить Луну. Тогда же произошли чудовищные землетрясения, и наша планета полетела вдогонку за черной звездой. Па называет это время «большим ускорением», потому что изменилась скорость движения Земли.

Я спрашивал Па, дернулась ли Земля, как дергаюсь я, когда он хватает меня за шиворот, если я сажусь далеко от огня. Па отрицательно покачал головой и сказал, что гравитация действует иначе. Тоже как толчок, но его никто не чувствует. Как я понял, будто тебя дернули за шиворот во сне.

Видите ли, черная звезда двигалась быстрее Солнца и в противоположном направлении, поэтому ей пришлось потрудиться, чтобы утащить Землю с собой.

«Большое ускорение» длилось недолго и закончилось, как только Земля перешла на орбиту вокруг черной звезды. Мы часто спрашивали Па, как вели себя люди в это время, но он обычно отнекивался или говорил, что был слишком занят, чтобы обращать на них внимание.

Па и его друзья, ученые, предположили заранее, что должно случиться, и вычислили, что наша планета уйдет от Солнца и воздух заморознет. Поэтому они работали как бешеные, готовя убежище с воздухонепроницаемыми стенами и теплоизоляцией, а внутри создавали большие запасы продуктов, топлива и воды. Но во время последних землетрясений убежище разрушилось, а друзья Па погибли. Поэтому ему пришлось начать все сначала и быстренько соорудить Гнездо из того, что оказалось под рукой.

Мы сидим очень тихо, даже огонь горит беззвучно. И слы-

шится лишь голос Па и тиканье часов. Но тут мне померещилось, что где-то за одеялами раздался шорох, и по коже у меня побежали мурашки. А Па рассказывает о первых днях жизни в Гнезде и подходит к месту, где он обычно принимается философствовать.

— И я спросил себя: какой смысл тянуть еще несколько лет? Зачем продолжать существование, обреченное на тяжелую работу, холод и одиночество? Почему мы не сдаемся, спросил я себя, и неожиданно получил ответ.

Снова послышался шорох, на этот раз громче и ближе.

— В жизни постоянно приходится трудиться и бороться с холодом. Земля всегда была одинока, находясь за миллионы миль от ближайшей планеты. И как долго ни существовала бы цивилизация, все равно пришел бы конец. Но это не имеет значения. Главное, что жить — хорошо. Жизнь — очень нежная штука, как густой мед или лепестки цветов, вы, дети, никогда не видели их, но знаете наши ледяные цветы. Или как язычки пламени, которые никогда не повторяются. Жизнь стоит того, чтобы ее прожить. И это так же верно для последнего представителя человечества, как и для первого.

А шорох приближался, и мне показалось, что последний слой одеял заколыхался.

— И хотя обстоятельства изменились,— продолжал Па (теперь я не сомневался, что он тоже слышал шорох и говорил громче, чтобы заглушить его),— я сказал себе, что надо продолжать жить так, будто впереди у нас целая вечность. У меня будут дети, и я научу их всему, что знаю сам. Я дам им возможность читать книги. Я буду планировать наше будущее и постараюсь увеличить Гнездо и улучшить его изоляцию. Я приложу все силы, чтобы мои дети росли и учились видеть прекрасное. И я сохраню в себе веру в чудеса, несмотря на холод, темноту и далекие звезды.

Тут одеяло дернулось и начало подниматься, а за ним показался яркий свет. Голос Па смолк, и наши взгляды устремились на щель между одеялами.

И в Гнездо вошла та прекрасная молодая леди. Она стояла, изумленно глядя на нас и держа в руке что-то яркое. А за ее плечами показались два мужских лица, побледневших, с выпученными от изумления глазами.

Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что она в костюме и шлеме — таких же, как сделал нам Па, только лучше, и мужчины тоже в шлемах. А яркое пятно у нее в руке — переносной фонарь.

Ма тихо вздохнула и упала в обморок. Некоторое время стоя-

ла мертвая тишина, и я успел несколько раз проглотить слюну, а потом поднялся невероятный шум.

Оказывается, выжили не только мы одни. Мы лишь думали, что это так. Эти трое тоже выжили, и еще многие другие. А когда мы узнали, как они пережили катастрофу, Па издал громкий радостный вопль.

Этим, прилетевшим, помогла выжить атомная энергия. Они построили небольшой городок с теплоизоляцией и воздушными шлюзами для входа и выхода. У них было искусственное освещение, при котором они выращивали растения и животных (тут Па издал второй радостный вопль, а Ма пришла в себя).

Но если нас только удивило их появление, то для прилетевших эта встреча была просто потрясением.

Один из мужчин продолжал повторять:

— Нет, это невозможно. Вы не можете поддерживать давление воздуха без герметической изоляции. Это просто невозможно.

Он уже снял шлем и дышал нашим воздухом, а молодая леди глядела на нас, как на святых. Она сказала, что мы сделали что-то потрясающее, а потом ее лицо скривилось, и она заплакала.

Они действительно искали выживших, но не предполагали, что найдут здесь кого-нибудь. У них были космические корабли и большие запасы химического горючего. Что же касается кислорода, то для добычи его стоило лишь выйти на улицу и сгрести, сколько надо, из верхнего слоя замерзшего воздуха. И после того, как они навели у себя порядок (на это ушло несколько лет), начались поиски других колоний. Конечно, они не могли использовать радио, потому что с исчезновением атмосферы пропала ионосфера, и радиосигналы не следовали за кривизной земной поверхности, а улетали в космос.

Они нашли людей в Аргонне и Брукхейвене, и на другой стороне Земли, в Харвелле и на Урале. А теперь они осматривали наш город, в общем, без всякой надежды. Но у них есть прибор, регистрирующий тепловые волны, и он показал, что там, внизу, тепло, и они спустились, чтобы проверить. Конечно, мы не слышали, как приземлился корабль, так как нет воздуха, чтобы передать звук. А им пришлось поблуждать, прежде чем они нашли нас.

К этому моменту пять взрослых говорили, как шестьдесят. Па показывал мужчинам, как он поддерживает огонь, избегается ото льда в трубе, и прочие хитрости. Ма рассказывала молодой леди, как она готовит, шьет, и расспрашивала ее, что сейчас носят женщины. Незнакомцы громко удивлялись и расхваливали Па на

все лады. Впрочем, по тому, как они морщили носы, я понял, что им не нравится запах в Гнезде. Но никто не упомянул об этом, и они продолжали засыпать нас вопросами.

В общем, из-за возбуждения и разговоров мы позабыли обо всем, и Па не сразу заметил, что воздух в ведре уже кончился. Он тут же бросился за одеяла и притащил полную корзину. Конечно, незнакомцы снова начали смеяться и хвалить нас всех.

Что интересно, я почти ничего не говорил, а Сест прилипла к Ма и прятала лицо в ее юбку, когда кто-то смотрел на нее. Да и мне было как-то не по себе. Мне даже хотелось, чтобы они ушли и мы могли бы, наконец, разобраться, что к чему.

И когда незнакомцы предложили нам перебраться в их городок — они не сомневались, что мы согласимся, — я увидел, что Па пришла в голову та же мысль, да и Ма тоже. Па неожиданно замолчал, а Ма несколько раз повторила молодой леди:

— Но я не знаю, как там себя вести, и у меня нет подходящей одежды.

Незнакомцы сначала удивились, но потом все поняли. После того как Па сказал:

— Нельзя дать угаснуть этому очагу.

Незнакомцы ушли, но они вернутся. Мы пока ничего не решили, но все должно измениться. Возможно, Гнездо сохранят в качестве, как сказал один из мужчин, «школы выживания». А может, мы присоединимся к колонистам, которые хотят строить новые города на урановых рудниках около Большого Соленого Озера и в Конго.

Конечно, теперь, после их ухода, я много думаю об искусственном городе с теплоизоляцией и других удивительных местах, где живут люди. Я очень хочу увидеть их сам. Да и Па, несомненно, тоже хочет побывать там.

— Когда стало ясно, что не мы одни остались в живых, — объяснил он мне, — все выглядит совсем по-другому. Твоя Ма не чувствует себя такой беспомощной. Да и мне легче, зная, что я не несу полной ответственности за сохранение рода человеческого. А это не такая уж легкая ноша, сынок.

Я оглядываю стейы из одеял, ведра с испаряющимся воздухом, Ма и Сест, спящих в тепле при мерцающем свете огня.

— Не так-то легко покинуть Гнездо, — говорю я и чувствую, что вот-вот заплачу. — Оно такое маленькое, и нас здесь всего четверо. Я боюсь больших мест, где много незнакомых людей.

Па кивает и кладет в огонь кусочек угля. Затем, поглядев на черную горку рядом с собой, он улыбается и добавляет еще две

пригоршни, будто сегодня один из наших дней рождения или Рождество.

— Это быстро пройдет, сынок,— говорит он.— Беда была в том, что наш мир становился все меньше и меньше, пока не сжался до одного Гнезда. А теперь ему снова пора расти и стать настоящим огромным миром, каким он был в самом начале.

Я думаю, он прав. А интересно, подождет ли прекрасная молодая леди, пока я вырасту? Я спросил ее об этом, а она улыбнулась и ответила, что у нее в городке дочка почти моего возраста и вообще там много детей. Представляете?

Перевел с английского Виктор ВЕБЕР

Филип дик

Военная игра

В одном из кабинетов Бюро Стандартизации Импорта высокий мужчина достал из плетеной корзины утреннюю почту, расположился за столом, надел контактные линзы и закурил сигарету.

— Доброе утро,— тоненьким дрожащим голосом прошептало первое послание. Уайзмэн лениво вел большим пальцем по приклеенной сбоку ленте и отсутствующим взглядом смотрел в распахнутое окно.— Послушайте, что у вас там творится?! Меня интересует судьба...— Пауза, пока говоривший — коммерческий директор сети нью-йоркских магазинов для детей — перелистал свои записи, — ...судьба игрушек с Ганимеда. Нам необходимо срочно получить вашу визу, чтобы мы могли включить их в план осенних закупок для рождественской распродажи.— Голос недовольно крикнул.— На военные игры ожидается хороший спрос. Мы собираемся закупить большую партию.

Уайзмэн отложил письмо, взял чистый бланк и приготовился отвечать. А потом подумал вслух:

— В самом деле, что же там с ганимедскими игрушками? Почему лаборатория так тянет с испытанием?

Разумеется, в последнее время ко всем товарам с Ганимеда приглядываются особенно внимательно; по слухам, дошедшим из кругов, связанных с разведкой, спутники Юпитера преодолели

Philip K. Dick «War Game» из сборника рассказов Ф. Дика «The Preserving Machine and Other Stories». © Philip K. Dick 1969.

свою обычную неуемную жадность и рассматривают возможность военных действий против торговых конкурентов. Но пока никаких твердых данных не поступало. Все их экспортные товары были высшего качества. Не замечалось никаких подвохов — ни потайных капсул с бактериями, ни токсичной краски.

И все же...

От таких изобретательных людей, как ганимедцы, можно ожидать любых козней. Диверсии они, несомненно, будут осуществлять с таким же блеском, как все прочие свои предприятия, — остроумно и нестандартно.

Уайзмэн поднялся, вышел из кабинета и направился к отдельно стоящему зданию, где располагались исследовательские лаборатории.

Заваленный полуразобранными изделиями, Пинарио поднял глаза на вошедшего начальника, Леона Уайзмэна.

— Хорошо, что ты заглянул, — сказал Пинарио, покривив душой. Он на пять дней отставал от графика, и этот визит не сулил ничего приятного. — Надень-ка лучше защитный костюм, не стоит рисковать.

Несмотря на оказанный радушный прием, лицо Уайзмэна сохраняло суровое выражение.

— Я насчет «Штурма Крепости», по шесть долларов за комплект, — объяснил Уайзмэн, перешагивая через нераспечатанные коробки всевозможных размеров, форм и цветов, которые дожидались своей очереди на проверку и одобрение.

— А, эти игрушечные солдатики с Ганимеда, — облегченно вздохнул Пинарио.

Здесь его совесть была чиста; каждый знал наизусть особую инструкцию, именуемую «Вредоносное Воздействие Враждебной Культуры на Мирное Население», — типичный шедевр бюрократической верхушки. В случае нужды он всегда мог сослаться на этот многозначительный документ и необходимость неусыпной бдительности.

— Я занимаюсь ими лично, — сказал он, вставая навстречу Уайзмэну, — ввиду их потенциальной опасности.

— Давай-ка взглянем, — предложил Уайзмэн. — Кстати, ты сам веришь в необходимость осторожности или это обычная мания преследования?

— Пожалуй, осмотрительность не помешает, — произнес Пинарио. — Особенно когда дело касается товаров для детей.

Они прошли во внутреннее помещение.

Зрелище, открывшееся глазам Уайзмэна, заставило его остановиться. Посреди комнаты, окруженная разнообразными игруш-

ками, в самой обычной одежде сидела пластмассовая модель пятилетнего ребенка в натуральную величину.

— Мне надоело. Сделайте еще что-нибудь, — сказал манекен.

Помолчав некоторое время, он произнес снова:

— Мне надоело. Сделайте еще что-нибудь.

Игрушки, управляемые голосом, прекратили свою деятельность и начали все сначала.

— Экономим время, — пояснил Пинарио. — Если бы мы подлаживались под их программу и прогоняли ее целиком, то торчали бы здесь круглые сутки.

Прямо перед куклой отряд ганимедских солдатиков совершал сложные маневры у крепости. По команде манекена фигурки застыли, а потом начали перегруппировываться.

— Вы все снимаете на пленку? — спросил Уайзмэн.

— Конечно, — сказал Пинарио.

Солдатики, около шести дюймов высотой, были сделаны из практически неразрушимых термопластичных материалов, которыми славилась ганимедская промышленность. Их синтетические костюмы представляли собой мешанину всевозможных военных форм армий всех спутников и планет. Крепость, зловещая темная глыба из металла, напоминала древний замок — с бойницами, поднятым мостом и ярким флагом, развевающимся на центральной башне.

С неприятным свистящим звуком крепость выстрелила в атакующих. Снаряд взорвался в гуще солдатиков, безвредно извергнув клуб дыма.

— Она защищается? — удивился Уайзмэн.

— Но рано или поздно проигрывает сражение, — сказал Пинарио. — Так задумано. С точки зрения психологии крепость символизирует внешний мир. А дюжина солдатиков, естественно, олицетворяет усилия ребенка совладать с внешним миром. Предпринимая штурм крепости, ребенок проверяет, насколько он готов вступить во взаимоотношения с реальностью. В конечном итоге ребенок одерживает победу, но лишь после того, как потратит много времени, усердия и терпения. — Он пожал плечами. — Так во всяком случае говорится в инструкции, — добавил он, протянув тоненькую книжечку.

— И схема атаки каждый раз меняется? — поинтересовался Уайзмэн, пролистав страницы.

— Мы наблюдаем уже восемь дней, и солдатики еще ни разу не повторились.

Нападающие осторожно стягивались к крепости. На ее стенах появились следящие устройства, которые стали поворачиваться, не упуская противника из виду. Солдатики пригибались и прятались, умело используя разбросанные посторонние игрушки.

— Укрываются в складках местности,— объяснил Пинарио.— К примеру, встретят на пути кукольный домик, проходящий у нас проверку, и обязательно заберутся внутрь.

В подтверждение своих слов он поднял космический кораблич какой-то компании с Урана и потряс его; оттуда вывалились два солдатики.

— И часто им удается взять крепость?— спросил Уайзмэн.

— Пока в среднем один раз из девяти. Сзади есть регулятор, с его помощью можно усложнить или облегчить эту задачу.

Они переступили через крадущихся солдатиков и склонились над крепостью.

— Здесь находится источник питания, обыкновенная батарея. Отсюда же идут радиокоманды солдатам,— сказал Пинарио.— Здорово придумано!

Он открыл панель и показал своему начальнику командное устройство, состоящее из набора информационных дробинки. Перед началом каждой атаки коробка с дробинками встряхивалась, и дробинки устанавливались в новой комбинации. Таким образом достигались случайный выбор и разнообразие команд. И так как дробинки было конечное число, то и число возможных схем действия было ограничено.

— Мы должны прогнать все комбинации,— заключил Пинарио.

— А нельзя это как-то ускорить?

— Нет, надо просто ждать. Тысяча комбинаций может пройти нормально...

— А на тысяча первой,— подхватил Уайзмэн,— они повернут на девяносто градусов и бросятся на ближайшего человека.

— Или случится кое-что похуже,— мрачно кивнул головой Пинарио.— Блок питания рассчитан на пять лет. Но если вся энергия выделится мгновенно...

— Продолжайте проверку,— приказал Уайзмэн.

Они обменялись многозначительными взглядами и вновь посмотрели на крепость. Солдатики подобрались почти вплотную. Неожиданно стена замка откинулась, показалось пушечное жерло, и солдатиков смяло.

— Никогда такого не видел...— пробормотал Пинарио.

Над полем боя застыла тишина; все замерло. Затем манекен произнес:

— Мне надоело. Сделайте еще что-нибудь.

С безотчетной тревогой двое друзей наблюдали, как солдатики поднимаются на ноги и перегруппировываются.

Через два дня в кабинет Уайзмэна ворвался его начальник Фоулер — невысокого роста сердитый человек с глазами навыкате.

— Послушайте!— взревел он.— Сколько можно испытывать чертовы игрушки! Даю вам срок до завтра.

Он круто повернулся, но Уайзмэн остановил его.

— Это очень серьезно. Пройдемте в лабораторию, я вам кое-что покажу.

Раздраженно ворча, Фоулер последовал за ним.

— Вы понятия не имеете, сколько денег выложили некоторые фирмы за этот хлам!— шумел он, подходя к двери.— У вас здесь одни образцы, а на Луне склады ломятся, и корабли простаивают, ждут разрешения на ввоз!

Пинарио нигде не было видно, и Уайзмэн использовал свой ключ.

Посреди комнаты восседал манекен, а вокруг него танцевали, прыгали, стреляли и трещали многочисленные игрушки. Фоулер опешил.

— Особые подозрения вызывает у нас вот это,— сказал Уайзмэн, наклонившись над крепостью. Со всех сторон к ней по-пластунски ползли солдаты.— Как видите, двенадцать солдатиков. Если учесть запасы энергии и усложненность инструкции по эксплуатации...

— Я вижу только одиннадцать,— неожиданно перебил Фоулер.

— Ерунда, один, наверное, где-нибудь прячется,— отмахнулся Уайзмэн.

— Нет, мистер Фоулер прав,— раздался голос сзади, и со странным выражением на лице появился Пинарио.— Мы искали. Один солдат исчез.

Наступило молчание.

— Возможно, его уничтожила крепость,— наконец произнес Уайзмэн.

— Существует закон сохранения энергии,— парировал Пинарио.— Если крепость его «уничтожила», как вы говорите,— то что она сделала с останками!

— Превратила в энергию,— уверенно заявил Фоулер, изучая крепость и оставшихся солдат.

— Мы кое-что придумали, когда заметили пропажу,— сказал Пинарио.— Взвесили одиннадцать остальных люков крепость. Их общий вес точно совпадает с первоначальным весом всего комплекта. Так что он где-то тут.

Пинарио указал на крепость, которая метким огнем укладывала подбирающихся солдат.

— Прогоните запись,— сказал Уайзмэн.

— Что?— Пинарио смутился и покраснел.— Ну да, конечно...

Он достал из груди манекена катушку с видеолентой и слегка дрожащими руками вставил ее в проектор.

Они смотрели на мельтешащие фигурки, пока не зарябило в глазах. Атака за атакой: солдатики наступали, отступали, падали, сраженные огнем крепости, поднимались, вновь наступали...

— Стоп! — сказал Уайзмэн.

Последний кусок прогнали заново.

Запись отчетливо показала, как к основанию крепости подбирался солдат. Разрыв снаряда на секунду скрыл его из виду: остальные одиннадцать, тем временем, рванулись в атаку. Солдат появился из облака дыма и пополз вперед. Он достиг стены. В ней появилось отверстие.

Сперва солдат лежал неподвижно. Затем, почти неразличимый на фоне гуськой стены крепости, он использовал конец своей винтовки, как отвертку, чтобы отсоединить голову, потом руку, потом обе ноги. Отсоединенные части втянулись в отверстие. Когда осталась только одна рука с винтовкой, она тоже, слепо извиваясь, подобно червяку, вползла в крепость и скрылась из виду.

Отверстие исчезло.

После долгого молчания Фоулер хрипло произнес:

— Родители, естественно, предположат, что солдатика куда-то засунул, потерял или сломал ребенок. Постепенно солдат будет становиться все меньше, а ребенка будут наказывать...

— Что вы предлагаете? — спросил Пинарио.

— Продолжайте испытание, — сказал Фоулер, и Уайзмэн одобрительно кивнул. — Прогоните весь цикл. Но ни в коем случае не оставляйте без надзора.

— С сегодняшнего дня в комнате всегда будет находиться дежурный, — заверил Пинарио.

— А еще лучше, оставайтесь с ней сами, — посоветовал Фоулер.

«Может быть, нам всем лучше остаться с ней, — подумал Уайзмэн. — По крайней мере, двоим: Пинарио и мне... Интересно, что она сделала с частями солдатика?»

К концу недели крепость поглотила еще четырех солдат.

Однако внешне она никак не изменилась. Естественно: количественные изменения должны накапливаться исключительно внутри. А снаружи — все по-прежнему: осаждающие рвутся вперед, крепость обороняется, и так — без конца.

Тем временем с Ганимеда прибыли очередные образцы товаров для детей, которые предстояло испытать.

«Что нас ждет в этот раз?» — задавал себе вопрос Уайзмэн.

Первая игрушка оказалась сравнительно простой: ковбойский костюм древней эпохи Американского Запада. Так во всяком

случае он был обозначен в инструкции. Уайзмэн, впрочем, не обращал внимания на инструкции. Мало ли что там напишут эти обманщики с Ганимеда!

Уайзмэн открыл коробку и выпалил серую невзрачную одежду. «Неудачная подделка», — подумал он.

Материя выглядела рыхлой и легко растягивалась.

— Не понимаю, — сказал он Пинарию. — Это никто не станет брать.

— А ты надень, — предложил Пинарию. — Увидишь. Все не так просто.

Немного попотеет, Уайзмэн напялил на себя костюм.

— Это не опасно?

— Не очень, я уже пробовал. Чтобы он заработал, надо начать фантазировать.

— О чем?

— О чем угодно.

Костюм, естественно, навел на мысли о ковбоях, и Уайзмэн представил себе, что он снова, как в детстве, на ранчо.

Разбитая щебенчатая дорога тянулась вдоль поля, где черномордые овцы, двигая челюстями, дружно щипали траву. Он остановился у колючей изгороди и стал смотреть на овец. Затем неожиданно овцы разом побрели прочь к отдаленному холму.

У линии горизонта виднелись кипарисы. В небе захлопал крыльями ястреб... как будто нагнетая под себя воздух, чтобы подняться выше.

Ястреб набрал высоту и стал парить, высматривая добычу. Уайзмэн огляделся. Ничего, кроме высохших летних полей, дочиста обобранных овцами. Кузнечики. И — на дороге — жаба. Она погрузилась в лужу грязи; наверху торчала только голова.

Он нагнулся, набираясь смелости, чтобы коснуться бородавчатой головы жабы, и в это время низкий мужской голос произнес:

— Как тебе здесь нравится?

— Ну, отлично! — восторженно ответил Уайзмэн.

Он глубоко вдохнул всей грудью, наполняя легкие ароматом сухой травы.

— Как отличаются жаба-мама и жаба-папа? По пятнам?

— А что? — спросил мужчина, стоявший чуть сзади — вне поля зрения.

— У меня тут жаба.

— Между прочим, — сказал мужчина, — могу я задать тебе несколько вопросов?

— Валяйте, — согласился Уайзмэн.

— Сколько тебе лет?

Это просто.

— Десять лет и четыре месяца,— с гордостью ответил Уайзмэн.

— А где ты находишься?

— Как где, в деревне, на ранчо мистера Гейлорда. Отец возит нас сюда с мамой на все выходные.

— Повернись и взгляни на меня,— велел незнакомец.— Ты меня узнаешь?

Уайзмэн неохотно отвернулся от полужарывшейся жабы и поднял голову. Перед ним стоял взрослый мужчина, с худым узким лицом и длинным носом.

— Вы привозите газ бутан,— объявил он.— Из бутановой компании.

Он огляделся и — конечно же! — увидел грузовик.

— Мой папа говорит, что бутан очень дорогой, но другого...

— А скажи мне, ради любопытства,— перебил мужчину,— как называется эта компания?

— Так вот же, на грузовике! — Уайзмэн прочитал написанные краской буквы.— Развозка газа, Пинарио, Петалума, штат Калифорния. Вы — мистер Пинарио.

— Готов ты поклясться, что тебе десять лет и ты стоишь в поле? — спросил мистер Пинарио.

— Еще бы!

Уайзмэн заметил вдали лес и решил его исследовать. Ему надоело стоять столбом и болтать о всякой чепухе.

— Ну, пока,— бросил он, срываясь с места.— Мне тут надо кое-куда сходить.

Он побежал по дороге, прочь от надоедливого мистера Пинарио. С треском разлетались в стороны кузнечики. Глотая воздух, он бежал все быстрее и быстрее.

— Леон! — окликнул Пинарио.— Это совершенно бесполезно! Остановись!

— У меня есть дело в том лесу! — выкрикнул Уайзмэн на бегу.

Внезапно что-то ударило его и отбросило вбок. Он упал на руки; в жарком дневном воздухе замерцала, материализуясь, гладкая стена...

— Тебе не попасть к тому лесу,— проговорил сзади Пинарио.— Лучше стой на одном месте. Не то будешь наталкиваться на предметы.

Уайзмэн завороченно смотрел на свои окровавленные руки; падая, он поранился...

Пинарио стащил с него костюм,

— более опасную игрушку трудно себе представить. Несколько минут — и ребенок теряет связь с реальностью. Ты посмотри на себя.

— Неплохо,— дрожащим голосом выдавил Уайзмэн.— Костюм, по всей видимости, стимулирует уже имеющуюся склонность к бегству от действительности. Я знаю, у меня всегда были скрытые защитные фантазии, связанные с детством. Они касаются именно того периода, когда мы жили в деревне.

— Заметь, как ты увязывал фантазию с элементами реальности, чтобы продлить ее как можно больше. Через какое-то время ты нашел бы способ внедрить в тот мир и стену лаборатории, возможно, как часть амбара.

— Я... уже увидел было старую маслособойню, куда фермеры свозили молоко,— признался Уайзмэн.

— Еще немного, и...

«Если она так воздействует на взрослого,— подумал Уайзмэн,— могу себе представить, что станет с маленьким ребенком...»

— Ну что, продолжим? Как ты себя чувствуешь? Можно и отложить.

— Нормально...— ответил Уайзмэн и стал открывать новую коробку.

— Очень похоже на «Монополию»,— сказал Пинарио.— Называется «Сделка».

Игра состояла из картонного поля, бумажных денег, двух игровых костей, фишек и акций.

— Очевидно, цель — приобретение акций,— уверенно предположил Пинарио, не удосуживаясь заглянуть в инструкцию.— Давай позовем Фоулера: требуется по меньшей мере три человека.

Вскоре они уселись вокруг стола, разложив на середине поле.

— Деньги раздаются поровну, и все начинают в равных условиях,— объяснил Пинарио.— В процессе игры можно разбогатеть или разориться. Важно накопить как можно больше ценного имущества, которое приобретается в различных торговых сделках.

Владения обозначались маленькими яркими пластмассовыми модельками, напоминавшими домики и отели старой игры «Монополия».

Они бросали кости, двигали по полю фишки, торговались, покупали собственность, платили друг другу налоги и штрафы, отсчитывали определенное число ходов в «карантине»... А позади семь солдатиков упорно штурмовали крепость.

— Мне надоело,— произнес манекен.— Сделайте еще что-нибудь.

Солдатики перегруппировались и опять двинулись вперед, подбираясь все ближе и ближе к крепости.

— Интересно, долго еще эта проклятая штука будет действовать на нервы!

Уайзмэн чувствовал себя не в своей тарелке.

— Кто знает...

Пинарио не сводил глаз с багряно-золотой карточки, только что приобретенной Фоулером.

— Мне бы это пригодилось...— сказал он.— Урановые рудники на Плутоне... Сколько вы за них хотите?

— Выгодная вещь...— пробормотал Фоулер, изучив свои остальные акции.— Но столкнуться можно.

«Как мне сосредоточиться на игре,— думал Уайзмэн,— когда эта штука приближается... бог знает к чему? Уж к чему там она стремится... К своей критической массе...»

— Секундочку,— медленно проговорил он.— А не может крепость... оказаться реактором?

— Каким реактором?— рассеянно спросил Фоулер, погрузившись в изучение своего имущества.

— Да отвалекитесь вы от игры!— с досадой воскликнул Уайзмэн.

— Интересная мысль,— кивнул головой Пинарио.— Крепость сама, по кусочкам, строит атомную бомбу. И так до накопления...— Он замолчал.— Не пойдет, мы об этом думали. В ней нет никаких тяжелых элементов. Всего-навсего батарейка на пять лет, да горстка управляемых по радио устройств. Из этого атомный реактор не создашь.

— Я считаю,— сказал Уайзмэн,— что гораздо безопаснее убирать эту штуку подальше.

После знакомства с ковбойским костюмом его уважение к ганимедским фирмам заметно возросло. А костюм, похоже, был невинной игрушкой по сравнению с этой чудовищной крепостью...

— Их теперь только шесть,— оглянувшись через плечо, сообщил Фоулер

Уайзмэн и Пинарио вскочили на ноги. Фоулер был прав. Из первоначальной дюжины солдатиков осталась лишь половина. Крепость поглотила еще одного.

— Вызовем сапера из министерства обороны,— решил Уайзмэн.— Пусть проверит. Это уже вне нашей компетенции.— Он повернулся к своему начальнику.— Вы не возражаете?

— Сперва доиграем,— сказал Фоулер.

— Зачем?

— Надо же убедиться!— Было ясно, что он увлекся и горит желанием довести игру до конца.— Что вы мне дадите за акции урановых рудников на Плутоне? Я готов выслушать ваши предложения.

Они с Пинарио начали торговаться и в конце концов заклю-

чили сделку. Через час стало видно, что Фоулер подминает партнеров. Он имел пять горнодобывающих предприятий, две компании по производству пластмасс, пищевую монополию, сеть магазинов розничной продажи и, разумеется, завладел почти всеми деньгами.

— Я выхожу,— объявил Пинарио. У него осталась жалкая горстка ни на что не годных акций.— Кто хочет купить?

Вложив последнюю наличность, Уайзмэн выкупил акции и стал играть против Фоулера в одиночку. Пара удачных бросков позволила ему немного расширить скудные владения. В нем зажглась искра интереса.

— У детей будет вырабатываться здоровое отношение к экономическим реалиям. Игра подготовит их ко вступлению в мир взрослых.

Но через несколько минут его фишка попала на квадрат, обозначающий дорогую собственность Фоулера, и штраф забрал все его сбережения. Ему пришлось расстаться с двумя контрольными пакетами акций; конец был не за горами.

— Знаешь, Леон, я склонен с тобой согласиться,— произнес Пинарио, наблюдавший за развертыванием очередной атаки.— Эта крепость может оказаться терминалом бомбы. Этаким приемной станцией... Вот закончится ее постройка, и тогда она разрядится мощным импульсом энергии, посланной с Ганимеда.

— А такое возможно?— поинтересовался Фоулер, аккуратно раскладывая деньги по достоинству.

— Кто знает, на что они способны?— сказал Пинарио. Он расхаживал по кругу, нервно засунув руки в карманы.— Вы закончили?

— Почти,— ответил Уайзмэн.

— Дело в том,— продолжал Пинарио,— что солдат осталось только пять. Процесс ускоряется. Если на первого ушла неделя, то на седьмого потребовался час. Не удивлюсь, если через два часа не останется ни одного.

— Мы закончили,— объявил Фоулер. Он только что приобрел последние акции и положил себе в кассу последний доллар.

Уайзмэн встал из-за стола.

— Я немедленно вызову эксперта. Что касается данной игры, то это просто копия нашей старой «Монополии». Ничего оригинального.

— Они, наверно, не знают, что у нас есть такая игра,— вставил Фоулер,— но под другим названием.

Оформили документы, разрешающие ввоз и продажу игры «Сделка», и известили оптовика. Уайзмэн позвонил из кабинета в министерство обороны и изложил свою просьбу.

— Специалист сейчас же выезжает,— сказал неторопливый го-

лос на другом конце провода.— До его прибытия ни к чему не прикасайтесь.

Уайзмэн повесил трубку, остро чувствуя свою беспомощность и никчемность. Они не сумели раскусить эту игру; теперь дело вышло из-под их контроля.

Эксперт оказался молодым человеком в штатском, с коротко подстриженными волосами, без какой-либо защитной одежды. Он опустил на пол чемоданчик с инструментами и дружелюбно улыбнулся.

— Мой первый совет,— сказал он, осмотрев крепость,— отсоединить батарею. Или, если угодно, можно дожидаться завершения цикла и тогда отсоединить батарею, прежде чем начнется какая-нибудь реакция. Иными словами, мы можем позволить последним мобильным элементам войти в крепость. Как только они попадут внутрь, мы отсоединим провода, вскрыем ее и посмотрим, что там происходит.

— Это безопасно?— спросил Уайзмэн.

— Полагаю, что так,— кивнул эксперт.— Приборы не регистрируют никаких следов радиоактивности.

Он достал кусачки и уселся на пол рядом с крепостью.

Остались три солдата.

— Это не займет много времени,— бодро сказал молодой человек.

Прошло пятнадцать минут. Один солдатик подполз к основанию, удалил голову, руку, ноги, туловище и по частям скрылся в возникшем отверстии.

— Два,— прокомментировал Фоулер.

Через десять минут еще один солдатик последовал его примеру.

— Ну...— хрипло выдавил Пинарио. Все четверо переглянулись.

К крепости подбирался последний солдат. По нему вели огонь орудия, но он упорно лез вперед.

— С точки зрения статистики, на это каждый раз должно уходить больше времени.— В напряженной тишине голос Уайзмэна прозвучал нарочито громко.— Потому что, чем меньше остается солдатиков, тем легче ей обороняться. Сначала расчленения должны были бы происходить часто, потом все реже, и наконец, последний солдат...

— Сбавьте тон,— тихо сказал эксперт.— Пожалуйста.

Последний из двенадцати солдатиков достиг основания крепости и, как все его предшественники, начал себя разбирать.

— Приготовьте-ка кусачки,— пробормотал Пинарио.

Солдат по частям исчез в крепости. Отверстие закрылось. Изнутри раздалось нарастающее гудение.

— Ради бога, скорей!— воскликнул Фоулер.

Эксперт протянул руку и коснулся кусачками положительного полюса батареи. Сорвалась искра, и эксперт непроизвольно отпрыгнул; кусачки упали на пол.

— Ч-черт!— воскликнул он.— Я, наверное, был заземлен.

— Вы касались корпуса.— Пинарио возбужденно схватил кусачки, встал на колени и склонился над батареей.— Пожалуй, лучше все-таки через платок,— пробормотал он, убирая кусачки и роясь в кармане.— У кого-нибудь есть чем обернуть ручки? Я не хочу, чтобы меня стукнуло. Кто знает, сколько вольт...

— Давай сюда!— потребовал Уайзмэн, вырывая у него кусачки. Он оттолкнул Пинарио и сомкнул челюсти кусачек на проводе.

— Слишком поздно,— безмятежно сказал Фоулер.

Уайзмэн едва слышал слова своего начальника; в голове его раздался монотонный звук. Он зажал уши руками, тщетно пытаясь заглушить шум. Казалось, крепость транслирует непосредственно в мозг.

«Мы слишком долго тянули...»

Внутри головы раздался голос:

— Поздравляю. Твоя сила духа принесла успех.

Уайзмэна захлестнуло чувство удовлетворения, он был горд, что достиг цели.

— Тебе пришлось очень тяжело,— продолжал голос.— Любой другой неминуемо провалился бы.— Теперь Уайзмэн понял, что все в порядке. Они ошибались.— То, что ты сделал сейчас, ты можешь делать всю жизнь,— объявил голос.— И всегда восторжествуешь над соперником. Терпение и настойчивость принесут тебе победу. В этом мире не так уж трудно жить в конце концов.

«Нет,— с иронией подумал Уайзмэн,— не трудно».

— Тебя окружают лишь самые заурядные люди,— успокаивал голос.— Поэтому, несмотря на то что ты одинок, несмотря на то что ты один против многих, тебе нечего бояться. Выжди срок— и не волнуйся.

— Не буду,— сказал вслух Уайзмэн.

Гудение прекратилось. Голос замолчал.

— Вот и все,— после долгой паузы сказал Фоулер.

— Я не понял...— признался Пинарио.

— Как и говорится в инструкции, это психотерапевтическая игрушка,— объяснил Уайзмэн.— Она прививает ребенку чувство уверенности в своих силах. Расчленение солдатиков,— он ухмыльнулся,— кладет конец разделению между ним и окружающей

средой, соединяет их в единое целое. Ребенок сливается с миром и тем самым покоряет его.

— Значит, эта игрушка безвредна,— сказал Фоулер.

— А вся работа впустую,— проворчал Пинарио.— Простите, что мы зря вас побеспокоили,— обратился он к эксперту.

Крепость распахнула ворота настежь, и из них маршем вышли двенадцать солдатиков, целые и невредимые. Цикл завершился; все начиналось сначала.

Неожиданно Уайзмэн шевельнулся.

— Я ее не выпущу.

— Что?— поразился Пинарио.— Почему?

— Я ей не доверяю. Для того, что она делает, эта игра чересчур сложна.

— Разъясните,— потребовал Фоулер.

— Нечего разъяснять,— сказал Уайзмэн.— Перед нами на редкость сложное и хитроумное устройство, а оно всего-то разбирает и собирает себя. Тут должно что-то крыться, хотя мы пока...

— Это психотерапия,— возразил Пинарио.

— Оставляю на ваше усмотрение, Леон,— решил Фоулер.— Если сомневаетесь, мы ее задержим. Лучше перестраховаться.

— Возможно, я ошибаюсь,— размышлял вслух Уайзмэн,— но мне не дает покоя мысль: зачем же они ее на самом деле построили! По-моему, мы еще не раскусили.

— И костюм Американского Ковбоя,— напомнил Пинарио.— Это тоже нельзя разрешать.

— Только игру,— сказал Уайзмэн.— «Сделка», или как там она...

Нагнувшись, он наблюдал за попытками солдат взять штурмом крепость. Разрывы, клубы дыма, атаки, отступления...

— О чем ты думаешь?— спросил Пинарио.

— Может быть, это отвлекающий маневр?— проговорил Уайзмэн.— Подкинули нам подозрительную штучку, чтобы мы занимались только ей и не заметили чего-то еще.

Какая-то смутная интуитивная мысль вертелась у него в голове, но он никак не мог ее ухватить.

— Это, так сказать, подставка, предназначенная отвлечь наше внимание. В то время как настоящие события происходят где-то в другом месте. Вот почему все так сложно. Они рассчитывали, что мы начнем подозревать. Для этого-то ее и построили.

Он поставил ногу перед солдатиком; тот немедленно укрылся за каблуком, прячась от следящих устройств крепости.

— Что-то должно быть прямо перед нашими глазами,— мучительно произнес Фоулер.— Но этого «что-то» мы не замечаем.

— Да... Так или иначе,— вздохнул Уайзмэн,— будем держать ее под наблюдением.

Он взял стул и уселся, устраиваясь поудобнее, приготовившись к долгому, долгому ожиданию.

В шесть часов вечера Джо Хоук, коммерческий директор сети нью-йоркских магазинов для детей, остановил машину перед домом, вылез и поднялся по ступеням. Под мышкой он сжимал большую плоскую коробку, позаимствованную новинку.

— Э-гей!— чуть завидя его, завопили дети, Бобби и Лора.— Ты чего нам принес, пап?

Они повисли на нем с двух сторон, не давая пройти. Жена на кухне отложила журнал и подняла голову.

— Какую игру я вам отыскал!..— радостно провозгласил Хоук.

Он не видел ничего дурного в том, что взял один из новых образцов. Он неделями висел на телефоне, добиваясь разрешения от бюро Стандартизации Импорта, и, несмотря на все его усилия, они одобрили только один пункт из трех.

Когда дети убежали с игрой, жена укоризненно произнесла:

— Опять злоупотребляешь...

Ей не нравилось, что он приносил со склада новые игрушки.

— У нас их тысячи,— успокоил Хоук.— Все битком набито.

Никто не заметит.

Во время еды дети сосредоточенно изучали каждое слово инструкции к игре, ничего не замечая вокруг.

— За едой не читают,— неодобрительно сказала миссис Хоук.

Сидя в кресле, Джо Хоук рассказывал о событиях дня.

— ...И после столь длительного срока что они разрешают? Дали «добро» только на одну паршивую игру! Нам повезет, если мы сумеем извлечь хоть какую-то прибыль. «Штурм Крепости»— вот настоящая вещь. Ее бы расхватили в два счета. Но она, похоже, застряла там надолго.

Он закурил сигарету и блаженно расслабился, наслаждаясь домашним уютом, присутствием жены и детей.

— Пап, хочешь поиграть? Тут сказано, что чем больше игроков, тем лучше.

— Конечно,— с удовольствием согласился Джо Хоук.

Пока жена убирала со стола, они разложили поле, достали фишки, карточки и раздали деньги. Хоук сразу же с головой ушел в игру. На него нахлынули воспоминания детства; он играл увлеченно и азартно, приобретая акции с немалой оригинальностью и хитроумием, пока, наконец, не завладел почти всем.

Джо Хоук удовлетворенно вздохнул и откинулся на спинку.

— Ну вот,— с трудом скрывая самодовольство, заявил он детям.— Боюсь, что у меня была форя. Ведь я хорошо знаком с подобной игрой.— Приобретенная на поле недвижимость наполняла

его упоительным чувством величия.— Вы уж извините меня за быстрый выигрыш.

— Но ты не выиграл!— воскликнула его дочка.

— Ты проиграл,— сказал сын.

— Что?

— Игрок, оставшийся с наибольшим числом акций, проигрывает,— объяснила Лора. Она показала ему инструкцию.— Видишь? Цель — избавиться от своих акций. Папка, ты вылетел.

— Ну, и черту,— разочарованно протянул Хоук.— Тоже мне игра!— Его самодовольство улетучилось.— Никакого смысла.

— А мы доиграем,— сказал Бобби.— Посмотрим, кто выиграет.

Вставая из-за стола, Джо Хоук презрительно бормотал:

— Не понимаю. Что толку в игре, где победителю достается кукиш!

Деньги и акции переходили из рук в руки, возбуждение нарастало. Когда игра вступила в завершающую стадию, дети сражались с экстатической отрешенностью.

«Они не играли в «Монополию»,— сказал себе Хоук.— Посему столь сумасбродная игра и не кажется им странной».

Так или иначе, но дети получали огромное удовольствие; очевидно, что игра пойдет нарасхват, а это самое главное. Мальчик и девочка уже сейчас учились отказываться от личной собственности; они дрожащими руками отдавали друг другу деньги, отделялись от акций, недвижимости, с самозабвением отказывались от приобретения вещей и умножения капитала.

Подняв сияющие глаза, Лора восхищенно сказала отцу:

— Это самая лучшая учебная игра из всех, что ты приносил домой!

Перевел с английского Владимир БАКАНОВ

СТИВЕН КИНГ

Сражение

— Мистер Реншо?

Голос лортье остановил Реншо на полпути к лифту. Он обернулся, переложил сумку из одной руки в другую. Во внутреннем кармане его пиджака похрустывал тяжелый конверт, набитый двадцати- и пятидесятидолларовыми купюрами. Он прекрасно поработал, и организация хорошо с ним расплатилась, хотя, как всегда, вычла в свою пользу двадцать процентов комиссионных. Теперь Реншо хотелось принять душ и лечь спать.

© «Юный техник», 1981 г.

— В чем дело?

— Вам посылка. Распишитесь, пожалуйста.

Реншо вздохнул и задумчиво посмотрел на коробку. К ней был приклеен листок бумаги, на нем угловатым с обратным наклоном почерком написаны его фамилия и адрес. Почерк оказался Реншо знакомым. Он потряс коробку, внутри что-то еле слышно звякнуло.

— Хотите, чтоб ее вам принесли потом, мистер Реншо?

— Нет, я возьму посылку сам.

Коробка около полуметра в длину — держать такую под мышкой неудобно. Он поставил ее на покрытый великолепным ковром пол лифта, повернул ключ в специальной скважине над рядом простых кнопок — Реншо жил в роскошной квартире на крыше здания. Лифт плавно и тихо пошел вверх. Он закрыл глаза и прокрутил на экране своей памяти последнюю «работу».

Сначала, как всегда, позвонил Кэл Бэйтс:

— Джонни, ты свободен?

Реншо — очень хороший и надежный специалист, он свободен всего 2 раза в год, минимальная такса — 10 000 долларов, клиенты платят деньги за его безошибочный инстинкт хищника. Ведь Джон Реншо ХИЩНИК, генетикой и окружающей средой он великолепно запрограммирован убивать, оставаться в живых и снова убивать.

После звонка Бэйтса Реншо нашел в своем почтовом ящике светло-желтый конверт с фамилией, адресом и фотографией. Он все запомнил, сжег конверт со всем содержимым и выбросил пепел в мусоропровод.

В тот раз на фотографии было бледное лицо какого-то Гансе Морриса, владельца и основателя «Компании Морриса по производству игрушек» в Майами. Этот тип кому-то мешал, человек, которому он мешал, обратился в Организацию, и она в лице Кэла Бэйтса поговорила с Джоном Реншо...

Двери кабины лифта открылись, он поднял посылку, вышел и открыл квартиру. Начало четвертого, просторная гостиная залита апрельским солнцем. Реншо несколько секунд с удовольствием постоял в его лучах, положил коробку на столик у двери, бросил на него конверт с деньгами, распустил узел галстука и вышел на террасу.

Там было холодно, и пронизывающий ветер обжег его через тонкое пальто. Но Реншо все же на минуту задержался, разглядывая город, как полководец захваченную страну. По улицам, как жуки, ползет транспорт. На востоке, за роскошными жилыми небоскребами, еле видны набитые людишками грязные трущобы.

бы, над которыми возвышается лес телевизионных антенн из нержавеющей стали. Нет, здесь, наверно, жить лучше, чем живут там.

Он вернулся в квартиру, закрыл за собой дверь на террасу и пошел в ванную понежиться под горячим душем.

Через сорок минут Джон Реншо вышел из душа и, не топясь, стал разглядывать коробку.

В ПОСЫЛКЕ БОМБА.

Разумеется, ее там нет, но вести себя надо так, как будто в посылке бомба. Он делает так всегда и именно поэтому прекрасно себя чувствует, в то время как многие другие давно уже вознеслись на небеса.

Если это и бомба, то без часового механизма — никакого тика-тика из коробки не доносится. Но вообще-то сейчас пользуются пластиковой взрывчаткой: штука поспокойнее, чем все эти часовые пружины.

Реншо посмотрел на почтовый штампель: Майами, 15 апреля. Отправлено пять дней назад. Бомба с часовым механизмом уже взорвалась бы.

Значит, посылка отправлена из Майами.

Он полностью сосредоточился и, сцепив руки, не шевелясь, разглядывал посылку. Лишние вопросы — откуда близкие Морриса узнали его адрес — не волновали Реншо. Он задаст их позже Бэйтсу. Сейчас это неважно.

Как бы рассеянно он достал из бумажника маленький пластмассовый календарь, засунул его под веревку и клейкую ленту — «скотч» отошел. Он немного подождал, наклонился и понюхал. Ничего, кроме картона, бумаги и веревки. Он походил вокруг столика, присел перед коробкой на корточки: кое-где бумага отошла — показался зеленый металлический ящичек с петлями. Реншо достал перочинный нож, перерезал веревку — оберточная бумага свалилась.

Зеленый металлический ящичек с черными клеймами. На нем белыми трафаретными буквами написано: «Вьетнамский сундучок американского ветерана Джо». И чуть пониже: «Двадцать пехотинцев, десять вертолетов, два пулеметчика, два врача, две бедуины, четыре «джипа». Внизу, в углу: «Компания Морриса по изготовлению игрушек».

Реншо протянул руку и отдернул ее — в сундучке что-то зашевелилось.

Он встал, пересек комнату, зажег свет: уже стемнело.

«Вьетнамский сундучок» раскачивался, коричневая оберточная бумага скрипела под ним. Неожиданно сундучок перевернулся и с глухим стуком упал на ковер. Крышка на петлях открылась сантиметром на пять.

Крошечные пехотинцы — ростом сантиметра по четыре — начали выползать через щель. Реншо не мигая наблюдал за ними. Разумом Реншо не пытался объяснить невозможность происходящего, а только прикидывал, какая опасность угрожает ему и что надо сделать, чтобы выжить.

Пехотинцы были в полевой форме, касках, с вещевыми мешками, за плечами миниатюрные карабины. Двое посмотрели через комнату на Реншо. Глаза у них были не больше карандашных точек.

Пять, десять, двенадцать, вот и все двадцать. Один из них жестикулировал, отдавая приказы остальным. Те построились вдоль щели и начали толкать крышку — щель увеличилась.

Реншо взял с дивана большую подушку, пошел к сундучку. Командир обернулся, махнул рукой. Пехотинцы взяли карабины на изготовку, раздались негромкие хлопающие звуки, и Реншо внезапно почувствовал что-то вроде пчелиных укусов.

Тогда он бросил подушку, пехотинцы упали, а крышка сундучка распахнулась. Оттуда жужжа, как стрекозы, вылетели миниатюрные вертолеты, раскрашенные в зеленый цвет.

Негромкое «пах! пах! пах!» донеслось до Реншо, тут же он увидел в дверях вертолетов крошечные вспышки пулеметных очередей и почувствовал, как будто кто-то начал колоть его иглами в живот, правую руку, шею. Он быстро протянул руку, схватил какой-то из вертолетов, и резкая боль ударила по пальцам — вращающиеся лопасти разрубили пальцы до кости. Остальные отлетели подальше и принялись кружить вокруг, как слепни. Раненный его вертолет упал на ковер и лежал неподвижно.

Реншо закричал от неожиданной боли в ноге. Один пехотинец стоял на его ботинке и бил Реншо штыком в щиколотку. На Джона смотрело крошечное злое лицо.

Реншо отшвырнул пехотинца ногой.

Раздался негромкий кашляющий взрыв — боль пронизала бедро. Из сундучка вылез пехотинец с базукой — из ее дула лениво поднимался дымок. Реншо посмотрел на ногу, увидел в брюках черную дымящуюся дыру размером с монету в двадцать пять центов. На теле был ожог.

Он повернулся и через холл пробежал в спальню. Рядом с его щекой прожужжал вертолет, выпустил короткую пулеметную очередь, полетел прочь.

Под подушкой у Реншо лежал револьвер большого калибра. Он схватил револьвер двумя руками, повернулся и понял, что придется стрелять по летающей мишени не больше электрической лампочки.

На него зашли два вертолета. Сидя на постели, Реншо вы-

стрелил, и один вертолет разлетелся на кусочки. «Одним меньше», — подумал он, прицелился во второй... нажал курок...

Вертолет неожиданно пошел на него по дуге, лопасти винтов вращались с огромной скоростью. Реншо успел увидеть пулеметчика, стрелявшего точными, короткими очередями, и бросился на пол.

ОН ЦЕЛИЛСЯ МНЕ В ГЛАЗА

Прижавшись спиной к дальней стене, Реншо поднял револьвер, но вертолет уже удалялся. Казалось, он на мгновение застыл в воздухе, нырнул вниз, как бы признавая преимущество огневой мощи Реншо, и улетел в сторону гостиной.

Реншо поднялся, наступил на раненую ногу, сморщился от боли. «Много ли на свете людей, — мрачно подумал он, — в которых попали из базуки, а они остались в живых?»

Сняв с подушки наволочку, он перевязал ногу, взял зеркальце для бритья, подошел к двери, встал на колени, выставил его на ковер и увидел...

Они разбили лагерь у сундучка. Крошечные солдатики сновали взад и вперед, устанавливали палатку, деловито разъезжали на «джипах». Над солдатом, которого Реншо ударил ногой, склонился врач. Оставшиеся восемь вертолетов охраняли лагерь, барражируя на высоте кофейного столика.

Неожиданно они заметили зеркальце. Трое пехотинцев встали и открыли огонь с колена. Через несколько секунд оно разлетелось.

НУ ЛАДНО, ПОГОДИТЕ!

Реншо взял с туалетного столика тяжелую коробку из красного дерева, которую ему подарили на рождество, взвесил ее в руке, подошел к двери, резко открыл ее и с размаху швырнул коробку, как бейсболист бросает мяч. Коробка сбила пехотинцев, как кегли. Один «джип» перевернулся 2 раза. Стоя у дверей, Реншо выстрелил и попал в солдата.

Но несколько пехотинцев уже пришли в себя и стреляли с колена, другие быстро попрягались.

Реншо выстрелил еще раз — мимо. Очень уж они маленькие! Но следующим выстрелом уничтожил еще одного пехотинца.

Яростно жужжа, на него летели вертолеты, крошечные пульки попадали ему в лицо выше и ниже глаз. Реншо расстрелял два вертолета. От режущей боли ему застилало глаза.

Оставшиеся шесть вертолетов разделились на два звена и отступили. Рукавом он вытер кровь с лица и приготовился стре-

лять, но остановился. Пехотинцы, укрывшиеся в сундучке, что-то оттуда выкатывали. Похоже...

Последовала ослепительная вспышка желтого огня, и слева от Реншо полетела штукатурка.

РАКЕТНАЯ УСТАНОВКА.

Он выстрелил, промахнулся, повернулся, добежал до ванной в конце коридора и заперся там. Посмотрев в зеркало, он увидел обезумевшего в сражении индейца с дикими перепуганными глазами. Лицо индейца было в подтеках красной краски, которая текла из крошечных, как перчинки, дырочек. Кожа на щеке содрана, на шее как будто борозды пропахали.

Я ПРОИГРЫВАЮ СРАЖЕНИЕ!

Дрожащей рукой он провел по волосам. Входная дверь отрезана. До телефона не добраться. Ракетная установка — прямое попадание, и ему голову оторвет.

ПРО НЕЕ НА КОРОБКЕ ДАЖЕ НАПИСАНО НЕ БЫЛО!

Из двери вылетел кусок дерева величиной с кулак. Маленькие языки пламени лизали рваные края дыры — он увидел яркую вспышку — они пустили еще одну ракету. В ванную полетели обломки, горящие щепки упали на ковер. Реншо затоптал их — через дыру влетели два вертолета, посылая ему в грудь пулеметные очереди.

С протяжным гневным стоном он сбил один рукой. Отчаяние подсказало выход — на второй Реншо накинул тяжелое махровое полотенце и, когда вертолет упал на пол, растоптал его.

ВОТ ТАКИ ВОТ ТАКИ ТЕПЕРЬ ОНИ ПРИЗАДУМАЮТСЯ!

Похоже, они действительно призадумались. В течение пятнадцати минут все было спокойно. Реншо сел на край ванны и принялся лихорадочно размышлять: должен же быть выход из этого тулика. Обязательно. Обойти бы их с фланга.

Он резко повернулся и посмотрел на маленькое окошко над ванной. Из этой ловушки есть выход.

Его взгляд упал на баллончик сжиженного газа для зажигалки. Реншо протянул за ним руку — и услышал сзади шуршание. Он быстро развернулся, вскинул револьвер, но под дверь подсунули всего лишь клочок бумаги. Щель настолько узкая, мрачно подумал Реншо, что в нее даже ОНИ не пролезут.

Крошечными буквами на клочке было написано: «СДАВАЙСЯ!»

Реншо угрюмо улыбнулся, положил баллон с жидкостью в

нагрудный карман, взял с аптечки огрызок карандаша, написал на клочке: «ЧЕРТА С ДВА!» — и просунул его обратно.

Мгновенно ему ответили ослепляющим ракетным обстрелом — Реншо отскочил от двери. Ракеты влетали через дыру и взрывались, попадая в стену, облицованную бледно-голубыми плитками, превращая ее в лунный пейзаж. Реншо прикрыл рукой глаза — горячим дождем шрапнели полетела штукатурка, прожигая его рубашку на спине.

Когда обстрел закончился, Реншо залез на ванну и открыл окошко. На него смотрели колодные звезды. За маленьким окошком узкий карниз, но сейчас нет времени об этом думать.

Он высунулся в окошко, и холодный воздух ударил в лицо. Реншо посмотрел вниз: сорок этажей. С этой высоты улица казалась не шире полотна детской железной дороги.

С легкостью тренированного гимнаста Реншо бросил свое тело вверх и встал коленями на нижнюю часть рамы. Если хоть один из этих слепней-вертолетиков сейчас влетит в ванную через дыру в двери и начнет стрелять, он, вероятнее всего, с криком полетит вниз.

Но ничего не случилось.

Он извернулся, просунул в окошко ногу и схватился за свес над ним. Мгновением позже Реншо стоял на карнизе.

Стараясь не думать об ужасающей бездне под ногами и о том, что будет, если вертолеты полетят за ним, Реншо медленно дагался к углу здания.

Осталось четыре метра... три... Ну вот, дошел. Он остановился, прижавшись грудью к стене, раскинув по ней руки, чувствуя баллон в нагрудном кармане и придающий уверенность вес револьвера за поясом.

Теперь надо обогнуть угол...

В девяти метрах терраса перед его гостиной...

Наконец он схватился руками за железные перила, украшенные орнаментом.

Реншо бесшумно залез на террасу, через стеклянную раздвижную дверь осторожно заглянул в гостиную. Они его не заметили.

Четыре пехотинца и вертолет охраняли сундучок. Остальные, наверное, с ракетной установкой расположились перед дверью в ванную.

Так. Резко ворваться в гостиную, уничтожить тех, что у сундучка, выскочить из квартиры, сесть в такси — и в аэропорт.

Он снял рубашку, оторвал лоскут от рукава, смочил одним его конец жидкостью из баллона, а другой закинул в баллон, достал

зажигалку, поджег лоскут, с треском отодвинув стеклянную дверь и бросился внутрь.

Вертолет сразу пошел на него в атаку — как комикадзе. Реншо сбил его рукой.

Пехотинцы бросились в сундучок.

Все остальное произошло в одну секунду.

Реншо швырнул загоревшийся и превратившийся в огненный шар баллон, мгновенно повернулся и рванулся к двери.

Он так и не успел понять, что произошло.

Раздался грохот, как будто стальной сейф швырнули с большой высоты. Все здание вздрогнуло...

Мужчина и женщина шли по улице. Они испуганно посмотрели вверх и увидели огромную белую вспышку — как будто сто фотоблицев сработали одновременно.

— Что это? — спросила женщина.

— Кто-то сжег пробки, — сказал мужчина.

Какая-то тряпка медленно и лениво падала рядом с ними. Мужчина протянул руку, поймал ее:

— Господи, мужская рубашка, вся в крови и в маленьких дырочках.

— Мне это не нравится, — сказала женщина, нерачичая. — Вызови такси, Раф.

Мужчина огляделся, подозвал такси. Машина остановилась, они побежали к ней и уже не видели, как у них за спиной приземлился еще и листок бумаги, на котором было написано:

ЭЙ, ДЕТИШКИ ТОЛЬКО В НЕСКОЛЬКИХ ВЬЕТНАМСКИХ СУНДУЧКАХ!

Одна ракетная установка

Двадцать ракет «Твистер» класса «земля—воздух»

Один термоядерный заряд

Перевел с английского
Леонид ВОЛОДАРСКИЙ

■ ПУБЛИЦИСТИКА

РОМАН АРБИТМАН

Сквозь призму грядущего

Научная фантастика и реальность... Серьезные критики давно уже не помают колий, мотивируя (или снимая) противопоставление одного из этих понятий другому. Конечно же, научная фантастика, как и любая другая отрасль художественной литературы, отражает реальность, только реальность и ничто другое, кроме реальности. Более того, фантастика — в лучших своих образцах — никогда не уклонялась от постановки жизненно важных вопросов, никогда не искажала произвольно черты реальной действительности. Но писатели-фантасты используют свои, специфические художественные средства, создают картины мира, подчиненные характерным этой отрасли литературы законам.

Фантастический прием дает писателю возможность создавать пограничные ситуации, позволяющие «обкатывать» социальные модели, подвергать философскому анализу пути прогресса, выявлять наиболее яркие черты человеческого характера — такого характера, который соответствовал бы представлению о всесторонне развитой личности. Этот прием как бы «попрокидывает» в будущее тенденции настоящего, делая их логику максимально понятной для читателя.

Тема детства, которую мы избрали предметом данной статьи, давно исследуется фантастами. Она не случайно занимает одно из центральных мест среди тем мировой литературы. Ведь с понятием «детство» теснейшим образом связаны проблемы воспитания, взаимоотношений старшего и младшего поколений, становления человеческой личности и в целом ответственности настоящего за будущее. Особо отметим последний аспект. Как тут не вспомнить слова К. Маркса: «...наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса, и, следовательно, человечества, в целом зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения»¹.

Итак, тема детства — через связующее звено «воспитание» — неизбежно «упирается» в будущее. Понятно, что если мы хотим ис-

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 198.

следовать эту связь с помощью художественных средств, то без научной фантастики — литературы, как раз в будущее и устремленной, — нам трудно обойтись.

В реалистической прозе — в литературе «основного потока» — наиболее яркими примерами подобных исследований служат семейные хроники, саги, романы воспитания, грандиозные исторические эпопеи: «Война и мир», «Хождение по мукам», «Тихий Дон», «Сага о Форсайтах», «Будденброки», «Жан-Кристоф». И в научной фантастике, которая, к сожалению, не может похвастаться большим количеством эпических полотен, писатели посвятили теме детства, проблемам воспитания немало оригинальных и глубоких произведений, продемонстрировав далеко не исчерпанные возможности жанра.

Мы обнаруживаем попытки решения этих проблем в многочисленных рассказах о взаимоотношениях между роботами и их конструкторами. Пестрое многообразие книг о космических контактах являет нам сложный, противоречивый спектр прямых и обратных связей между «взрослыми» цивилизациями и «детскими» («детскими», разумеется, по уровню развития). А путешествия в будущее позволяют задуматься над вопросом о том, что ожидает в «завтрашнем веке» тех, кому сегодня семь, десять или двенадцать лет.

Посмотрим на понятие «детство» в развитии от частного к общему и выделим три стадии обобщения: детство как начальный период жизни индивидуума; детство как пора становления нового поколения; детство как ступень цивилизации. Понятно, что последний аспект подразумевает как минимум два плана осмысления: можно поразмышлять о том, каковы пределы «детского», то есть незрелого, периода развития человечества, а можно подумать над, казалось бы, простым постулатом «нынешние дети суть завтрашние взрослые» и измерить глубины, спрятанные под видимостью простоты. Оба плана равно интересны как предмет исследований.

Восхождение по трем ступенькам предложенной нами условной лестницы сулит немало познавательного. В примерах недостатка не будет: поле выбора в НФ литературе — огромно. Конечно, в подобных литературоведческих «путешествиях» следует оставаться в определенных методологических рамках. Будем помнить: писатели-фантасты не дают готовых рецептов, да и не ставят себе подобной задачи. Их цель — заострить внимание читателя на каком-то явлении, заставить задуматься над прочитанным.

Задуматься — следовательно, сделать выводы.

I. РАКУРСЫ ЖИЗНЕВИДЕНИЯ

...вы должны иметь приличных, хорошо одетых детей, а ваши дети тоже должны иметь хорошую квартиру и детей, а их дети тоже детей и хорошие квартиры, а для чего это — черт его знает.

А. П. Чехов

Итак, первая ступенька: конкретное детство конкретного человека, конкретной личности. Чтобы эта тема обрела наглядность, писатели охотнее всего прибегают к такому приему: наделяют героя ярким талантом, или же необычными свойствами, или же обнажают детское, скрытое в каждом человеке.

В западной фантастике наиболее популярный предмет для разговора на эту тему — судьба незаурядной личности в обществе, конфликт таланта и среды. Показывая в роли непризнанного гения ребенка, «вундеркинда», некоторые писатели подчеркивают уязвимость таланта, его незащищенность в мире наживы. Прогрессивные зарубежные фантасты во многих своих произведениях убедительно показывают, что ожидает личность, недюжинные способности которой могут принести прибыль или привести к созданию какой-нибудь сверхбомбы: гений в буржуазном обществе часто оказывается под контролем алчных бизнесменов или военных.

Безудержное использование богатого воображения мечтательных подростков компанией по «производству» сладких грез (А. Азимов «Мечты — личное дело каждого»)... Стремление военно-промышленного комплекса прибрать к рукам юное математическое дарование, чтобы «использовать в интересах государства... как оружие» (С. Корнблат «Гомес»)... Попытки эсэсовцев выколлотить из ребенка, обладающего гениальными инженерными способностями, секрет прицельной точности ракетных снарядов, чтобы применить его в конструкции «фау» (к данной теме обратился писатель из социалистической страны — речь идет о рассказе чешского фантаста Й. Несвадбы «Идиот из Ксенемюнде»)... Эти и другие примеры из научной фантастики как нельзя более красноречиво убеждают, что в «свободном мире» (читай: мире эксплуатации и насилия) таланту — и тем более юному, чьи взгляды на жизнь еще не устоялись, не определились, — невероятно трудно остаться самим собой, не оказаться пешкой в чьей-нибудь грязной игре.

С горечью думает персонаж рассказа «Гомес» о герое-математике: «Хулио уже не просто симпатичный паренек. Он уже военный объект». Право же, в таком мире лучше скрывать чудесные

способности своего ребенка, чтобы не испортить навсегда его жизнь, чтобы не задушили талант руки нечистоплотных дельцов и политиканов.

Недаром в романе Стивена Кинга «Несущая огонь» родители девочки, наделенной способностью к пирокинезу (умение поджигать предметы силой «взгляда»), стремятся скрыть ее дар от окружающих: иначе никак не уберечь ребенка от неисчислимых бед, которые непременно обрушатся, если «паранормальные» способности вундеркинда получат огласку.

Советские писатели-фантасты в своих произведениях также нередко обращаются к теме гениальных детей. Акценты здесь, разумеется, иные. Фантастика помогает понять психологию ребенка, а это не только «работает» на дело воспитания, но и обогащает самих взрослых.

Приведем слова замечательного педагога Василия Александровича Сухомлиńskiego: «...было бы очень хорошо, если бы в годы отрочества и ранней юности в людской душе сохранялись отдельные детские черты — непосредственность, яркая эмоциональная реакция на события и явления окружающего мира, сердечная чуткость к внутренним душевным движениям людей, с которыми приходится вместе работать, учиться, преодолевать трудности».

Казалось бы, ясные, понятные всем тезисы. Надо ли доказывать их правоту? Да, надо. Как есть «вечные проблемы», над которыми неустанно — столетиями — бьется человеческий ум, так есть и «вечные теоремы», которые необходимо доказывать снова и снова. К последним относятся и «теоремы воспитания». Их решает вся художественная литература. Но фантасты, облекая произведения в яркую, иносказательную форму, доказывают эти теоремы своими художественными средствами.

В условной стране, изображенной Павлом Амнузлом в рассказе «Выше туч, выше гор, выше неба», тьму вековых заблуждений обитателей тесного и косного мирка символизирует густой туман, застилающий солнце и свет. Туман, превративший людей в подобие унылых мокриц, ползающих в вечном сумраке. И самое страшное: они не только не знают, но и знать не хотят, что может находиться за пределами их затуманенной «вселенной». Подняться выше гор, выше туч, выше слепоты и рутины оказывается способен только один «зрячий» — юноша Лог, разорвавший путы предвзятости и открывший новый мир.

Игры, игровое восприятие действительности — важная особенность детства. Игра — основной вид деятельности детей, подготовка к будущей трудовой жизни.

Еще в XVI веке Мишель де Монтень писал: «...игры детей — вовсе не игры, и правильнее смотреть на них как на самое зна-

чительное и глубокомысленное занятие этого возраста». В научной фантастике нередко сюжеты, когда «самое значительное занятие» неожиданно оборачивается... спасением цивилизации. Помните девочку Муру из известного стихотворения Корнея Чуковского, которая сама выдумала «бяку-закаляку кусачую», изобразила ее в альбоме и сама же ее испугалась? В рассказе Виталия Бабенко «Феномен всадников» маленькая девочка показывает рисунок «бяки-закаляки» безжалостным пришельцам, которых невозможно победить никаким земным оружием. И этот рисунок — «Детский страх» — оказывается... единственным действенным средством: пришельцы мгновенно ретируются.

Повесть Владислава Крапивина «Голубятня на желтой поляне» рассказывает о неуязвимых для земной боевой техники бездушных манекенах, несущих смерть всему живому. Особую ненависть у манекенов вызывают дети и Детство. Но и против этих нелюдей герой находит оружие. Оказывается, манекена можно пробить насквозь... детским мячиком.

Конечно, приведенные примеры — лишь фантастические гиперболы, но, во-первых, любая гипербола вырастает из примет реальности, а во-вторых... Взять тот же мячик из повести В. Крапивина. Важно не то, что он пробивает манекена, а то, кто стоит за этим мячом. Это земной космонавт Яр — воплощение сил добра — и группа воспитанных им детей. Для авторской идейной позиции характерно то, что под воспитанием понимается не типичная защита от дурных воздействий, а прививка подросткам духовного иммунитета против влияния зла. Этому иммунитету есть более понятный синоним: чувство ответственности — перед собственной совестью, перед окружающими людьми, перед человечеством. Добро — это не только благотворительность. Добро — прежде всего непримиримая борьба со злом.

Еще несколько примеров того, как фантасты исследуют тему детских игр.

Пока взрослые ученые из рассказа Виктора Колупаева «На асфальте города» ищут, как помочь терпящим бедствие космическим «даумерцам», дети находят выход, рисуя им... домики на асфальте.

В повести Владимира Малова «Рейс «Надежды» описывается типичная для фантастики ситуация «контакт — нет контакта»: между земными космонавтами и инопланетными встала стена непонимания. Но оказалось, что никакого барьера отчуждения нет между детьми двух цивилизаций, быстро нашедшими общую понятную игру — игру, на которую ни та, ни другая взрослая сторона не обратила внимания...

Игра — символ детства, его неперемный атрибут. Возможности игр изучены НФ литературой достаточно полно, но все же

есть один очень важный аспект, который фантасты «проглядели», — это игры с компьютером, рассматриваемые как средство обучения.

Для многих пап и мам новые детские игры — явление совершенно неожиданное, что же говорить о том, что в ближайшие годы нам придется столкнуться с весьма серьезной «игрой», которая, судя по всему, многое перевернет в повседневной жизни. Речь идет о компьютеризации интеллектуальной сферы, индивидуального творчества и быта — о грядущей эре «сплошной компьютерной грамотности». Персональные ЭВМ (ПЭВМ) активно вторгаются в нашу жизнь, а ключиком, открывшим двери для этого вторжения, оказалась игра, игровая компонента, в солидной дозировке включенная в архитектуру «старой доброй» ЭВМ.

«Персональный компьютер оказался первым индивидуальным инструментом, который позволил миллионам людей, занятым в информационной сфере, перейти от рутины монотонного перемалывания информации к игре с этими потоками информации...» — писал в журнале «Знание — сила», 1985, № 3, исследователь темы ПЭВМ Г. Грамов. И дальше: «Игра с компьютером» сама по себе невольно растормаживает и активно стимулирует творческое воображение, создает предпосылки к отысканию новых, нетрадиционных путей решения конкретной производственной задачи».

Увы, мы не найдем в НФ литературе рассказов и повестей, исследующих этот процесс. Фантастика прозвала «игровую революцию» в информационной сфере. Конечно, в ближайшем будущем подобные НФ произведения наверняка появятся, но это будет уже «остроумие на лестнице», ибо действительность в данной области обогнала фантастику. В нашей стране принимаются важные «меры по обеспечению компьютерной грамотности учащихся средних учебных заведений и широкого внедрения электронно-вычислительной техники в учебный процесс»¹. В марте 1985 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о введении с нового учебного года во всех средних учебных заведениях страны курса «Основы информатики и вычислительной техники» и проведении широкого эксперимента по использованию ЭВМ в преподавании школьных предметов.

Это означает, что нынешние дошколята через десять лет будут заканчивать школу уже во всеоружии «компьютерной грамотности», и психологические последствия этого нам — взрослым — еще только предстоит оценить.

---

¹ Правда, 1985, 29 марта.

II. НЕ ПОХОЖИЕ НА НАС...

Дети отклоняются от родителей не только из-за воспитательных промахов и из-за тысяч неуспешных посторонних влияний, но и просто потому, что они другие. Дети должны быть другими. Будь дело иначе, мы бы, наверное, до сих пор сидели в пещерах.

В. Леан

На протяжении десятилетий тема столкновения роботов и их творцов была одной из наиболее популярных в НФ литературе. Секрет популярности заключался, конечно, в самой природе «героев»-роботов, прекрасной находке писателей-фантастов, которые «развязали руки» своим творцам, позволив изобретать бесчисленные вариации парадоксальных положений, — но и не только в ней. Здесь важно вот что. В конфликте искусственных существ и франкенштейнов, в противостоянии «роботы — россумы» (если вспомнить о героях той пьесы К. Чапека — «R. U. R.», — со страниц которой роботы и вышли в белый свет) можно было найти отголоски реальных противоречий между людьми, в первую очередь конфликта между отцами и детьми.

Вот и вторая ступенька нашего «восхождения». Впрочем, если добиваться структурной точности, то конфликт поколений — это скорее — позволим себе такое выражение — «подступенька». Тема детства как условия смены поколений вбирает в себя множество подобных «подступенок»: здесь и проблема передачи молодым опыта, накопленного старшими, и представление о воспитании как о тяжелом, во многом утомительном (выражение В. А. Сухомлинского) — и для воспитателей, и для воспитанников — труде, и сложные вопросы взаимоотношения взрослых и юных; и мировоззренческая проблематика: понятия о месте в мире, о гражданской позиции... На этой же ступеньке снова возникает тема ответственности, особенно в том варианте, который был четко обозначен Антуаном де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце»: мы ответственные за тех, кого приручаем...

Ответственность... Этим нравственным зарядом пронизана не только вся «взрослая» литература о детстве, но и сама идея воспитания. Что может быть более противоестественным — и губительным для юных душ, — чем процесс обучения, отданный на откуп людям, лишенным ответственности?!

Сто сорок лет назад — в работе «Тезисы о Фейербахе» — Карл Маркс писал об этом следующее: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, сле-

довательно, изменявшиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания,— это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан¹.

«Воспитатель сам должен быть воспитан» — насколько точно сказано и насколько актуально звучит эта мысль, отразившая самую суть культуры воспитания!

Здесь трудно удержаться, чтобы не привести высказывание на ту же тему, принадлежащее человеку из совершенно другой эпохи.

«Мы полагаем, что правильное обучение заключается не в благозвучии и изысканности слов языка, но в разумном применении мыслей и в истинных суждениях о хорошем и дурном, о достойном и позорном. Поэтому всякий, кто думает одно, а учеников наставляет в другом, кажется мне, так же чужд обучению, как и понятию о честном человеке... Ибо, несомненно, такие учителя обучают тому, что сами считают наиболее скверным, обманывая и прельщая учеников похвалами, которыми, я полагаю, хотят прикрыть свои пороки».

Эти слова сказаны в IV веке. И поразительно не то, что приведенные размышления о воспитании перекликаются с современными концепциями. Поразителен тот факт, что в педагогике, оказывается, за последние полторы тысячи лет не очень-то изменился ракурс видения этой темы — темы ответственности воспитателей.

Конечно, на каждом новом витке диалектической спирали сложность решения данной задачи возрастает, но задача тем не менее одна и та же...

Впрочем, вернемся к конфликту поколений. Противоречия, выражаемые формулой «отцы и дети», существуют в каждую эпоху, и в различные эпохи они принимают разные обличья. Более того, эти противоречия неизбежно несут на себе печать той или иной общественно-экономической формации. При буржуазном — антагонистическом — строе и проблема поколений заключает в себе непримиримый антагонизм².

Айзек Азимов, «основатель» робототехники в научной фанта-

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2.

² Американский социолог Бретшнайдер провел сравнительный анализ взаимоотношений между старшим и младшим поколениями в США и Советском Союзе. Американский ученый пришел к выводу, что отношения между поколениями в СССР базируются на принципах, коренным образом отличающихся от норм, принятых в США. Советская молодежь, отметил Бретшнайдер, выражает уважение к тому, что сделано старшим поколением, и стремится стать его достойным преемником.

стике, поспешил ограничить поведение своих роботов действиям трех законов — своеобразной программы любви к «родителям». Вряд ли могучие — и очень неглупые — машины показались бы читателю столь милыми и привлекательными, если бы не успокоительная уверенность в надежности заложенного в позитронные мозги поведенческого алгоритма — гарантии послушания искусственных «детей».

А между тем противоречия современной эпохи, разнообразные проявления общего кризиса капитализма значительно обострили конфликт поколений в странах Запада, где молодежные бунты, студенческие волнения, уходы в «битники», «хиппи», «панки» стали массовым явлением. Несогласие с жизненной позицией отцов, попытке найти свое место в жизни — все это в лучшем случае вызывало недоумение и раздражение со стороны старших. Ах, как хотелось бы иным родителям «запрограммировать» своих чад — если не жесткими зимовскими законами, то хотя бы «по образу своему и подобию», чтобы избежать конфликтов. И пусть полное взаимопонимание с детьми (когда ребенок — твое «второе я») недостижимо, но как же хочется добиться хотя бы иллюзорного послушания, видимости сыновней или дочерней любви. А если и этого не дано, тогда безапелляционное подавление бунта, мотивированное желанием добра: нам же, родителям, виднее, как лучше!

Что было бы, если... Что было бы, если бы дети во всем вынуждены были повторять родителей? Эту идею писатели попробовали смоделировать средствами фантастики. Картина получилась страшноватая. Мрачно и беспросветно будущее мальчика Билла Кэррина из рассказа Роберта Шекли «Стоимость жизни», которому с детства все предрешиено: он унаследует профессию отца, всю молодость будет расплачиваться с долгами родителей, а потом оставит такие же огромные долги своим детям. И так далее. «Ты живешь в самом счастливом веке, который только знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки... Тебе остается лишь нажать кнопку...» — внушает отец сыну. Никому нет дела, что мальчик не желает всю жизнь нажимать на кнопки, что он мечтает о звездах, — судьба его запрограммирована.

Так же фатально детерминированы (после некоего эксперимента с наследственностью) судьбы детей-клонов в рассказе Анатолия Диепова «Ферма «Станлю». Вся их жизнь будет во всех «изгибах» повторять жизнь родителей, вплоть до мелочей, вплоть до неизбежного, «запрограммированного» самоубийства по женской линии. Генетическая информация с неумолимостью рока заставляет детей повторять все поступки родителей. Слишком поздно понимает изобретатель, какое существование уготовано его «стандартизированным» отпрыскам, слишком дорого расплата...

Полную аморальность подобного вмешательства отца в жизнь сына показывает Ольга Марионова в повести «Кольцо Фэрнсуортов». Если рассказ Днепрова написан в ярком трагифарсовом ключе, то в «Кольце Фэрнсуортов» писательница исследует психологию ребенка, ставшего объектом биологического эксперимента. Отец маленького Рея наделяет сына всем объемом собственной памяти, собственным опытом. Отцу видится захватывающая картина продолженного в поколениях «клана» Фэрнсуортов, где в памяти каждого нового главы семейства неслыханно увеличивается, накапливается запас информации, переданной по наследству. Увлеченный своими честолюбивыми планами, Норман Фэрнсуорт, по существу, губит ребенка: чужая память довлеет над всей жизнью Рея, все — профессия, опыт, увлечения, даже любовь — «насилено всажено» в его мозг, лишает его свободы воли. Образ подопытного кролика завладевает мыслями Рея. В финале повести сын, не выдержав пытки, стреляет в отца.

Советская писательница, вскрыв идейную сущность противоречий воспитания при капитализме, очень точно выразила ее: сама буржуазная действительность пропитана открытой враждебностью к детям со стороны тех родителей, которые видят в них будущую угрозу своему спокойному существованию, будущих конкурентов в борьбе за «место под солнцем». Одновременно с этим повседневная реальность «свободного мира» дает множество примеров ненависти детей к родителям, которые вольно или невольно мешают младшему поколению жить, как ему того хочется. Смена поколений превращается в смертельную борьбу, в которой ни старость, ни юность не знают пощады.

В рассказе американского писателя Джозефа Шеллита «Чудо-ребенок» описан фантастический прибор матуратор, невиданно ускоряющий развитие ребенка. В течение месяца младенец учится говорить, а два года он выглядит шестилетним, а в шесть лет, развивая предсказанные «стремления и соревнования», просто... убивает родителей «как помеху к своему дальнейшему развитию». И ужаснее всего то (в этом как раз и кроется злой сарказм автора), что в планах психолога, разработавшего проект матуратора, маленький убийца назван «ребенком будущего». Именно такой хладнокровный хищник лучше всего, по мнению автора проекта, будет приспособлен к жизни в буржуазном обществе. Рассказ построен на гротеске, но в этом сатирическом зеркале нельзя не видеть серьезных опасений писателя за судьбу общества, в котором побудительным мотивом поведения становится антигуманизм.

«Отрицание» младшим поколением старшего художественно убедительно продемонстрировал известный американский фантаст Генри Каттнер в своем рассказе «Авессалом». Герой рассказа в

детстве был одаренным ребенком, а теперь у него растет сын, который обладает еще более незаурядными способностями. В итоге отец навсегда оказывается скованным сильной волей малолетнего диктатора. Единственное, что как-то утешает отца,— это мстительная мысль: придет время, и сын Авессалома поступит с ним точно так же...

Рассказ пессимистичен. Очевидно, что не только и не столько физическое, а главное — интеллектуальное и моральное развитие, если оно не корректируется нравственными установками, особенно уродливо и таит в себе страшную угрозу, деструктивный потенциал. Хотя мы в какой-то степени понимаем правомерность бунта мальчика против отца, сжавшего его в тесных рамках, и даже в чем-то сочувствуем ребенку, нас тем не менее активно отталкивает та холодная жестокость, с которой сын «дает отставку» отцу.

У Рэя Брэдбери, в творчестве которого тема детства представлена необычайно широко, есть немало произведений, где авторские и читательские симпатии отдаются героям-детям. Более того, романтико-фантастическая повесть «Вино из одуванчиков» — просто гимн детству, это воплощенная в прозе чистота и безмятежность детства. Трудно найти в мировой литературе произведение, где с той же поэтикой и безыскусственностью был бы передан мир ребенка. Но, с другой стороны, тот же Брэдбери создал ряд рассказов и повестей, где поступки детей поражают своей безжалостностью. Примерами могут служить широко известные рассказы «Урочный час» и «Вельд».

В рассказе «Урочный час» маленькие дети предают своих родителей коварным пришельцам на первый взгляд только лишь потому, что пришельцы согласны разрешать детям не мыться, ложиться поздно спать и смотреть по телевидению в субботу целые две программы!

А вот похожая ситуация, рассмотренная под другим углом зрения: детишки из рассказа «Вельд» хладнокровно отдают отца с матерью на растерзание африканским львам в отместку за то, что родители запретили им играть в детской комнате.

Бесчеловечность поступков маленьких героев — вернее, анти-героев — рассказов очевидна. Однако Брэдбери не был бы художником, если бы своей задачей считал только лишь нацеливание читателей на эту очевидность. Ведь дети не сами сделались такими, превращению ангелочков в монстров в большой степени способствовали сами родители.

Чудовищный замысел инопланетян из «Урочного часа» — превратить детей в «пятую колонну» вторжения на Землю — коренился в хорошо известном (должно быть, и на чужой планете) непонимании родителями детей, в вечной занятости взрослых, их равно-

души к детским делам, наконец, их априорной уверенности в том, что дети — еще не люди. А в действительности дети — просто иные люди, и их поступки нельзя измерить привычной «взрослой» мерой.

«Дети, дети. У них и любовь и ненависть — все перемешано. Сейчас ребенок тебя любит, а через минуту — ненавидит. Странный народ дети. Забывают ли они, прощают ли в конце концов шлепки, и подзатыльники, и резкие слова когда им велишь — делай то, не делай этого? Как знать... Может быть, ничего нельзя ни забыть, ни простить тем, у кого над тобой власть, — большим, непонятливым и непреклонным?» Эти мысли приходят взрослой героине рассказа «Урочный час» в тот момент, когда уже ничего невозможно изменить. Поздно понимают родители Питера и Венди («Вельд»), какую страшную ошибку они совершили, отгородившись от детей превосходными игрушками, а в результате добились того, что детская комната стала им дороже родителей.

Казалось бы, вывод очевиден: взрослому человеку непросто попасть во внутренний мир детей, а попытки проломиться сквозь стенку обречены на провал; надо обладать незаурядным талантом, чтобы понять ребенка. Однако до дна рассказов Брэдбери мы еще не добрались. Проблема «несоприкосновения» мира детей и мира взрослых — это лишь поверхностный слой художественного обобщения, на самом деле писатель смотрит глубже.

Как просто было бы определить мировоззрение Питера, Венди и Мышки (героини «Урочного часа») одним словом — патология. Мол, писатель изобличает болезненные выверты детской психики, порожденные взрослым бездушием. Однако все куда серьезнее. Детство в этих и многих других произведениях Брэдбери — лишь маска, необходимая писателю, чтобы ярче и образнее показать противоречия мира взрослых. Дети не потому стали такими, что их воспитание страдало изъянами, не потому, что их «не поняли», а потому, что таковы — морально ущербны — отношения между взрослыми, потому что такова — антигуманна, — окружающая их среда. Именно в этом — пафос Брэдбери-обличителя, избравшего тему детства в качестве приема для социальной критики буржуазного общества.

А теперь вернемся к проблеме неконтактности взрослых и детей. Положа руку на сердце, давайте признаемся: ведь априорно мы, взрослые, считаем детей не то что глупее — скорее менее развитыми, менее личностями, чем самих себя. Внутренние изменения, какие-то малозаметные колебания в поведении, «странные» проблемы детей, узнав о которых мимоходом, мы, может быть, только улыбнемся, непонятные игры... — все это порой проходит мимо нас, не фиксируется сознанием. Не случайно словцо «инфан-

тильный» все больше приобретает в нашем обиходе отрицательно-оценочное значение.

Между тем недооценка детских мыслительных и иных способностей, детского интеллекта — это еще и одно из старейших заблуждений взрослой половины рода человеческого. Дети — особый народ. Дураков среди них, замечал Януш Корчак, не больше, чем среди взрослых.

В народных сказках всех стран можно найти множество примеров, когда самый младшенький, самый презираемый в семье отпрыск с прилипшим прозвищем «дурачок» оказывался наиболее умным, наиболее мужественным и находчивым, преодолевал все препятствия и с легкостью разрешал самые запутанные головоломки.

Рассказ Клиффорда Саймака «Дурак в поход собрался» написан от лица как раз такого «дурачка». Над простодушием героя потешается вся деревня, к вдруг он обнаруживает в себе поистине невероятный дар телепатии и внушения мыслей. Пройдя краткий путь постижения своих сил в родном захолустье мальчик решает посвятить себя... исправлению всех пороков рода людского.

Этот рассказ прогрессивного американского фантаста очень важен в воспитательном плане. Юный герой произведения поднимает себя на высокий — может быть, высочайший — уровень осознания собственного долга. Его волнуют судьбы уже не только близких и знакомых, но и дальних жителей планеты, судьбы всех людей Земли — это чувство вселенской заботы, между прочим, вовсе не детское, и тем ценнее оно в герое-ребенке: пример, приближенный к читателю по возрастному параметру, особенно заразителен.

В рассказе Саймака используется, безусловно, фантастический прием, но — вот парадокс! — произведение воспринимается как абсолютно реалистическое, суть его вполне «земная», понятная всем и каждому. Дети обладают особым талантом совершать непредсказуемые поступки: в простейших ситуациях они вдруг теряются, и, напротив, — в сложных обстоятельствах у них неожиданно могут открыться такие способности, которые иначе как гениальными и не назовешь.

III. ВЗГЛЯД ИЗ ГЯДУЩЕГО

И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок.

Н. В. Гоголь

В повести Аркадия и Бориса Стругацких «Малыш» люди Земли будущего отказываются от контакта с инопланетным разумом.

Как же так? Не сдача ли это позиций? Не провозглашается ли здесь непознаваемость мира? Конечно, нет. Пафос повести как раз в том, что авторы демонстрируют не поражение, а победу людей в нелегком нравственном испытании. Что важнее — «вертикальный прогресс» всего человечества или судьба одного ребенка, космического Маугли, зажатого, словно в тисках, между двумя цивилизациями? Герои повести осознают страшную истину: контакт погубит Малыша — и они, люди коммунистического завтра, принимают единственно верное решение — покинуть планету. Цивилизация Земли готова поступиться своими интересами ради спасения одного Малыша.

Тема контакта — одна из самых распространенных в современной научной фантастике. И хотя реальный контакт нашей цивилизации с инопланетным разумом более чем проблематичен, лучшие писатели-фантасты решают эту тему не абстрактно, они всегда проецируют ее на реалии, на узнаваемые явления дня сегодняшнего. Пожалуй, именно братья Стругацкие первыми в советской научно-фантастической литературе нашли в теме контакта тот ракурс, который приближает эту проблематику к главному вопросу данной статьи. Трактую тему с точки зрения марксистско-ленинской методологии, писатели опираются на известное определение К. Маркса, который называл ранние этапы истории «детством человеческого общества» и сравнивал народы ранних исторических эпох с детьми.

В ряде произведений, например в повести «Трудно быть богом», Аркадий и Борис Стругацкие рисуют столкновение высокогуманного, технически совершенного, социально и этически «взрослого» общества Земли будущего с «детской», еще не развитой инопланетной цивилизацией. Под «детством» в кавычках здесь следует понимать варварство и дикость средневековья. Огромная дистанция между коммунистической формацией и раннефеодальной определяет основную проблему, стоящую перед землянами на этой планете, — Проблему Бескровного Воздействия. По сравнению

с коммунарами Земли жители планеты еще дети — злые, жестокие, навоспитанные дети.

«Стисни зубы и помни, что... они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват, и поэтому ты должен быть терпеливым и терпимым», — внушает себе Антон, разведчик-землянин, скрывающийся под маской аристократа королевстве Арканар дон Руматы.

Герой повести Стругацких, вооруженный законами исторического развития, прекрасно понимает, что, как ребенок не может сразу повзрослеть, так и вся планета не может мгновенно «перескочить» в коммунизм: до этого еще сменится не одно поколение. И среди крови, грязи, подлости и предательства, окружающих его, Румата мысленно обращается к «еще не родившимся мальчикам и девочкам перед учебным стереовизором Арканарской Коммунистической республики». Собственно, он и его товарищи находятся на планете ради этих будущих ребят.

«Будущее создается тобой, но не для тебя» — это основополагающий постулат и для Руматы, и для героев многих книг Стругацких. Острейший нравственный конфликт разрывает душу Антона: с одной стороны, долг историка, наблюдателя, «бога», с другой — совесть коммунара, не имеющего нравственного права равнодушно смотреть, как «режут и оскверняют». И конфликт в конечном итоге разрешается — безнадежным бунтом...

«Сердце не выдержало. Простите меня... Я просто не смог. Надо было хоть что-нибудь сделать», — говорит другой герой Стругацких, Саул Репнин из повести «Попытка к бегству», оказавшийся в такой же ситуации и тоже поднявший оружие.

Снова обратимся к педагогическому и нравственному опыту В. А. Сухомлинского.

«Мастерство воспитания, — писал директор знаменитой Павлышской школы, — состоит в том, чтобы в каждом сердце жил в миниатюре мир борьбы единственного настоящего добра — коммунизма — против самого страшного зла — мировоззрения человеконенавистничества, угнетения человека человеком — идеи буржуазного мира. Мастерство воспитания юношества состоит в том, чтобы каждый, перед кем открывается мир общественной жизни, умел правильно определить свою позицию при тех обстоятельствах, когда добро означает только борьбу, только мужество, только труд, только напряжение всех сил».

Разумеется, истинная борьба за человечность полностью отрицает неразборчивость в средствах, приоритет цели перед способами ее достижения. Эта мысль — базисная для всей советской художественной литературы — пронизывает и творчество писателей-фантастов. Неразборчивость в средствах еще никогда не оправды-

валясь даже самой благой целью, лучшими побуждениями едва ли можно оправдать жестокие последствия.

В повести Кира Булычева «Великий Дух и беглецы» рассматривается следующая ситуация. Высокоразвитые существа желают форсировать эволюцию отсталого племени (а в перспективе — и населения всей планеты) и делают это, не считаясь ни с кем и ни с чем. Вполне понятно, что такой препарированный «прогресс» не может вызвать никакого сочувствия у землянина, который случайно очутился на месте эксперимента. Бунт не смирившихся со своей жалкой участью юноши и девушки, чью любовь собираются принести в жертву «прогрессу», — естественный финал такого «опыта» над людьми.

Нередко фантасты, пишущие о контакте, размышляют о возможности «вмешательства», в том числе и «вооруженных», в жизнь отсталых цивилизаций, уклад которых, безусловно, несправедлив. Художественно убедительно рассматриваются результаты таких столкновений в повестях А. и Б. Стругацких. Писатели подчеркивают, что история — не игра, а конкретные люди (продукт конкретных исторических эпох) — не марионетки: беда, если экспериментаторы хоть на миг забудут, что перед ними «души живые». Можно в принципе и уничтожить тиранов и угнетателей, и накормить голодных — земная цивилизация будущего достаточно могущественна. Но как быть с громадой традиций, «косвященных веками, незыблемых, проверенных... освобождающих от необходимости думать и интересоваться»?

В той же повести «Трудно быть богом» героя, который не может спокойно воспринимать скотскую жизнь окружающих его арканарцев, преследует неотвязная мысль: просто переселив обывателей Арканарского королевства в прекрасные покои XXII века, сменив их лохмотья на великолепную синтетическую одежду будущего, дав им волю пищи, коммунары ни на йоту не приблизят их к коммунизму. И главное препятствие здесь — замшелая психология «типичных представителей» средневекового общества, а чтобы изменить ее, требуется очень и очень много времени.

Всех неисчислимых достижений Земли будущего оказывается недостаточно, чтобы убедить одного юношу с планеты Гиганда, где царят фашистские порядки, что мир может быть совсем иным — основанным не на насилии, а на справедливости, гуманности, миролюбии. Характерно, что, попав на Землю, Гаг, «парень из преисподней» (так повесть и называется), молодой человек, совсем не лишенный способности размышлять и сопоставлять, искренне пытается разобраться в происходящем. Но слишком прочно ему с детства вбили в голову примитивный набор понятий о «праве сильного и участии «слабака» (эту мерку он прикладывает и к

обществу Земли), слишком хорошо и «профессионально» его научили убивать людей. Свою светлую и просторную комнату на Земле он превращает в подобие казармы, заставляет мирного робота строить оборонительные укрепления, добывает оружие и уверен, что земляне — агрессоры, которые хотят завоевать его родную планету. Гаг просто не представляет, что можно жить совсем по иным законам...

В том же ключе решает проблему Алан Кубатияв в рассказе «Ветер и смерть». Главный персонаж произведения — юный японец, напигованный идеями милитаризма. Этому камикадзе не доступны никакие понятия Добра и Разума. Юнец фанатично предан фашистскому режиму. Встретившись с инопланетным разумом, он погибает, пытаясь обратить чудо-технику пришельца против «врагов». Вспомним кадры из немецкой кинохроники: тысячи детей, взметнувшие руки в нацистском приветствии, воодушевленно орущие: «Хайль!»... эти же дети, стреляющие в спину, из-за угла, подбивающие фаустпатронами советские танки... И другие кадры: молодые американские солдаты — уже нашего времени — в пятнистых шкурах «коммандос», в бесславных «зеленых беретах»... Вьетнам, Гренада, Никарагуа...

Мальчишки, жертвующие своей жизнью ради бессмысленной, несправедливой идеи. Юноши, приученные убивать. Молодые люди, лишённые чувства сострадания и совести.

Все это не фантастика. Это факты, заставляющие всех честных людей на планете с трепетом вглядываться сегодня в лица тех, кому предстоит жить завтра, в XXI веке, задавая вопрос: «Какими вы будете?..»

IV. КАКИМИ ВЫ БУДЕТЕ!

Без научного предвидения, без умения закладывать в человеке сегодня те зерна, которые взойдут через десятилетия, воспитание превратилось бы в примитивный присмотр, воспитатель — в неграмотную няньку, педагогика — в знахарство. Нужно научно предвидеть — в этом суть культуры педагогического процесса...

В. А. Сухомлинский

И вот мы на последней ступеньке нашей «лестницы». Человечеству не нужно изобретать машину времени, которую столь нещадно эксплуатируют фантасты. Парадокс человека как биологического вида — парадокс настолько естественный, что мы напрочь отказываемся его замечать, — заключается в следующем: мы постоянно «едем» в машине времени. Оглянитесь вокруг — рядом с нами живут, дышат, ходят люди XXI века. Эти «гости из будущего» — наши собственные дети.

Одного крупного советского фантаста однажды спросили, с какими научными открытиями он связывает самые большие надежды. Писатель ответил: «Пока таких нет. Но наибольшие надежды я связывал бы с открытиями в области педагогики, психологии. Воспитание — главная наша сегодняшняя задача».

Во многих произведениях советских писателей-фантастов проблема воспитания будущих граждан Земли — одна из центральных. Причем это именно проблема, а не тезис, не установка, не императив: ведь существуют воспитание — и «антивоспитание»; истинное становление Человека, бережное взращивание его — и мнимое, искаженное, когда педагогическое недомыслие или злой умысел калечат души людей. «Человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо, — писал К. Маркс. — Человек — это мир человека, государство, общество»¹.

В повести А. и Б. Стругацких «Стажеры» приводится спор между инженером Ливингтоном (он считает, что люди — изначально скоты, а появление «нищих духов» — неизбежность) и коммунистом Бэлой Барабашем, который утверждает, что именно «общество потребления» делает людей такими: «Кто с пеленок внушал им, что самое главное в жизни — это деньги? Кто учил их завидовать миллионерам, домовладельцам, соседскому бакалейщику? Вы забивали им головы дурацкими фильмами и дурацкими книжками и го-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 414.

ворили им, что выше бога не прыгнешь. И вы вдалбливали им, что есть бог, есть дом и есть бизнес, и больше ничего нет на целом свете. Так вы и делаете людей скотами. А человек ведь не скотина...»

Воспитание — краеугольный камень всякой цивилизации. Широко распространено определение писателей как «инженеров человеческих душ». Но, пожалуй, правильнее инженерами человеческих душ назвать педагогов. Еще в XVII веке английский просветитель Джон Локк уподобил мозг ребенка чистой доске. Локк считал, что девять десятых всех людей, с которыми мы встречаемся, стали тем, что они есть, — добрыми или злыми, полезными или бесполезными — в результате воспитания.

Нет сомнения, что от педагога, в руки которого попадает юное существо в момент «переходного возраста», подчас зависит будущее этого человека. Хороший педагог способен сделать чудо. Вспомним опыт А. С. Макаренко: выйдя из его школы, бывшие малолетние преступники становились полноправными членами нашего общества. Им была привита гражданственность — основа совести, основа чувства собственного достоинства. Они вступали во взрослую жизнь, прекрасно зная, против чего следует бороться — против невежества, бездуховности, лени, эгоизма, бескультурия, рвачества, угодничества, подлости...

Но нельзя забывать: все зависит от целей, которые ставит перед собой воспитатель. Чудо ведь может быть и со знаком «минус»...

...Герой повести Эдуарда Геворкяна «Правила игры без правил», полицейский инспектор, живущий в некоей западной стране, прибывает с проверкой в одну из спецшкол, где обучаются — по идее, перевоспитываются — юные правонарушители. Странную картину наблюдает инспектор: воспитанники изучают каратэ — и одновременно практикуются в батальной живописи, учатся изготавливать оружие — и активно занимаются спортом, тренируются на полигонах, а главное (это инспектор понимает в финале повести) — учатся убивать без сожалений.

Уютная, прекрасно оборудованная, чистенькая школа оборачивается босховским кошмаром. Как выясняется, детей, которые в стенах школы играют в страшные игрушки (наподобие новенькой полевой пушки или последней модели армейского автомата), специально готовят в ландскнехты, чтобы отправить не куда-нибудь, а... на другие планеты. Эта и подобные школы организованы некоей инопланетной цивилизацией, которая тайно черпает с Земли рекрутов для своих войн. Предназначение школьников — стать карателями, надсмотрщиками на тех планетах, жители которых сопротивляются экспансии агрессоров-чистоплюев.

Школа убийц. Само сочетание этих слов кажется невозможным. Конечно, главное в повести — отнюдь не инопланетяне, а та социальная система, которая поощряет существование таких «учебных заведений». Гневное обличение империализма, уродующего судьбы молодого поколения, — вот основной пафос произведения. Фантастическое допущение помогает ярче оттенить главную идею повести: не от мифических пришельцев, а от самих людей зависит, станет ли подрастающий человек человеком или он превратится в валаха — на Земле или в масштабах Галактики. У честных людей планеты хватит сил, чтобы не дать свершиться кошмару, к этой мысли приходят и герой повести, и автор, и читатели.

Появление Человека Невоспитанного (синоним: Человека Бездуховного) — не в житейском, конечно, а в социальном смысле — чрезвычайно тревожит советских писателей-фантастов. XX век опроверг мечты многих утопистов, полагавших, что как только члены общества будут полностью материально обеспечены, общество приблизится к идеалу. Действительность доказала, что материального достатка для совершенствования человека мало и не в нем суть. Многие страны Запада достигли сейчас сравнительно высокого жизненного уровня, но их общество осталось социально и нравственно крайне несовершенным. Здесь возникает тип неомещанина, Массового Сытого Невоспитанного Бездуховного человека — опасность настолько серьезная, что передовые писатели-фантасты считают ее соизмеримой с планетной катастрофой. Используя — на потребительском уровне — все достижения современной науки и техники, такой человек может стать угрозой как для окружающих, так и для социума в целом.

Мещанин может поставить человечество на край гибели — не со зла, а просто в погоне за все более утонченными наслаждениями, может предать его, даже не осознавая собственного шкурничества, ибо все помыслы занимает погоня за личной выгодой. «Вещизм», потребительская психология жизни оказывается страшно опасным — социально опасным — явлением: она «включается» в формирование сознания молодого поколения, идеалы которого оказываются катастрофически сниженными.

Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, вся сложность борьбы с мещанством и буржуазностью заключается в том, что главный фронт этой борьбы проходит глубоко в душах самих людей и что привычки миллионов — самая косная сила истории. И так ли фантастичен «клоп» Присыпкин, вполне серьезно видевший в коммунизме царство безделья, бесплатной выпивки и жратвы? Вообще о какой фантастике в данном случае можно говорить, если по бессмертной пьесе В. Маяковского дата размораживания Присыпкина — 12 мая 1979 года!

По мнению писателей-фантастов, одна из основных задач школы будущего — не только обучение, но и воспитание. И если в зарубежной фантастике мы слышим предостережения, что в школах все силы педагогов будут затрачены на воспитание «идеального потребителя» (рассказ М. Сент-Клер «Потребители»), то точка зрения советских фантастов на будущее совершенно иная. Мир светлый, радостный, свободный, мир творческого труда — именно в таком будут жить наши потомки.

Немало страниц в книгах фантастов уделено школе будущего.. В школе закладывается фундамент настоящего человека, который потом «никогда не спутает хорошее с плохим», в ней будут учить «страшному» для мещанина представлению, что «работать гораздо интереснее, чем развлекаться».

Отрадно отметить, что лучшие советские писатели-фантасты идут нога в ногу с передовой педагогической мыслью, в их произведениях находят отражение как основы, заложенные в дело воспитания классиками марксизма-ленинизма, так и самые последние результаты, полученные советской педагогической школой. Вспомним, что писал К. Маркс в «Капитале» о воспитании «эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей»¹. Ту же мысль мы находим в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса: «...в социалистическом обществе труд и воспитание будут соединены и таким путем подрастающим поколениям будет обеспечено разностороннее техническое образование, как и практическая основа для научного воспитания...»².

В произведениях И. Ефремова, А. и Б. Стругацких, Д. Биленикина, Г. Гуревича, И. Росохватского и многих других ученики будущего не только приобретают на уроках фундаментальные знания (если примерить их к нашему времени, то они по плечу не каждому взрослому) и на школьной практике осваивают «взрослые» профессии (например, исследователя космоса), но и (это самое главное!) получают серьезные нравственные уроки, в исторической перспективе осознают место своего поколения.

В рассказе Дмитрия Биленикина «Проба личности» школьники XXI века выходят на самый настоящий поединок с темными силами истории. Поначалу идет обычный литературный диспут. Но постепенно спор с материализованным Фаддеем Булгеринным превра-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 495.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 334.

щается для школьников в испытание на прочность убеждений, жизненной позиции.

Герои повести Владимира Малова «Академия «Биссектриса» (повесть имеет подзаголовок: «Записки школьника XXI века») увлечены благородной целью — подарить радость всем жителям планеты. Не просто дети, получающие знания, но люди, неравнодушные ко всему, что нас окружает, — такими видятся фантасту школьники грядущего.

В книгах о людях завтрашнего дня советские фантасты не могут обойти вниманием фигуру учителя — человека, от которого зависит, какими личностями станут дети. Образ Педагога с большой буквы создают в своих произведениях Г. Альтов и П. Амнуэль. В обществе «полдня XXII века», которое рисуют в своих произведениях братья Стругацкие, учитель, педагог — самая почетная и ответственная профессия.

Воспитателем детей в будущем может стать вовсе не каждый, а лишь тот, кто обладает целым рядом необходимых качеств, кто чувствует внутреннее призвание ставить на ноги новое поколение. Учитель Тенин («Возвращение») — кстати, бывший космонавт — всем своим образом жизни увлекает, заинтересовывает ребят. Он по-настоящему любит их, относится к детям как к равным, но в то же время без панибратства. Например, он очень тактично и незаметно заставляет их отказаться от необдуманного поступка — «зайцами» отправиться на Венеру — да так, что ребята остаются в полной уверенности, будто передумали сами... Так же исподволь ребята «учатся» благородству и трудолюбию, любознательности и честности.

Глава о Тенине и его учениках в романе «Возвращение» невелика, но очень важна для понимания произведения в целом: она предваряет дальнейшее повествование о выросших мальчиках — людях будущего, которые воплощают в себе лучшие черты человека сегодняшнего дня. Перенесемся из 60-х годов, когда была написана повесть, — и из XXII века, в котором разворачивается ее действие, — в наши дни: ведь именно на это — на воспитание гармонически развитых людей будущего — и нацелена нынешняя школьная реформа!

* * *

Детство — фаза в развитии человека и постоянный фактор в процессе смены поколений — обладает возможностями многозначного символа. Это пора мечтаний, неведения зла и конфликтов, время наивного и непосредственного постижения истины, это знак преходящести, неумолимого бега времени.

Но в то же время детство — это символ будущего, это призма, в которой преломляемся мы сами. Сквозь призму грядущего нам раскрываются все злободневные вопросы нашего времени: проблема предотвращения войны, проблемы экологические, социальные и, разумеется, нравственные.

Дети должны быть лучше нас. Само понятие прогресса включает меру превосходства. Но необходимое условие прогресса — это преемственность.

Новаторство новых поколений возможно только на почве «традиций отцов» — в этом логика эстафеты поколений, логика развития.

Повторим еще раз — как самое важное: тому, кто сейчас ребенок, через десяток лет предстоит самостоятельно жить в мире, решать его проблемы. Решать НАШИ проблемы.

И каким будет этот мир, зависит от нас.

Сегодня.

Сейчас.

■ МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ

Хроника событий

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

В ноябре 1984 года в городе Сочи состоялось Региональное совещание писателей Юга России, организованное Советами по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР. Тема совещания: «Проблемы формирования морально-нравственного облика героев в приключенческой и научно-фантастической литературе». С докладом «Научно-технический прогресс и научная фантастика» на совещании выступил писатель-фантаст Дмитрий Биленкин.

С 11 по 25 декабря 1984 года в Доме творчества писателей им. А. С. Серафимовича («Малеевка») под Москвой состоялся третий Всесоюзный семинар молодых литераторов, работающих в жанрах приключений и научной фантастики. Эти семинары, ставшие доброй традицией, ежегодно проводятся Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР. Руководителями занятий, как и на первых двух семинарах, были писатели Н. М. Беркова, Д. А. Биленкин, Е. Л. Войскунский, Л. Т. Исарова. С интересными научно-фантастическими произведениями выступили В. Бабенко (староста семинара), В. Каплун, А. Саломатов (Москва), В. Жилин, С. Логинов, И. Тибилова (Ленинград), Е. Сыч (Хабаровск), Н. Астахова (Бахчисарай), В. Заяц (Киев), Д. Клугер (Симферополь), Ю. Брайдер (Минск). За три года через школу «Малеевки» прошло более семидесяти молодых фантастов. Некоторые из них (М. Веллер, О. Корабельников, Ю. Пригорницкий, Л. Синицына, А. Фазылов) выпустили свои первые книги.

В июне 1985 года в Москве побывали представители польского журнала «Фантастика». Это уже не первый приезд главного редактора журнала Адама Холланека в нашу страну. Гости посетили редакцию некоторых журналов, публикующих научную фантастику, и московские издательства. Во Всесоюзном агентстве по охране авторских прав (ВААП) с польскими фантастами встречались: сотрудник ВААП С. Н. Михайлова, писатель Д. А. Биленкин, члены московского семинара фантастов В. Т. Бабенко, Э. В. Геворкян, В. И. Генкин, А. В. Кацура, В. В. Покровский, Б. А. Руденко, А. В. Силецкий, член ленинградского семинара фантастов В. М. Рыбаков.

С 25 октября по 3 ноября 1985 года в Доме творчества кинематографистов «Репино», под Ленинградом, состоялся Всесоюзный семинар по приключенческому и научно-фантастическому кино,

организованный Советом по приключенческому и научно-фантастическому кино Союза кинематографистов СССР и Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР. Тема семинара — «Экран приключенческого и научно-фантастического фильма-85». Таким образом, это было подведение итогов года в двух популярнейших кинематографических жанрах. Семинаром руководил председатель Совета по приключенческому и научно-фантастическому кино Союза кинематографистов СССР В. Я. Мотыль. В числе режиссеров и сценаристов, проявляющих интерес к кинофантастике, на семинаре присутствовали С. Бабаян, В. Дербенев, А. Кайдановский, А. Митта, Г. Николаев, С. Потепалов, В. Рубинчик, В. Спиридонов, В. Тарасов, Э. Успенский и другие. Литературный «цех» фантастов на семинаре представляли заместитель председателя Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР Н. М. Беркова, А. Н. и Б. Н. Стругацкие, В. Бабенко (Москва), Ф. Дымов, А. Житинский, В. Рыбаков (Ленинград).

С 21 ноября по 3 декабря 1985 года проходил очередной — четвертый — Всесоюзный «малеевский» семинар молодых литераторов, работающих в жанрах приключений и научной фантастики. На этот раз он состоялся в Доме творчества писателей им. Я. Райниса в Дубултах, под Ригой. Как и раньше, общее руководство семинаром осуществляла заместитель председателя Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР Н. М. Беркова. В двух семинарах по фантастике (руководители Д. А. Бипенкин и В. Д. Михайлов) были обсуждены произведения 28 авторов общим объемом 150 печатных листов. Особого внимания заслуживает тот факт, что молодые литераторы стали активнее работать в области крупной формы. С новыми повестями на семинаре выступили В. Бабенко, Э. Геворкян, В. Покровский, А. Силецкий (Москва), Ю. Брайдер и Н. Чадович (Минск), Е. Грушко (Хабаровск), В. Забирко (Донецк), С. Иванов (Рига), Д. Каралис (Ленинград), Е. Кулинич (Горловка), А. Лазарчук (Красноярск), Е. и Л. Лукины (Волгоград), М. Шаламов (Пермь), Б. Штерн (Киев).

Юбилей 1985 года

50 лет исполнилось Владимиру Васильевичу Григорьеву, выступающему в жанре юмористической фантастики, автору книг «Ах, смею волшебной палочки», «Рог изобилия».

90 лет со дня рождения известного советского писателя Всеволода Вячеславовича Иванова (1895—1963), нашедшего в своем творчестве место и для нескольких фантастических рассказов.

50 лет со дня рождения Ольги Николаевны Ларионовой. Выступает в жанре философской и психологической фантастики, автор книг «Остров мужества», «Знаки зодиака», «Соната моря» и многих рассказов и повестей, опубликованных в сборниках и периодической печати.

50 лет со дня рождения Вячеслава Алексеевича Незарова (1935—1977), автора научно-фантастических книг «Зеленые джери Земли», «Дороги надежды».

50 лет исполнилось Еремею Иудовичу Парнову, издававшему (в соавторстве с М. Т. Емцевым) книги «Уравнение с Бледного Нептуна», «Зеленая креветка», «Последнее путешествие полковника Фосетта», «Падение сверхновой», «Море Дирана», «Три кавра» и др. Е. И. Парнов — активный популяризатор научной фантастики, заместитель председателя Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР, автор многих научно-художественных и научно-популярных книг, в частности, книги «Зеркало Уранни», рассказывающей о том, как идеи фантастики пролагают дорогу науке и как наука воздействует на мир фантастики.

80 лет со дня рождения Виктора Степановича Сапарина (1905—1970), автора научно-фантастических книг «Удивительное путешествие», «Новая планета», «Однорогая жирафа», «Суд над Ганталусом». В течение многих лет В. С. Сапарин был главным редактором журнала путешествий, приключений и фантастики «Вокруг света».

75 лет исполнилось Сергею Александровичу Снегову, освоившему в советской фантастике грудной жанр «космической саги», автору трилогии «Люди как боги», сборника «Прыжок над бездной», повестей «Экспедиция в иномир» и «Галактическая одиссея» и других произведений. В 1984 году С. А. Снегов удостоился премии «Азлита», учрежденной Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей РСФСР и журналом «Уральский следопыт» и присуждаемой за лучшее научно-фантастическое произведение года, а также за вклад в фантастику.

60 лет со дня рождения Аркадия Натановича Стругацкого, признанного мастера советской фантастики, написавшего (в соавторстве с Борисом Натановичем Стругацким) повести «Страна багровых туч», «Попытка к бегству», «Долгая Радуга», «Извне», «Трудно быть богом», «Полдень. XXII век», «Мальши», «Стажеры», «Хищные вещи века», «Понедельник начинается в субботу», «Второе нашествие марсиан», «Обитаемый остров», «Парень из преисподней», «Пикник на обочине», «За миллиард лет до конца света», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». Братья А. и Б. Стругацкие были первыми советскими писателями-фантастами, награжденными премией «Азлита» в 1981 году.

70 лет со дня рождения известного советского писателя и поэта Вадима Сергеевича Шефнера. В фантастике работает с 1963 года, избрав для себя жанр сказочно-иронической фантастики, «полуневроятных историй». Автор многих повестей, объединенных в различные сборники, вышедшие в Москве и Ленинграде.

60 лет исполнилось Зиновию Юрьевичу Юрьеву, успешно работающему в жанре научно-фантастического памфлета, автору книг «Финансист на четвереньках», «Быстрые сны», «Белое снадобье», «Дарю вам память», «Часы без пружины». В 1982 году З. Ю. Юрьев был удостоен премии «Аэлита» за лучшее научно-фантастическое произведение года.

60 лет со дня выхода в свет романа А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (1925)

60 лет со дня выхода в свет первого фантастического произведения А. Р. Белыева (тогда еще рассказа) «Голова профессора Доуэля» (1925).

195 лет со дня выхода в свет знаменитой книги русского революционера и писателя А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», две главы которой посвящены утопическому описанию будущего.

ЗА РУБЕЖОМ

Венгрия

160 лет со дня рождения венгерского писателя Мора Йокай (1825—1904), автора фантастических романов «20 тысяч лет подо льдом», «Где деньги не боги», «Три мраморные головы», «Океания», «Роман будущего столетия» и др.

Чехословакия

95 лет со дня рождения выдающегося чешского писателя Карела Чапека (1890—1938), автора научно-фантастических произведений «Война с саламандрами», «Кракатит», «Средство Макропулоса», пьесы «R. U. R.», многих фантастических рассказов.

Великобритания

125 лет со дня рождения Джеймса Барри (1860—1937), романиста и драматурга, автора известной во всем мире книги «Питер Пен» — трогательной фантастической истории о мальчике, который никогда не стал взрослым.

225 лет со дня рождения Уильяма Бекфорда (1760—1844), писателя предромантического периода, автора фантастической повести «Ватек. Арабская сказка».

80 лет со дня рождения Эрика Фрэнка Расселла (1905—1978), одного из виднейших английских фантастов середины века. Работал в фантастике с 1937 года. Автор нескольких научно-фантастических романов, хотя как романист Э. Ф. Рассел известен меньше, чем новеллист. Наибольшую популярность получил сборник рас-

сказов «Люди, марсиане и машины». Произведения, вошедшие в него, отличаются юмором, сюжетной остротой, парадоксальными концовками.

США

110 лет со дня рождения Эдгара Райса Берроуза (1875—1950), автора научно-фантастических и приключенческих произведений, известного по трем циклам романов: серия о Тарзане, марсианский цикл (наиболее известные романы — «Боги Марса» и «Воитель Марса») и венерианский цикл произведений (наиболее известные романы — «Пираты Венеры» и «Затерянные на Венере»).

80 лет исполнилось Ли Брэкетт, известной писательнице, автору многих научно-фантастических произведений. Ли Брэкетт — жена крупного американского фантаста Эдмунда Гамильтона. Первый ее самостоятельный рассказ был опубликован в 1940 году. Основное направление творчества — «космическая опера». Наиболее известные книги — сборник рассказов марсианского цикла «Пришествие землян», «Звездные люди», «Большой прыжок», роман-предупреждение «Долгое завтра».

60 лет со дня рождения Гарри Гаррисона, одного из ведущих писателей-фантастов. Издается с 1957 года. Для творчества Г. Гаррисона характерны несколько направлений, что видно по наиболее популярным его произведениям: «Билл — герой Галактики» (сатирическая фантастика), «Подвиньтесь, подвиньтесь!» (роман-предупреждение), «Неукротимая планета» (приключенческая фантастика).

75 лет со дня рождения американского писателя-фантаста Фрица Лейбера-младшего, девятикратного лауреата премии Хьюго, обладателя титула «Великий мастер».

70 лет со дня рождения Артура Портадеса, писателя-фантаста, известного в нашей стране, главным образом, по новелле «Саймон Флэгг и дьявол».

100 лет со дня рождения Синклера Льюиса (1885—1951), одного из наиболее ярких представителей критического реализма в литературе США XX века, автора фантастического романа-предупреждения «У нас это невозможно».

150 лет со дня рождения Марка Твена (настоящее имя — Сэмюэл Клемэнс) (1835—1910) — выдающегося писателя, мастера короткого рассказа, автора классического научно-фантастического романа «Янки при дворе короля Артура» и многих фантастических произведений антирелигиозной направленности.

70 лет со дня рождения писателя-фантаста и известного ученого Фреда Хойла, чей роман «Черное облако» публиковался в русском переводе.

70 лет со дня рождения Роберта Янга, автора многих сборников научно-фантастических рассказов — «В сентябре 30 дней», «Миры Роберта Янга», «Зеркало звезды» и др.

120 лет со дня выхода в свет фантастического романа Жюль Верн «С Земли на Луну» (1865).

120 лет со дня выхода в свет сказочной повести Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» (1865).

90 лет со дня выхода в свет романа Герберта Уэллса «Машина времени» (1895).

Материал подготовлен В. Голманом, В. Нихитиным.

СОДЕРЖАНИЕ

Делать других лучше... (От составителя)	4
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	
Александр Мирер. Главный полдень	8
Александр Мирер. Перелепи мое лицо	121
Эрнест Маринин. Искатели удовольствий	130
Дмитрий Биленкин. «Здесь водятся проволоки...»	141
Эдуард Геворкян. Высшая мера (Прощай, сентябрь!..) .	149
Александр Силецкий. И даже очень...	163
Дмитрий Бродский, Владислав Петров. Победитель . .	171
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА	
Фриц Лейбер. Ведро воздуха. Перевел с английского Виктор Вебер	176
Филип Дик. Военная игра. Перевел с английского Владимир Баканов	185
Стивен Кинг. Сражение. Перевел с английского Леонид Володарский	200
ПУБЛИЦИСТИКА	
Роман Арбитман. Сквозь призму грядущего	208
МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ	231

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 30

Составитель

Виталий Тимофеевич БАБЕНКО

Главный отраслевой редактор В. П. Демьянов

Редактор В. М. Климачева

Мл. редактор Н. П. Терехина

Художник М. А. Дорохов

Худож. редактор М. А. Гусева

Техн. редактор Н. В. Лбова

Корректор Н. Д. Мелешкина

ИБ № 7034

Сдано в набор 26.06.85. Подписано к печати 24.01.86.
А 00932. Формат бумаги 84×108¹/₂. Бумага тип. № 1.
Гарнитура журнально-рублиная. Печать литьевая. Усл. печ.
л. 12,60. Усл. кр.-отт. 13,02. Уч.-изд. л. 15,69. Тираж 150 000 экз.
Заказ 6-126. Цена 1 р. 10 к. Издательство «Знание».
101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс
заказа 857731.

Отпечатано с матриц типографии издательства Тат.
ОК КПСС на Киевской книжной фабрике, 252054, г. Киев,
ул. Воронского, 24.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

О роли литературы в жизни советских людей, об их нравственном и эстетическом воспитании, о новых исследованиях литературоведов, о крупных юбилеях писателей рассказывают брошюры серии «Литература».

Эти книжки, конечно, не заменяют монографий, посвященных специальным проблемам, но они помогают ориентироваться в огромном книжном мире, дают возможность быть в курсе литературных событий.

Авторами брошюр выступают видные преподаватели, критики, публицисты. Серия адресована преподавателям, студентам, старшеклассникам, слушателям народных университетов, всем читателям, интересующимся литературой. Выходят брошюры ежемесячно.

Каждый год выходит 12 книжек. Назовем некоторые брошюры одного, 1986 года:

Елизаветина Г. Г. Н. А. Добролюбов (150 лет со дня рождения).

В брошюре рассказывается о жизни Добролюбова, его поэзии, о принципах «реальной критики», предложенной революционером-демократом.

Мальгин А. В. Поэзия труда.

Внимание автора обращено к нравственному, духовному началу в творческом процессе. Анализируется творчество таких мастеров, как Маяковский, Смеляков, Ручьев, Твардовский, Жигулин, и других.

Озеров Л. А. Советская школа художественного перевода.

Известный поэт, критик, переводчик говорит о принципах перевода, о художественной практике своей и своих коллег.

Сенкевич А. Н. Древнейшая и молодая.

Брошюра рассказывает о современной литературе Индии, разбирает книги советских авторов об Индии, ее культуре.

Ким Л. Ч. Набат Хиросимы.

В брошюре рассматриваются романы японских писателей о второй мировой войне.

Боборыкин В. Г. Проза — 1985.

Обзор наиболее значительных произведений советской прозы, появившихся в центральных и республиканских литературно-художественных журналах в 1985 году.

Подписная цена на год — 1 руб. 32 коп.

Индекс серии в каталоге «Союзпечати» — 70069.

1 р. 10 к.

Издательство «Знание»

